

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Третьяков Артемий Дмитриевич

**Теория гегемонистской стабильности в дискуссии о
постбиполярном мировом порядке в экспертном сообществе США
(1991 — 2009)**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент

Сидоров Андрей Анатольевич

Москва – 2026

Оглавление

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Формирование теории гегемонистской стабильности	33
1.1. Идейный фундамент ТГС	33
1.2. Подходы к теории гегемонистской стабильности в период холодной войны.....	51
Глава 2. Теория гегемонистской стабильности во внешней политике США в постбиполярном мире.....	95
2.1. Теория гегемонистской стабильности в политике администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона	97
2.2. Влияние «Проекта нового американского века» на формирование внешней политики США.....	134
2.3. Теория гегемонистской стабильности в политике администрации Дж. Буша-младшего.....	149
Глава 3. Осмысление экспертным сообществом США гегемонистской стабильности в постбиполярном мире.....	182
3.1. Позиции сторонников ТГС	183
3.2. Позиции противников теории гегемонистской стабильности в экспертном сообществе США	239
Заключение	291
Список источников и литературы	305
Приложение 1. Рассматриваемые в работе подходы американских экспертов в отношении теории гегемонистской стабильности	336

Введение

Основой любого знания в сфере международных отношений является их теория – совокупность общих и разделяемых внутри научного сообщества представлений об основных принципах и законах развития мировой политики¹. Экспертные наработки и концепции зачастую оказывают существенное влияние на решение конкретных практических проблем. Поэтому теория в международных отношениях является, в значительной степени, прикладной дисциплиной. Полезность нового знания в рамках теории международных отношений определяется тем, насколько оно способно дополнить и развить наше понимание процессов и явлений в мировой политике. В этом отношении особую онтологическую ценность имеют те модели, которые позволяют проследить взаимосвязь между политическими и экономическими процессами в сфере международных отношений. Такими моделями являются, например, теория империализма, геоэкономика, международная политическая экономия и мир-системный подход. Теория гегемонистской стабильности (ТГС), осмысляющая роль государства-гегемона в мировой политике, основана на тесной взаимосвязи политических и экономических факторов, а также не игнорирует культурно-идеологический аспект, что обуславливает ее ценность при комплексном анализе истории международных отношений.

Актуальность исследования. Изучение роли теории гегемонистской стабильности (ТГС) в американской политической мысли представляется актуальным по нескольким причинам. Во-первых, в середине третьего десятилетия XXI века наблюдается кризис либерального миропорядка, связанный с процессом постепенного ослабления политической и

¹ Изучение международных отношений: необходимые знания и критический подход/ Стенограмма мастер-класса директора Центра комплексных европейских и международных исследований ФМЭиМП ГУ-ВШЭ [Электронный ресурс] // Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. 2009. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://cceis.hse.ru/news/26432374.html> (Дата обращения 13.11.2024)

экономической гегемонии Соединенных Штатов, а также борьбой Вашингтона за ее сохранение. Анализ и критическая оценка системы, выстроенной США, а также дискуссия о возможности и необходимости нового гегемона являются ключевыми темами в истории международных отношений и американской политической мысли постбиполярного периода.

Во-вторых, после окончания холодной войны вопросы глобального мироустройства в значительной степени определялись стратегическими решениями руководства Соединенных Штатов. Существенная часть региональных конфликтов и экономических кризисов XXI века прямо или косвенно были обусловлены решениями Белого дома. Политическая элита США действовала не только на основе прагматических мотивов, но также опираясь на мессианские идеи о переустройстве мира по американскому образцу. Теория гегемонистской стабильности использовалась как рациональное обоснование этих идей, так как постулировала необходимость наличия державы-гегемона для стабильного развития системы международных отношений.

В этом контексте особенно актуально изучение периода с 1991 по 2009 г., который рядом исследователей связывается с концепцией «однополярного момента» американского политолога Ч. Краутхаммера. В рамках этой концепции Соединенные Штаты позиционировались как «безальтернативная сверхдержава» («unchallenged superpower»)². В указанный период США практически не встречали сопротивления со стороны сопоставимых по силе государств при проведении своей политики. Это также дополнялось ростом глобальной экономики, который позволял американской элите заявлять о стабильном мироустройстве под

² Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990. № 70 (1). P. 23.

руководством Вашингтона³. Подобные тенденции актуализировали ТГС в постбиполярный период и сделали ее важной частью стратегической культуры Соединенных Штатов.

Вместе с тем, гегемон парадоксальным образом сам стал причиной мировой нестабильности. Деструктивная политика Вашингтона на Балканах, постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, а также расширение НАТО, ослабили систему международной безопасности, созданную после Второй мировой войны. Кроме того, характер американской экономики стал причиной глобального экономического кризиса, от которого, согласно ТГС, гегемон должен был ограждать мировое сообщество.

Однако период с 1991 по 2009 гг. стал причиной серьезного осмысления возможности и целесообразности однополярного мироустройства среди американских экспертов. Идеи и тезисы, высказываемые в то время, когда для реализации политики США существовали минимальные преграды, наложили значительный отпечаток на политическое самосознание современного американского истеблишмента.

При этом значительное число влиятельных американских аналитиков были изначально критически настроены по отношению к единоличному господству Вашингтона, указывая на системные недостатки такого мироустройства, а также на неизбежное появление «балансирующей коалиции»⁴. Однако, несмотря на эти прогнозы, теория гегемонистской стабильности сохраняет свою актуальность, являясь частью

³ Dr. Condoleezza Rice Discusses Foreign Policy [Электронный ресурс] / Rice C. // George W. Bush White House Archives – 2004 – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030807-1.html> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴ Балансирующая коалиция (Balancing Coalition) – термин, используемый исследователями-реалистами для обозначения самоорганизации государств, стремящихся сдержать более могущественную державу. См. *Mearsheimer J.J. Structural Realism. International Relations Theories*, 2010. Oxford University Press. P. 81.

внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов от «нового мирового порядка» Дж. Буша-старшего⁵ до концепции «мира через силу», используемой администрацией Д. Трампа⁶.

В связи с этим представляется актуальным изучение истоков и основных подходов к теории гегемонистской стабильности, а также ее влияния на внешнюю политику Соединенных Штатов в постбиполярную эпоху. Кроме того, ввиду особой роли внешнеполитического экспертного сообщества в США, видится целесообразным изучение позиций авторитетных аналитиков для углубления понимания американской стратегической культуры, а также анализа структурных проблем, лежащих в основе выстроенной Вашингтоном гегемонистской системы.

Объектом исследования является историко-политическая мысль Соединенных Штатов в постбиполярный период.

Предметом исследования являются подходы американских экспертов к теории гегемонистской стабильности в период с 1991 по 2009 г.

Целью исследования является определение значения теории гегемонистской стабильности для американского экспертного сообщества и внешней политики Соединенных Штатов в постбиполярную эпоху. Достижение этой цели предполагает решение нескольких **задач**:

— выявить научные и идейно-политические истоки теории гегемонистской стабильности, раскрыть ее содержание и подходы к ней в американской политической мысли;

— проанализировать критические работы по ТГС для выявления ее научной актуальности;

— проследить отражение положений ТГС во внешней политике США

⁵ *Layne C.* This time it's real: The end of unipolarity and the «Pax Americana» // *International Studies Quarterly*. 2012. № 56 (1). P. 204.

⁶ *Stokes D.* Trump, American hegemony and the future of the liberal international order // *International Affairs*. 2018. № 94 (1). P. 133–150.

в постбиполярную эпоху с 1991 по 2009 гг;

— рассмотреть влияние теории гегемонистской стабильности на взгляды экспертного сообщества США с 1991 по 2009 гг;

— выделить и сравнить ключевые группы американских экспертов на основе их взглядов на теорию гегемонистской стабильности.

Период с 1991 по 2009 гг. выделяется в качестве хронологических рамок исследования по нескольким причинам. В 1991 г., после окончания холодной войны и распада Советского Союза американская гегемония стала носить глобальный характер, что отразилось на мировоззрении американского истеблишмента и экспертного сообщества. С этого момента значительная часть американских исследователей воспринимала состояние системы международных отношений как «однополярный момент». Вместе с тем, необдуманная политика Вашингтона стала одной из причин углубления конфликтов на Ближнем Востоке и в Европе, а также возобновления конкуренции великих держав. Кроме того, в результате череды финансово-экономических кризисов, в особенности «Великой рецессии» 2008–2009 гг., Соединенные Штаты вместо выполнения стабилизирующей функции стали дестабилизатором мировой экономики. В связи с этим автор, согласуясь с рядом американских экспертов, связывает кризис 2008–2009 гг. с провалом глобального неолиберального консенсуса и теории гегемонистской стабильности⁷.

Определение ключевых понятий исследования. Следует отметить, что не существует всеобъемлющей теории гегемонии и, соответственно, единой дефиниции этого термина. Данный факт признавался рядом американских исследователей⁸, которые выдвигали максимально широкое

⁷ Bateman B., Hirai T., Marcuzzo M. C. The Return to Keynes. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2010. 320 p.

⁸ Wohlforth W. How not to evaluate theories // International Studies Quarterly. 2012. № 56 (1). P. 219. Saull R. Hegemony and the Global Political Economy / Denmark R., Marlin-Bennet R. The International Studies Encyclopedia. London: Wiley-Blackwell, 2010. P. 729.

и консенсусное определение, обозначая гегемонию как «отношения между доминирующим и доминируемым» (a relationship between the dominant and the dominated)⁹. Однако в рамках данной работы не представляется целесообразным воспользоваться этим определением и следует обратиться к истории вопроса, подробно изложенной в первой главе настоящего исследования.

Тем не менее необходимо отметить, что существует очевидное различие между «идеологически ориентированными» и «государственно-ориентированными» концепциями гегемонии (одной из которых является ТГС)¹⁰. Самой известной идеологически-ориентированной концепцией представляется видение итальянского философа А. Грамши¹¹. Его понимание гегемонии основано на классовом анализе, развивающем идею К. Маркса о том, что политические институты и практика их работы устанавливаются буржуазией (или иным правящим классом) для консолидации и легитимации ее социального положения и поддержания капиталистического способа производства. Гегемония представлена в работах Грамши как компромисс между классами, которые соглашаются с определенным социальным порядком под руководством господствующего класса, представляющего свои интересы как естественные и обосновывающего их в институтах, идеях и морали¹².

К первой известной «государственно-ориентированной» концепции гегемонии можно отнести понимание древнегреческого историка Фукидида. Для него гегемония представляла собой «почетный дар», пожалованный Афинам другими городами-государствами Делосской лиги,

⁹ *Worth O.* Rethinking Hegemony. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Помимо наследия Грамши в качестве «идеологически ориентированных» концепций гегемонии можно выделить, например, дискурсивную теорию гегемонии Э. Лакло и Ш. Муффа.

¹² *Gramsci A.* Selections from the prison notebooks of Antonio Gramsci / edited and translated from the Italian by Hoare Q. and Nowell Smith G. Lawrence and Wishart, 1971. Pp 57–58.

признававшими достижения этого полиса в материальных и культурных аспектах. Таким образом, гегемония в древнегреческом варианте означала сочетание военной и экономической мощи с моральным лидерством. При этом *Hegemonia* противопоставлялось понятию «*arkhe*», означавшему «принуждающее достоинство», «господство» и «доминацию»¹³. Концепции Средних веков и Нового времени в той или иной степени дополняли Фукидида¹⁴. Американский политолог и один из ключевых авторов ТГС Р. Гилпин, отсылая к античному опыту определял гегемона как «лидера союза» (*The Leader of an Alliance*)¹⁵.

Однако в современных исследованиях международных отношений, согласно профильному специалисту К. Норлоф, большинство экспертов трактовали гегемонию как способность субъекта сформировать международную систему. Она отмечала, что гегемония отличается от глобальной империи, поскольку государство-гегемон правит, влияя на другие государства, а не контролирует их или их территорию напрямую¹⁶.

Российский американист Т. А. Шаклеина указывала на ошибочное понимание тождества понятий «лидерство» и «гегемония» у ряда американских экспертов. Призывая разводить эти категории, исследователь исходила из того, что лидерство требует добровольного делегирования лидеру полномочий по формированию будущего мировой политики. Она отметила, что гегемония в американском понимании представляет собой лидерство, но с явными элементами давления¹⁷. Принимая этот подход, в контексте ТГС, авторское определение гегемонии в представленном

¹³ *Пери А.* Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Института Гайдара. 2018. С. 10.

¹⁴ См. Главу 1. данного исследования.

¹⁵ *Gilpin R.* Global political economy: Understanding the international economic order. New Jersey: Princeton University Press. 2001. P. 99.

¹⁶ *Norloff C.* Hegemony [Электронный ресурс] // Oxford Bibliographies – 2015 – Режим доступа: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0122.xml> (Дата обращения 13.11.2024)

¹⁷ *Шаклеина Т.А.* Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. № 13 (4). С. 10.

исследовании будет звучать следующим образом: способность государства сформировать международную систему, используя при этом прямое или скрытое давление на оппонентов, но (за редкими исключениями) не применяя прямой контроль над ними. Однако следует отметить, что в зависимости от взглядов, рассматриваемых в работе экспертов, их понимание данного термина может существенно отличаться от предложенного варианта.

Необходимо также обозначить различия между понятиями «гегемония» и «однополярность», так как некоторые американские эксперты противопоставляли их¹⁸. Однополярность видится целесообразным рассматривать в качестве состояния в анархической системе международных отношений, где одно государство существенно превосходит остальные в своих материальных возможностях. Гегемония, в отличие от однополярности, относится к иерархической системе, в которой наиболее доминирующее государство имеет возможность частично или полностью контролировать внешнее поведение всех (или большинства) других государств¹⁹. Таким образом эти понятия различны, но могут дополнять друг друга. Также предлагается рассматривать в качестве взаимодополняемых понятия «однополярной стабильности» (используемое рядом исследователей-реалистов) и «гегемонистской стабильности».

Кроме того, в рамках данной работы активно используется многозначный термин «неоконсерватизм». В контексте ТГС рассматривается т. н. «неоконсерватизм второго поколения», который трактуется как направление политической мысли, возникшее после окончания Холодной войны и сформулированное в работах У. Кристола, Р.

¹⁸ *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony // *International Studies Review*. 1999. № 1 (2). P. 142.
Brooks S. J. Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. New Jersey: Princeton University Press, 2008. P. 9.

¹⁹ *Monteiro N.* Unrest Assured: Why Unipolarity Is Not Peaceful // *International Security*. 2012. № 36 (3). P. 37.

Кейган, М. Бута, Р. Перла, З. Халилзада, Н. Фергюсона и др. При этом к ним можно отнести также труды старших единомышленников Ф. Фукуямы, З. Бжезинского, П. Вулфовица и др. Зарубежные исследователи М. Райан Л. Колодный, Д.Шехтман, Дж. Вайс и российские К. В. Блохин, Т. А. Шаклеина отмечали, что представители второго поколения уже не имели в своей биографии левых и марксистских убеждений, но также стремились к утверждению либеральной демократии в глобальном масштабе. К. В. Блохин характеризовал внешнеполитические взгляды этой группы экспертов как «твердое вильсонянство», указывая на их приверженность теории демократического мира и ценностно-ориентированной стратегии при скептическом отношении к международному праву и глобальным институтам²⁰. Т. А. Шаклеина оценивала стратегию глобального лидерства неоконсерваторов второго поколения как стремление к «жесткой гегемонии» с опорой на государственный потенциал США²¹.

Ключевым понятием работы является теория гегемонистской стабильности. Согласно ее основателям, американским исследователям Ч. Киндлбергеру и Р. Гилпину, эта теория утверждает, что открытая международная экономическая система требует единой гегемонистской державы, способной выполнять важнейшие военные и экономические задачи. В военном отношении гегемон отвечает за стабилизацию ключевых регионов и удерживает мир от крупных войн²². В экономическом плане гегемон обеспечивает общественные блага, открывая свой внутренний рынок для других государств, обеспечивает ликвидность для мировой экономики и резервную валюту, которая может использоваться в качестве

²⁰ Блохин К. В. Американский неоконсерватизм и крах PAX AMERICANA. Роль политической элиты в упадке американского могущества. М: Весь Мир, 2021. С 16.

²¹ Шаклеина Т. А. Идейное обеспечение внешней политики администрации Буша. М.: Институт США и Канады РАН, 2003. С. 12.

²² Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. P. 145.

мирового стандарта, а также способствует открытости рынков других государств²³.

Почему гегемон должен заботиться о соблюдении правил международной экономики и служить общему благу? Согласно теории гегемонистской стабильности, гегемоны как крупнейшие международные торговые игроки имеют неотъемлемую заинтересованность в развитии интегрированных в систему мировых рынков (над которыми они будут, как правило, доминировать). Как самое передовое государство в области производительности и технологий, гегемон не боится конкуренции со стороны других стран. Он опасается только того, что его собственные экономические ресурсы не смогут участвовать в конкурентной борьбе на иностранных рынках. Поэтому гегемоны используют свою власть для обеспечения стабильной политической основы свободной международной торговли²⁴.

Тем не менее, в определенный момент создаваемый гегемоном порядок может стать несправедливым и нелегитимным с точки зрения государств-конкурентов. Это обусловлено невыполнением им своей стабилизирующей функции или т. н. «гегемонистской самоуверенностью» (*hegemony self-confidence*), когда гегемон начинает действовать в одностороннем порядке в ущерб мировой системе²⁵. В случае сохранения доминирования гегемона в сфере материальных (военных и экономических) возможностей, формируется мягкая балансирующая коалиция, стремящаяся к отстаиванию своих интересов мирным путем.

²³ *Kindlberger C.* The world in depression, 1929–1939. 40th Anniversary Edition. Chapel Hill: University of Carolina Press, 2013. P. 28.

²⁴ *Keohane R.O.* The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1967-1977 / *Goddard C. R., Passé-Smith J. T., Conklin J. G.* 1996-International Political Economy: State-Market Relations in the Changing Global Order. Boulder: Lynne Rienner. 1996. Pp. 64–84.

²⁵ *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // *Critical Review of International Social and Political Philosophy.* 2009. № 12(3). P 381.

Материальное ослабление гегемона зачастую приводит к гегемонистской войне, в результате которой доминирующее государство сменяется²⁶.

Еще одним важным компонентом предмета данного исследования является экспертное сообщество США. Авторское определение внешнеполитического экспертного сообщества Соединенных Штатов, сформулированное на основе работ российских американистов Т. А. Шаклеиной²⁷ и И. А. Истомина²⁸, выглядит следующим образом: Децентрализованная конкурентная система, включающая в себя представителей аналитических центров, научно-академических кругов и профильных государственных структур, формирующих основы международной деятельности США и разрабатывающих альтернативные варианты внешнеполитического курса страны.

Следует отметить, что настоящее исследование не претендует на всеобъемлющий анализ экспертного сообщества Соединенных Штатов. В нем рассматриваются позиции наиболее заметных американских аналитиков и академических ученых, затрагивающих в своих работах теорию гегемонистской стабильности.

Степень разработанности темы. В зарубежной и отечественной науке существует значительное число работ, посвященных теории гегемонистской стабильности в американской политической мысли. Они, как правило, не претендуют на всеобъемлющий анализ данной теории и ее отражения в политике Соединенных Штатов и мировоззрении экспертного сообщества в постбиполярный период. Однако в указанных ниже работах

²⁶ *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic Wars // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1988.

№ 18 (4). Pp. 596–597.

²⁷ *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. С. 19.

²⁸ *Истомин И. А.* Внешнеполитическая экспертиза в США // *Сравнительная политика*. 2015. №. 1 (18). С. 111-127.

содержится множество ценных тезисов и фактических данных, необходимых для настоящего исследования.

В отечественной науке теория гегемонистской стабильности традиционно подвергалась критике исследователями-международниками О. Н. Бабуриной²⁹, Э. Я. Баталовым³⁰, А. Н. Богдановым³¹, М. В. Братерским³² и др. Отдельно стоит отметить, что российский американист Т. А. Шаклеина в своих работах указывала на то, что американские политологи часто и некорректно использовали категории гегемонии и лидерства как синонимы, перескакивая с одного термина на другой. «Гегемония в американском понимании – тоже лидерство, только с явными элементами давления. А если оно “скрыто”, хотя и присутствует подспудно, то это уже лидерство»³³.

Однако, как представляется автору, анализ теории гегемонистской стабильности в отечественной политической мысли носит незавершенный характер. За пределами исследовательского интереса в значительной степени остаются проблемы ее формирования, отражения в американской внешней политике в постбиполярную эпоху, а также классификация взглядов экспертного сообщества США непосредственно в контексте ТГС.

Ко второй группе отечественных исследований относятся работы, посвященные различным моделям американского лидерства и анализу американской внешней политики после окончания холодной войны. Здесь следует отметить труды по изучению американского неоконсерватизма и

²⁹ Бабурина О.Н. Переход от теории гегемонистской стабильности к концепции коллективного управления мировым экономическим порядком как фактор отражения национальных приоритетов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 9. С. 2–32.

³⁰ Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М: Прогресс-Традиция, 2014. С. 603–605.

³¹ Богданов А. Н. Эволюция гегемонии: власть США в современном мире // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 9 (1). С. 190–197.

³² Братерский М. В. Россия, США и концепция гегемонии: дискурсивный анализ // Актуальные проблемы Европы. 2018. №1. С. 38–57.

³³ Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. № 13 (4). С. 10.

внешней политики Дж. Буша-младшего, в частности работы А. И. Уткина, К. В. Блохина, А. Э. Безрукова, С. В. Кислицына, М. В. Соляновой, Н. Гейдарова, В. И. Бартенева³⁴, а также работы более общего характера, посвященные теории международных отношений, в частности труды А. Д. Богатурова, Н. А. Косолапова и М. А. Хрусталева³⁵. Важной для понимания глобальных процессов является работа Е.М. Примакова, в которой автор убедительно оспаривает американское стремление к гегемонии³⁶, а также работа Е. В. Журбея, посвященная анализу Стратегии национальной безопасности США в 1990-е гг.³⁷

В зарубежной и, в особенности, американской историографии проблематика американской гегемонии является достаточно хорошо изученной ввиду ее особой актуальности. Целесообразно выделить

³⁴ Уткин А.И. Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2005. №4. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://globalaffairs.ru/articles/doktrina-busha-konczepczija-gazdelivshaya-ameriku/>

Блохин К. В. Внешнеполитическая концепция американского неоконсерватизма и ее реализация в отношении СССР и России: 1945–2012 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.15 / Блохин Константин Владимирович; [Рос. ун-т дружбы народов]. Москва, 2013. 26 с.

Безруков А. Э. Особенности неоконсервативной внешней политики (на примере США) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 9 (46). С. 50–66.

Кислицын С.В. Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. М: Весь мир, 2020. 216 с.

Солянова М. В. Проблемы лидерства США в современных международных отношениях [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. 2014. №3. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://rusus.jes.su/s207054760011079-3-1/>

Гейдаров Н. Идеология глобальной гегемонии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 1. С. 5–14.

Бартенев В.И. Влияние событий 11 сентября 2001 года на политику США в сфере содействия международному развитию // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3 С. 84–218.

³⁵ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. 300 с.

Богатуров А. Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М: Едиториал УРСС, 2004. 48 с.

Богатуров А. Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–97.

³⁶ Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М: Мысль, 2002. 192 с.

³⁷ Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 75–108.

несколько групп исследователей, чьи материалы использованы в данной работе.

В первую очередь следует сказать, что роль теории гегемонистской стабильности во внешней политике США отмечало значительное число экспертов. В частности, Б. Коэн и Х. Милнер воспринимали ТГС лишь как элемент в дебатах о международной политэкономии³⁸. К. Норлофф наоборот, видела в данной теории одну из основ политического и экономического курса Вашингтона³⁹. С. Йетив, Л. Джонс и Л. Фридман изучали влияние идей, таких как ТГС, на принятие внешнеполитических решений⁴⁰. Д. Стокс рассматривал ТГС как один из важных компонентов внешней политики США вплоть до первого президентского срока Д. Трампа⁴¹.

Кроме того, теорию гегемонистской стабильности как теоретико-методологический подход анализировали и критиковали Д. Снидал, Д. П. Каллео, Дж. Гова, Т. Макюэн, К. Шпизио, Т. Волги и Л. Имоул, М. Гаврис, А. Пери, О. Ворф и др⁴².

В качестве исследователей, изучавших особенности и перспективы американской гегемонии, а также глобальную стратегию США, следует

³⁸ *Cohen B.* International Political Economy: An Intellectual History. New Jersey: Princeton University Press. 2008. 224 p.

Milner H. International Political Economy: Beyond Hegemonic Stability // *Foreign Policy*. 1998. № 110. P. 112-123.

³⁹ *Norrluff C.* America's Global Advantage: US Hegemony and International Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 302 p.

⁴⁰ *Yetiv S.* Explaining foreign policy: U.S. decision-making and the Persian Gulf War. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 304 p.

Johns F. G. Engaging the World: Anthony Lake and American Grand Strategy, 1993–1997 // *The Historical Journal*. 2016. № 59. Pp. 869–901.

Freedman L. The Gulf War and the New World Order // *Survival*. 1991. № 33 (3). P. 195–196.

⁴¹ *Stokes D.* Trump, American hegemony and the future of the liberal international order // *International Affairs*. 2018. № 94 (1). P. 133–150.

⁴² *Snidal D.* The limits of hegemonic stability theory // *International Organization*. 1985. № 39 (4). P. 579–614.

Calleo D. P. Beyond American hegemony: the future of the Western Alliance. NY: Basic Books, 1987. 288 p.

Gowa J. Rational Hegemons, Excludable Goods, and Small Groups: An Epitaph for Hegemonic Stability Theory? // *World Politics*. 1989. № 41 (3). Pp. 307–324.

отметить М. Островского, Т. С. Боненхаймера и Р. Гулда, Д. Бринкли, Д. Х. Шолле и Дж. Голдгейера, Дж. Оливера, Р. Хиннебуша⁴³ и др.

Также необходимо выделить исследователей неоконсервативного движения, которое сыграло важную роль в имплементации ТГС во внешнюю политику США. В частности, следует отметить работы о проекте «Новый американский век» М. Райан, Л. Колодного, Д. Шехтмана, Д. Вейсса⁴⁴.

Источниковая база по исследуемой проблеме обширна и разнообразна.

Первую группу источников составляют программные работы и публицистические материалы, ставшие своеобразными манифестами ТГС и написанные в условиях биполярного мира до основного периода,

McKeown T. J. Hegemonic Stability Theory and Nineteenth-Century Tariff Levels in Europe // International Organization. 1983. № 37 (1). Pp. 73–91.

Spiezio K.E. British Hegemony and Major Power War, 1815–1939: An Empirical Test of Gilpin's Model of Hegemonic Governance // International Studies Quarterly. 1990. № 34 (2) Pp. 165–181.

Imwalle L. E., Volgy T.J. Two faces of hegemonic strength: Structural versus relational capabilities // International Interactions. 2000. № 26. Pp. 229–251.

Gavris M. Revisiting the fallacies in Hegemonic Stability Theory in light of the 2007–2008 crisis: the theory's hollow conceptualization of hegemony // Review of International Political Economy. 2019. № 28(3). Pp. 739–760.

Перу А. Перипетии гегемонии. М: Изд-во Института Гайдара, 2018. 296 с.

Worth O. Rethinking Hegemony. London: Palgrave Macmillan, 2017. 232 p.

⁴³ *Ostrovsky M.* Military Globalization: Geography, Strategy, Weaponry. Leviston: Edwin Mellen Press, 2018. 363 p.

Bodenheimer, T. S. Gould R. US Military Doctrines and Their Relation to Foreign Policy / *Varas A.* Hemispheric security and US policy in Latin America. NY: Routledge, 1989. Pp. 7–32.

Dumbrell J. Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered // Diplomacy and Statecraft. 2002. № 13 (2). Pp. 43–56.

Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1997. № 106. Pp. 111–127.

Chollet D. H., Goldgeier J. M. America Between the Wars: From 11/9 to 9/11. NY: PublicAffairs Books, 2008. 463 p.

Oliver J. Pragmatic Fathers and Ideological Suns: Foreign Policy in the Administrations of George H.W. Bush and George W. Bush // White House Studies. 2007. №7. Pp. 199–213.

Hinnebush R. The Iraq War and International Relations: Implications for Small States // Cambridge Review of International Affairs. № 19 (3). Pp. 451–463.

⁴⁴ *Ryan M.* Neoconservatism and the New American Century. London: Palgrave Macmillan, 2010. 283 p.

Colodny L., Shechtman T. The forty years war. The Rise and Fall of neocons, from Nixon to Obama. NY: Harper, 2010. 512 p.

Vaisse J. Neoconservatism. The Biography of movement. Belknap: Belknap Press of Harvard University Press, 2008. 376 p.

рассматриваемого в настоящем исследовании. Здесь можно выделить труды американского экономиста Ч. Киндлергера, считающегося автором данной теории⁴⁵. Далее ТГС с реалистических позиций развивали Р. Гилпин, А. Органски, С. Стрендж, С. Краснер⁴⁶. Либеральный подход к теории гегемонистской стабильности представлен работами Р. Кеохейна⁴⁷ и Дж. Ная. К системному подходу отнесены работы И. Валлерстайна⁴⁸, Дж. Модельски⁴⁹, Дж. Арриги⁵⁰, представителя критической теории Р. Кокса⁵¹ и др.

Ко второй группе относятся работы мыслителей, которые концептуализировали понятие гегемония. Они также послужили основой для части положений ТГС и поэтому могут быть рассмотрены как источники. Здесь необходимо выделить труды А. Грамши⁵², Г. Трипеля⁵³, Л. Дехийо⁵⁴, Р. Штадельмана⁵⁵, Г. Шульце-Геверница⁵⁶, Р. Гильфердинга⁵⁷, Г. Моргентау⁵⁸, Р. Арона⁵⁹ и др.

⁴⁵ Kindlberger C. The world in depression, 1929–1939. 40th Anniversary Edition. Chicago: University of South Carolina Press, 2013. P. 305.

⁴⁶ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
Organski A.F. K. World Politics. NY: Knopf, 1958. 461 p.
Strange S. Casino capitalism. London: Blackwell Pub, 1986. 307 p.
Krasner S. State Power and the Structure of International Trade // World Politics. 1976. №. 28 (3). P. 323, 343.

⁴⁷ Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press. 1984. 320 p.

⁴⁸ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М: Территория будущего, 2006. 248 с.

⁴⁹ Modelski J. Long cycles in world politics. Washington: University of Washington Press, 1987. 244 p.

⁵⁰ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М: Территория будущего, 2006, 307 p.

⁵¹ Cox R. Gramsci, Hegemony and International Relations // Journal of International Studies. 1982. № 12 (2). Pp. 162–184.

⁵² Gramsci A. Selections from the prison notebooks of Antonio Gramsci / edited and translated from the Italian by Q. Hoare and N. G. Smith. London: Lawrence and Wishart. 1971, Pp 57–58.

⁵³ Triepel H. Die Hegemonie. Berlin: Kohlhammer, 1943. 584 p.

⁵⁴ Dehio L. The Precarious Balance. NY: Knopf, 1962. 245 p.

⁵⁵ Stadelmann R. Hegemonie und Gleichgewicht. Berlin: Laupheim, 1950. 158 p.

⁵⁶ Schulze-Gaevernitz G. Britischer Imperialismus und englischer Freihandel: zu Beginn des 20 Jahrhunderts. Berlin: Duncker & Humblot, 1915. 477 p.

⁵⁷ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. М: Стереотип. 2022. 480 с.

⁵⁸ Morgenthau H.J. Politics Among Nations the Struggle for Power And Peace. NY: McGraw-Hill, 1993. 688 p.

⁵⁹ Арон Р. Мир и война между народами. М: Nota Bene, 2000. 879 с.

В *третью группу* входят американские стратегические документы, в которых отражены некоторые положения ТГС. В частности, сюда включены Национальная военная стратегия Соединенных Штатов 1992 г.⁶⁰, Стратегии национальной безопасности США 1994 г.⁶¹, 1998 г.⁶², 2002 г.⁶³ и 2006 г.⁶⁴ К этой группе также относятся такие нормативные акты, как «Разрешение на использование военной силы» 2001 г.⁶⁵ и доктринальные документы, в частности «Доктрина Вулфовица»⁶⁶, «Чистый прорыв: Новая стратегия для защиты государства»⁶⁷ и «Стратегическая энергетическая политика»⁶⁸, отчет Национального совета по разведке (National Intelligence Council) «Глобальные тенденции 2025»⁶⁹.

Четвертую группу составляют выступления, статьи и мемуарная литература американских политических деятелей, определявших глобальную стратегию Вашингтона. Сюда входят статьи и книги

⁶⁰ National military strategy of The United States 1992. [Электронный ресурс] // HISTORICAL OFFICE OFFICE OF THE SECRETARY OF DEFENSE. – 1992. – Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=2014-06-25-123420-723> (дата обращения: 26.04.2024).

⁶¹ Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11, Рр. 153–159, № 12, Рр. 116–123, 1995, № 1, Рр. 122–125, № 2, Рр. 112–126.

⁶² Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Предисловие. // НГ – Сценарий. 1999. № 2. Рр. 9–10.

⁶³ National Security Strategy 2002. [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. – 2002. – Режим доступа: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 27.09.2023).

⁶⁴ The National Security Strategy 2006. [Электронный ресурс] / Section 5 // George W. Bush White House Archives – 2006. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/print/sectionV.html> (дата обращения: 28.04.2024).

⁶⁵ Authorization to U.S. Military Force. [Электронный ресурс] // Congress of the U.S. – 2001. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ40/PLAW-107publ40.pdf> (Дата обращения 13.11.2023)

⁶⁶ Defense Planning: Guidance FY 1994-1999. [Электронный ресурс] // Archives.gov. – 1999. – Режим доступа: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (Дата обращения 28.10.2023)

⁶⁷ A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm. [Электронный ресурс] // The Institute for Advanced Strategic and Political Studies. – 1996. – Режим доступа: http://dougfeith.com/docs/Clean_Break.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

⁶⁸ Strategic energy policy: challenges for the 21st century: report of an independent task force cosponsored by the James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University and the Council on Foreign Relations [Электронный ресурс] // NY: Council on Foreign Relations. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.cfr.org/report/strategic-energy-policy-challenges-21st-century>

⁶⁹ National Intelligence Council (NIC) Global Trends 2025: A Transformed World. Washington: Government Printing Office, 2008. P. 7.

советников по национальной безопасности Э. Лейка⁷⁰, Н. Содерберг⁷¹, К. Райс⁷², государственных секретарей Г. Киссинджера⁷³, У. Кристофера⁷⁴, М. Олбрайт⁷⁵, а также выступления и статьи президентов США Дж. Буша-старшего, У. Клинтона и Дж. Буша-младшего⁷⁶. Кроме того, в эту группу входят архивные электронные материалы Проекта «Новый американский век», оказавшие значительное влияние на формирование внешнеполитического курса администрации Дж. Буша-младшего⁷⁷.

Пятая группа представляет собой материалы экспертного сообщества, опубликованные в период с 1991 по 2009 г. и являющиеся частью дискуссии об американской гегемонии и ТГС. Взгляды экспертов в данной работе разделены на шесть подходов, отражающих ключевые положения их воззрений на перспективу и конструктивность гегемонии США. Позиции реалистов-оптимистов, утверждавших позитивную роль гегемонии США с позиций структурного реализма, отражены в трудах У. Уолфорта⁷⁸, С. Брукса⁷⁹, М. Шитца и М. Мастандуно⁸⁰, Дж. Леви и У.

⁷⁰ Lake A. Pragmatism and principle in US foreign policy // Department of State, Bureau of Public Affairs, 1997 Pp. 2–6.

⁷¹ Soderberg N. The Superpower Myth: The Use and Misuse of American Might. NY: John Wiley & Sons, 2005. P. 14.

⁷² Dr. Condoleezza Rice Discusses Foreign Policy. [Электронный ресурс] / Rice K. // George W. Bush White House Archives. – 2003. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030807-1.html> (дата обращения: 28.04.2024).

⁷³ Киссинджер Г. Рецепт Хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1. P. 77.

⁷⁴ Christopher W. America's Leadership, America's Opportunity // Foreign Policy. 1995. № 98. P. 7.

⁷⁵ Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / пер. с англ. А. Лисовского, А. Лисициной, Е. Китаевой. М: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 242, 252.

⁷⁶ Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002ю [Электронный ресурс] // Public Papers. – 2002. – P. 131. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2002-book1/pdf/PPP-2002-book1-doc-pg129-3.pdf> (Дата обращения 17.11.2023)

⁷⁷ Statement of principles. [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. – 1997. – Режим доступа: <https://webarchive.loc.gov/all/20050713181416/http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

⁷⁸ Wohlforth W. How not to evaluate theories // International Studies Quarterly. 2012. № 56 (1). Pp. 219–222.

⁷⁹ Brooks S. J., Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. New Jersey: Princeton University Press, 2008, 226 p.

⁸⁰ Mastanduno M. Sheetz M. Correspondence: debating the unipolar moment // International Security. 1997. № 22/3. Pp. 168–169.

Томпсона⁸¹, Р. Джервиса⁸², П. Шредера⁸³ и др. К сторонникам неоимперской теории, которые отражали условно неоконсервативный взгляд на лидерство Вашингтона, отнесены У. Кристол и Р. Кейган⁸⁴, Р. Дермер и Н. Щаранский⁸⁵, З. Халилзад⁸⁶, Ч. Краутхаммер⁸⁷, С. Розен⁸⁸, З. Бжезинский⁸⁹, Н. Фергюсон⁹⁰, Дж. Йу.⁹¹, Е. Познер и А. Сайкс⁹², М. Макфол⁹³ и др. К либералам-оптимистам, разделяющим убеждения в том, что будущее американской гегемонии связано с ценностным лидерством и международными институтами, относятся Дж. Най⁹⁴, Дж. Айкенберри⁹⁵, Ч. Кегли⁹⁶, Дж. Снайдер⁹⁷, Г. Нау⁹⁸, Дж. Оуэн⁹⁹, М. Мандельбаум¹⁰⁰, Ф. Закария¹⁰¹ и др.

Среди экспертов, критически подходящих к теории гегемонистской

⁸¹ *Levy J. Thompson W. Systems, Stability and Statecraft: Essays on the International History of Modern Europe.* London: Palgrave Macmillan, 2004. P. 37.

⁸² *Jervis R. Understanding the Bush Doctrine // Political Science Quarterly, № 118 (3). 2003. С. 366.*

⁸³ *Schroeder P.W. The Mirage of Empire Versus the Promise of Hegemony / Systems, Stability, and Statecraft Essays on the International History of Modern Europe.* London: Palgrave Macmillan, 2004. Pp. 297–305.

⁸⁴ *Kagan R. Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. July/August. С. 18–32.*

⁸⁵ *Dermer R., Sharansky N. The Case for Democracy. The Power of Freedom to Overcome Tyranny and Terror.* NY: Public Affairs. 2004. 352 p.

⁸⁶ *Khalilzad Z. Losing the moment? The United States and the world after the Cold War // The Washington Quarterly. 1995. № 18 (2). Pp. 85–107.*

⁸⁷ *Krauthammer C. The Real New World Order. The American empire and the Islamic challenge // The Weekly Standard. 2001. № 12. P. 26.*

⁸⁸ *Rosen S. An Empire, If You Can Keep It // The National Interest. 2003. № 4. Pp. 51–61.*

⁸⁹ *Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы).* Международные отношения, 1998. 112 с.

⁹⁰ *Ferguson N. Colossus: The rise and fall of the American empire.* Penguin Books, 2005. 386 p.

⁹¹ *Yoo J. Using Force // University of Chicago Law Review. 2004. № 7. P. 40.*

⁹² *Posner E. Sykes A. Optimal War and Jus Ad Bellum // The Georgetown Law Review. 2004. № 93. P. 1014.*

⁹³ *McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. 2002. № 112. Pp. 1–24.*

⁹⁴ *Nye J.S. Bound to lead: the changing nature of American power.* NY: Basic Books, 1991. 336 p.

⁹⁵ *Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars.* New Jersey: Princeton University Press, 2000. 320 p.

⁹⁶ *Kegley C. W. The Neoidealist Moment in International Studies? Realist Myths and the New International Realities // International Studies Quarterly. 1993. № 37 (2). Pp. 131–146.*

⁹⁷ *Snyder J. Imperial Temptations // The National Interest. 2003. № 2. Pp. 29–40.*

⁹⁸ *Nau H. At Home Abroad: Identity and Power in American Foreign Policy.* NY: Cornell University Press, 2002. 336 p.

⁹⁹ *Owen J. M. Transnational Liberalism and U.S. Primacy // International Security. 2001. № 26 (3). P. 121.*

¹⁰⁰ *Mandelbaum M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. 2002. № 81 (5) Pp. 61–73.*

¹⁰¹ *Закария Ф. Постамериканский мир будущего. Европа, 2009. С. 21.*

стабильности, выделяется группа реалистов-скептиков, продвигавших мысль о недолговечности либо неконструктивности гегемонии США. К ней относятся К. Уолтц¹⁰², Дж. Миршаймер¹⁰³, К. Лейн¹⁰⁴, П. Кеннеди¹⁰⁵, Р. Арт¹⁰⁶, С. Уолт¹⁰⁷, Б. Позен¹⁰⁸. Позиции либералов-скептиков, критически рассматривавших перспективы американской гегемонии для развития международных институтов и, в особенности, политику Дж. Буша-младшего, отражены в работах М. Ригстада¹⁰⁹, Ч. Купчана¹¹⁰, Ф. Фукуямы¹¹¹, С. Хантингтона¹¹², Ч. Мейнса¹¹³, М. Говарда¹¹⁴. Взгляды на ТГС представителей системного подхода, проводивших анализ ТГС уже в постбиполярную эпоху на основе мир-системного анализа, отражены в работах И. Валлерстайна¹¹⁵, Д. Вилкинсона¹¹⁶, Н. Хомского¹¹⁷, К. Чейз-Дана¹¹⁸.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в самой постановке исследовательской задачи. До сих пор роль теории

¹⁰² *Waltz K.* Structural Realism After The Cold War // *International Security*. 2002. № 25 (1). P. 9.

¹⁰³ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. 592 p.

¹⁰⁴ *Layne C.* The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise // *International Security*. 1993. № 17 (4). Pp. 5–51

¹⁰⁵ *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. М: Гонзо, 2018. 389 с.

¹⁰⁶ *Art R.* A grand strategy for America // NY: Cornell Studies in Security Affairs. 2003. № 3. Pp. 45–79.

¹⁰⁷ *Walt S.* Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. NY: W. W. Norton & Company, 2005. 322 p.

¹⁰⁸ *Posen B. R.* Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. NY: Cornell University Press, 2014. 361 p.

¹⁰⁹ *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2009. № 12 (3). P 381.

¹¹⁰ *Kupchan, C.* The End of the American Era: US Foreign Policy and Geopolitics in the Twenty-First Century. NY: Vintage Books, 2003. P. 28, 57–58.

¹¹¹ *Фукуяма Ф.* Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М: АСТ. 2007. 288 с.

¹¹² *Huntington S.* America's changing strategic interests // *Survival*. 1991. № 33. P. 3,8

¹¹³ *Maynes C.W.* The Perils of (and for) an Imperial America // *Foreign Policy*. 1998. № 111. Pp. 36–48

¹¹⁴ *Howard M.* What Friends Are For? // *The National Interest*. 2002. № 69. Pp. 8–10.

¹¹⁵ *Wallerstein I.* The decline of American power: the U.S. in a chaotic world. NY: New Press. 2003. 324 p.

¹¹⁶ *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony // *International Studies Review*. 1999. № 1 (2). Pp. 141–172

¹¹⁷ Хомский Н. Гегемония, или Борьба за выживание. М: Столица Принт, 2007. 464 с.

¹¹⁸ *Chase-Dunn C.* World-state formation: historical processes and emergent necessity // *Political Geography Quarterly*. 1990. № 9 (2). С. 108–130.

гегемонистской стабильности во внешней политике США и во взглядах американского экспертного сообщества лишь поверхностно рассматривалась в многочисленных исследованиях на более широкие темы. В настоящей работе проведено обобщающее исследование основ теории гегемонистской стабильности, ключевых аргументов ее сторонников и критиков.

Во-вторых, в работе проведен анализ влияния положений теории гегемонистской стабильности на внешнюю политику США, ее отражения в выступлениях политиков и стратегических документах.

В-третьих, в рассматриваемой работе представлено исследование документов проекта «Новый американский век» и анализ его влияния на формирование гегемонистского курса Вашингтона.

В-четвертых, в работе предлагается классификация подходов экспертного сообщества к гегемонии Вашингтона в период ее глобального характера и претензий на стабилизирующую роль.

В-пятых, в работе развивается концепция «гегемонистской самоуверенности» (hegemony self-confidence) М. Ригстада, объясняющая деструктивное влияние США на стабильность мировой системы.

Методология и методы исследования. Методология работы состоит из нескольких концепций, позволяющих оценивать роль теории гегемонистской стабильности в развитии американской историко-политической мысли и в реальном политическом процессе. Исследование основано на принципе историзма, в соответствии с которым все теории международных отношений рассматриваются не как статичные конструкты, а как продукты конкретных исторических условий,

меняющиеся под влиянием экономической конъюнктуры, внешнеполитических вызовов и внутривластных дебатов.

В рамках диссертации автор рассматривает генезис ТГС с позиций политического реализма, в особенности опираясь на т.н. «наступательный реализм». Этот подход, оформленный американским политологом Дж. Миршаймером, подразумевает, что государства на мировой арене являются рациональными акторами и стремятся к выживанию. В достижении этой цели государства, как правило, эгоистичны и прилагают усилия для максимально возможного повышения своей политической, военной и экономической мощи.

В рамках указанного подхода политическая теория рассматривается как вторичный фактор, не столько влияющий на императивы поведения государства, сколько являющийся идеологическим инструментом для повышения шансов в борьбе за власть в анархическом мире. Стремление Соединенных Штатов к гегемонии рассматривается как естественный мотив любого сильного государства, так как позволяет ему на время обеспечить для себя максимальную безопасность¹¹⁹. Реальные основы любой идеологии, как полагает Миршаймер, определяются этим мотивом¹²⁰.

Однако, рассуждая в рамках концепции Миршаймера, можно заключить, что оптимальной целью для государства может быть лишь региональная гегемония, которую США получили еще в начале XX века. Глобальное господство в долгосрочной перспективе невозможно вследствие геостратегических причин и культурных барьеров, вызывающих центробежные тенденции в системе международных отношений. На короткий период мировой гегемон может обезопасить себя

¹¹⁹ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. W. W. Norton & Company, 2014. P. 2, 41.

¹²⁰ *Ibid.* P. 46.

и даже создать иллюзию стабильности. Однако впоследствии его собственные действия, а также открытое и скрытое сопротивление других государств приведет к быстрому, по историческим масштабам, сворачиванию гегемонии. С учетом отсутствия абсолютного ядерного превосходства державы, претендующей на глобальную гегемонию, в конечном счете ее попытка приведет к повышению нестабильности в мире.

Данный тезис частично подтверждается статистикой международных конфликтов, собранной американским экспертом Дж. Хаббардом. В его исследовании демонстрируется краткосрочный период стабилизации в рамках в период с 1990 по 1995 г., когда интенсивность конфликтов была самой низкой после Второй Мировой войны¹²¹. Однако начавшийся с 1997 г. рост конфликтности в мировой системе и экономическую нестабильность автор, в отличие от Хаббарда, связывает с односторонними агрессивными действиями Вашингтона, вызванными, по выражению политолога М. Ригстада, состоянием «гегемонистской самоуверенности» (*hegemony self-confidence*)¹²². Этот термин, уточненный и концептуализированный автором, подразумевает нарушение гегемоном гласных и негласных правил, пренебрежение многосторонними форматами межгосударственного взаимодействия, недальновидные шаги, направленные на удовлетворение краткосрочных политических и экономических потребностей и, в конечном итоге, его деструктивную роль в мировой системе. В совокупности эти концепции формируют критическое представление автора об ограниченности теории гегемонистской

¹²¹ *Hubbard J.* Hegemonic Stability Theory: An Empirical Analysis [Электронный ресурс] / Hubbard j. // ISRJ. American University's undergraduate SIS journal. – 2010. – Режим доступа: <https://isrj.wordpress.com/2010/05/28/hegemonic-stability-theory/> дата обращения: 30.04.2024).

¹²² *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2009. № 12(3). P 381.

стабильности в глобальном контексте при значительном потенциале в региональном масштабе.

В работе были использованы научные методы исследования для комплексного анализа поставленной проблемы. Из общенаучных методов в диссертации присутствуют анализ и синтез, индукция и дедукция, исторический и логический аспекты политического анализа. Эти методы помогают рассмотреть эволюцию теории гегемонистской стабильности как важного элемента в развитии американской политической мысли, оценить ее отражение во внешней политике США, выявить частное и общее в позициях экспертов по данному вопросу. Они позволяют рассматривать ТГС в ее развитии, а также в историческом контексте, исходя из принципа историзма.

Помимо этого, в работе применяется историко-генетический метод, который, согласно формулировке отечественного историка И. Д. Ковальченко, представляет собой «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта». Он используется для рассмотрения развития ТГС через анализ работ, составляющих ее основу¹²³.

Для классификации экспертных позиций по вопросу ТГС применяются историко-сравнительный и историко-типологический методы. Первый позволяет вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств¹²⁴, что дает возможность сравнивать между собой взгляды американских экспертов. Второй метод позволяет путем выявления общих свойств делить экспертов на группы¹²⁵,

¹²³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Наука, 1987. С. 170.

¹²⁴ Ibid. С. 176.

¹²⁵ Ibid. С. 179.

которые упрощают понимание позиций всего сообщества и дают возможность увидеть новые закономерности.

Положения, выносимые на защиту

1. Теория гегемонистской стабильности на этапе формирования включила в себя элементы трех классических парадигм в теории международных отношений — реализма, либерализма и системного подхода.

2. Теория гегемонистской стабильности уже на этапе формирования подверглась существенной критике и воспринималась рядом исследователей как устаревшая и отвергнутая научным сообществом. Однако после окончания холодной войны она получила второе рождение и активно использовалась в дебатах экспертного сообщества США о постбиполярном мире.

3. С 1991 по 2009 гг. теория гегемонистской стабильности стала важным элементом стратегической культуры Соединенных Штатов. Она позволила рационализировать мессианские и квазирелигиозные концепции по глобальному переустройству мира под руководством Вашингтона. Высокая степень взаимопроникновения экспертных кругов и истеблишмента США обеспечила знакомство американской политической элиты с ключевыми положениями данной теории, которая стала важным аргументом в их стремлении к единоличной власти над миром.

4. На включение теории гегемонистской стабильности в американский политический дискурс во многом повлияли представители проекта «Новый американский век».

5. Экономический кризис 2008-2009 гг. дискредитировал тезис о стабилизирующей роли американской гегемонии. С точки зрения ТГС

Вашингтон провалил свою миссию в качестве гегемона, став причиной углубления региональных конфликтов и экономических кризисов.

6. Неудача американской гегемонии с точки зрения ТГС обусловлена неустойчивостью самого состояния глобальной гегемонии. После краткосрочного периода стабилизации начался рост конфликтности и усилилась экономическая нестабильность. Это было обусловлено, в частности, односторонними агрессивными действиями Вашингтона, вызванными состоянием «гегемонистской самоуверенности» (hegemony self-confidence). Это состояние подразумевает нарушение гегемоном гласных и негласных правил, пренебрежение многосторонними форматами межгосударственного взаимодействия, недальновидные шаги, направленные на удовлетворение краткосрочных политических и экономических потребностей и, в конечном итоге, его деструктивную роль в мировой системе.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке лекционных и семинарских занятий, а также при составлении пособий по темам «Новейшая история стран Европы и Америки», «Международные отношения новейшего периода», «История США», «Внешняя политика США XX-XXI веков» в рамках направления подготовки «История», «Международные отношения».

Степень достоверности и апробация работы. Достоверность исследования обусловлена привлечением широкого круга источников, критическим осмыслением материала, содержащегося в первоисточниках и научной литературе по теме диссертации. Основные положения диссертационного исследования были отражены всего в 5 научных статьях автора по теме диссертации, общим объемом 2,9 п. л., опубликованных в

рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и одного приложения, содержащего схему и краткое изложение рассматриваемых в работе экспертных позиций.

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, сформулированы его цели и задачи, раскрывается ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, хронологические рамки, методологическая база, степень изученности темы и источниковая база и историография. Даны определения основных понятий, используемых в работе. Сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Формирование теории гегемонистской стабильности», состоящей из двух параграфов, проведен анализ происхождения и трансформации значения термина «гегемония», а также основных подходов к теории гегемонистской стабильности в период холодной войны. В первом параграфе рассматриваются идеологически-ориентированные и государственно-ориентированные понятия о гегемонии. Показано, что концепция гегемонии была важным элементом для многих американских теоретиков международных отношений.

Во втором параграфе рассматривается формирование самой теории гегемонистской стабильности. Выделяются подходы к ТГС, основанные на основных парадигмах теории международных отношений — реализме,

либерализме и мир-системном анализе. Проводится анализ критических оценок ТГС в биполярный период.

Делается вывод о том, что теория гегемонистской стабильности представляет собой многоплановую концепцию, позволяющую проследить взаимосвязь между политическими и экономическими процессами в сфере международных отношений.

В трех параграфах **второй главы** рассматривается влияние теории гегемонистской стабильности на внешнюю политику США в постбиполярный период. В первом параграфе отмечается важная роль ТГС в подходах к международным отношениям в администрациях Дж. Буша-старшего и У. Клинтона.

Во втором параграфе проводится анализ документов Проекта «Новый американский век», эксперты которого стремились сделать свое восприятие ТГС постоянным элементом стратегической культуры Соединенных Штатов.

В третьем параграфе проводится анализ влияния некоторых положений теории гегемонистской стабильности на внешнюю политику администрации Дж. Буша-мл., а также переоценки роли США по итогам экономического кризиса 2008-2009 гг.

Делается вывод о том, что теория является важным элементом стратегической культуры Соединенных Штатов. Высокая степень взаимопроникновения экспертных кругов и истеблишмента США обеспечила знакомство американской политической элиты с ключевыми положениями данной теории, которая стала важным аргументом в их стремлении к единоличной власти над миром.

При этом стратегические документы, статьи и речи американских политиков демонстрируют использование аргументации ТГС в разных вариантах. Период первого срока У. Клинтона можно расценивать как

продвижение либерального варианта теории гегемонистской стабильности, основанного на псевдо-многостороннем подходе, ценностном лидерстве и внимании к международным институтам. Политика администрации Дж. Буша-младшего продемонстрировала реалистический подход к ТГС, когда гегемон стремится к переустройству мира с опорой на свои материальные возможности. Несмотря на существенные издержки и формальную смену подхода, теория гегемонистской стабильности сохранила свою значимость для стратегической культуры Соединенных Штатов.

В **третьей главе** рассматриваются взгляды ведущих американских экспертов на теорию гегемонистской стабильности в постбиполярный период. В первом параграфе приведены мнения аналитиков, поддерживающих гегемонию США с опорой на аргументы ТГС. В этом контексте рассмотрены взгляды реалистов-оптимистов, считающих американскую гегемонию объективным следствием экономического и военного превосходства Вашингтона. Проанализированы позиции сторонников неоимперской теории (в основном неоконсерваторов), полагающих, что доминирующее положение Соединенных Штатов обусловлено их готовностью брать на себя ответственность за распространение демократии. Приведены теоретические построения либералов-оптимистов полагающих, что гегемония США является конструктивной из-за созданных ею устойчивых международных институтов и «мягкой силы».

Во втором параграфе рассматриваются аргументы и тезисы противников теории гегемонистской стабильности в американском экспертном сообществе. Так, реалисты-скептики считали, что доминирующая роль Соединенных Штатов не является конструктивной вследствие ее противоречия объективному характеру международных отношений. Либералы-скептики отмечали, что гегемония США перестала

играть стабилизирующую роль из-за чрезмерно агрессивной политики Вашингтона. Сторонники мир-системного анализа продвигают тезис о том, что американская гегемония не способствует стабильности, так как закрепляет международное неравенство. Анализ позиций американского экспертного сообщества также подтвердил, что теория гегемонистской стабильности не потеряла свою актуальность после окончания холодной войны. Значительная часть экспертов рассматривала постбиполярную эпоху как время глобальной гегемонии США. В американском истеблишменте преобладали позиции либералов-оптимистов, что отразилось на глобалистском характере американской внешней политики в период президентства У. Клинтона, Б. Обамы, Дж. Байдена. В настоящий момент продолжается противостояние между сторонниками реалистического и либерального подхода к гегемонии США.

Делается вывод о том, что взгляды реалистов-скептиков представляются наиболее последовательным вариантом критического анализа теории гегемонистской стабильности. В частности, Дж. Миршаймер признает, что глобальная гегемония может возникнуть на краткий период времени, но быстро перестанет быть стабилизирующим фактором в мировой политике и экономике, а наоборот, вследствие геостратегических причин («останавливающая сила воды») и культурных барьеров начнет дестабилизацию своей же системы. В качестве альтернативы Миршаймер предлагает концепцию внешних стабилизаторов, то есть региональных гегемонов, которые способны выполнять стабилизирующую функцию в отдельно взятых областях планеты.

Глава 1. Формирование теории гегемонистской стабильности

Теория гегемонистской стабильности (ТГС) как полноценная концепция в рамках исследования международных отношений возникла в конце 70-х гг. XX века. Она была сформулирована в качестве политической теории в работах Ч. Киндлбергера, Дж. Модельски, Р. Гилпина и Р. Кеохейна. Тем не менее сама ТГС является моделью, основанной на идеях, выдвинутых гораздо раньше.

1.1. Идеальный фундамент ТГС

Основной концепцией ТГС является понятие «гегемония», активно используемое в современном политическом дискурсе и имеющее несколько значений. Британский историк А. Пери в книге «Перипетии гегемонии» раскрыл историю этого понятия со времен Древней Греции, когда термин *hegemonia* в древнегреческом языке означало лидерство, основанное на присоединении по согласию. *Hegemonia* противопоставлялась понятию «*arkhe*», означавшему «принуждающее достоинство», «господство» и «доминацию». Как абстрактное существительное, *hegemonia* впервые появилось в трудах древнегреческого историка Геродота и служило для описания положения Спарты среди греческих полисов. Также гегемонией называлось положение Афин в Делосском союзе в V веке до н. э. Древнегреческий историк Фукидид проводил четкое разграничение между *hegemonia* и *arkhe* как видами власти в рамках отношений между полисами и осуждал Афины за переход к *arkhe* и называл это одной из причин поражения полиса в Пелопонесской войне. Афинский ритор Исократ воспевал гегемонию Афин в своем гимне логосу, объясняя ее как духовное лидерство полиса и противопоставляя насильственной власти. Аристотель говорил о гегемонии македонского

царя Филиппа II в Коринфском союзе, упоминая, что Александр чествовал своего отца титулами «hegemon autocrator» и «hegemon tes Hellados»¹²⁶.

В рамках политического дискурса Древнего Рима термин *hegemonia* не получил своего распространения и фактически был забыт в Западной Европе вплоть до начала XIX века. Т. Гоббс, в своих переводах Фукидида ни разу не использовал понятие *hegemonia*. Английский историк Д. Грот, автор 12-томной «Истории Греции» пытался ввести в оборот термин *hegemonia*, но был подвергнут критике и перевел его как «руководство». Понятие «гегемония» возвратилось в европейскую политику в немецком языке. *Die Hegemonie* — термин, который немецкие историки, такие как Т. Моммзен, И. Г. Дройзен, Г. Г. Гервинус и Г. фон Трейчке использовали для проведения аналогии между лидерство Македонии в Элладе и желаемым лидерством Пруссии в рамках Германского союза¹²⁷. В XX веке термин «гегемония» появился в значении «гегемония рабочего класса» в письмах и работах П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова. Гегемония рабочего класса подразумевала его сотрудничество с крестьянством и лидерство над всеми угнетенными группами в Российской империи. Хотя в ходе гражданской войны понятие «гегемония рабочего класса» заменилось «диктатурой рабочего класса», сам термин был взят на вооружение А. Грамши, который жил и работал в СССР в 1922-1923 гг. Именно Грамши стал мыслителем, который популяризировал понятие гегемония, сделав его частью политического и социального дискурса¹²⁸.

Однако в ранних «Тюремных тетрадах» Грамши использовал термин «гегемония» в значении «подчинения по согласию» различных политических сил. В первую очередь подчинение партией Кавура сторонников Мадзини и рабочих в период Риссорджименто. Впоследствии

¹²⁶ *Пери А.* Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 8–16.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

это стало основой для теории культурной гегемонии у Грамши, которая трактовалась как комплекс стратифицированных общественных установок, позволяющих членам класса выполнять свою функцию, отличную от других классов, сосуществуя с ними в одном обществе. Таким образом, культурная гегемония буржуазии была основана одновременно на согласии и подчинении и существовала посредством использования интеллектуальных сил надстройки — гражданского общества, которое было сильно на Западе и слабо в России, что и дало возможности для победы Октябрьской революции. Значительное идейное наследие Грамши в области описания гегемонии, тем не менее, не касалось сферы международных отношений. Понимание гегемонии у Грамши осталось на уровне отношений классов внутри государства¹²⁹.

Для Грамши интеллектуалы и гражданские институты (образование, религия, средства массовой информации, популярная культура, фольклор и т. д.) играли важную роль в сохранении существующего социального порядка, который философ обозначал как «гегемонистский блок». В этом контексте лидерство и доминирование не исключали, а скорее усиливали друг друга. Анализ Грамши также касался возможности системной трансформации общества с контргегемонии рабочего класса, бросающей вызов господствующему классу. Учитывая, что гегемония не ограничивалась исключительно материальной сферой, а была встроена в институты, менталитет, отношения и т. д., Грамши утверждал, что контргегемония рабочего класса, опирающаяся только на экономические факторы, имела мало шансов на реализацию. Вместо этого должен был быть

¹²⁹ Коскова А. С. Тюремные тетради Антонио Грамши: генезис, понятия историзма и истории [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2020. № 3 (71). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnye-tetradi-antonio-gramshi-genezis-ponyatiya-istorizma-i-istorii> (дата обращения: 23.05.2023).

применен комплексный подход, лишаящий класс-гегемон первенства в материальных и ценностных аспектах¹³⁰.

Однако напрямую в сферу международных отношений понятие «гегемония» возвратил немецкий юрист Г. Триппель в своей работе «Гегемонии. Книга о государствах-лидерах». Он продолжал линию разграничения между властью, основанной на подчинении (*die Herrschaft*), и властью, основанной на добровольном следовании за лидером (*der Einfluss*), как до него древние греки. Подобно Грамши, Триппель подчеркивал силу культурного лидерства и указывал, что гегемон вырабатывает стереотипы, которым подражают иные государства. Международные отношения Триппель воспринимал в рамках еще не оформившейся тогда реалистической парадигмы. Он писал, что каждое сильное и здоровое государство будет стремиться к власти над другими государствами, будь то в грубой форме подчинение соседа или же в более утонченной форме расширение своего влияния на него. Гегемония — промежуточная форма между влиянием (*der Einfluss*) и господством (*die Herrschaft*)¹³¹.

Важным фактом в определении гегемонии у Триппеля служил тезис о том, что для ее создания необходимо наличие общего врага у нескольких государств. Автор четко разграничивал гегемонию и империализм, игнорируя в своей работе почти все великие державы европейской истории. В его понимании Испания в XVI веке, Франция в XVII веке или США в рамках доктрины Монро не стремились к гегемонии, так как им и подчиненным странам ничего принципиально не угрожало извне. По этой причине в концепции Триппеля была принципиально невозможна мировая гегемония, ввиду отсутствия для нее внешней угрозы. Образцами

¹³⁰ Gramsci A. Selections from the prison notebooks of Antonio Gramsci / edited and translated from the Italian by Hoare Q. and Nowell Smith G. London: Lawrence and Wishart. 1971. 483 p.

¹³¹ Triepel H. Die Hegemonie. Berlin: Stuttgart press, 1938. P. 2, 13, 127.

гегемонии у него являются древнегреческие союзы полисов, Голландия в рамках Соединенных провинций и, конечно, Пруссия в рамках Северогерманского союза.

После Первой мировой войны в рамках формирования Лиги Наций юристы Л. Оппенгейм и Г. Лаутерпахт писали, что «великие державы» — это лидеры семьи народов и каждый прогрессивный шаг в правовом устройстве этих государств был результатом их прошлой политической гегемонии. Однако при формировании институтов Лиги Наций, в частности Совета Лиги наций, слово гегемония было полностью исключено из официальных документов. Американский дипломат К. Хэлл заявил, что Доктрина Монро «не содержит в себе ни малейшего следа предпосылки или тем более требования гегемонии со стороны США»¹³², а британский министр иностранных дел Э. Иден заверял, что Атлантическая хартия «исключает всякую идею гегемонии или лидерства в зоне влияния на Востоке или на Западе»¹³³.

Сам термин «гегемония» начал восприниматься исключительно в негативном контексте, отражая экспансионистские устремления Германской империи. Критиком такого понимания и идеологии Лиги наций в целом выступил исследователь Э. Х. Карр, британский исследователь международных отношений и один из «отцов политического реализма». В своей работе «Двадцать лет кризиса: 1919–1939. Введение в изучение международных отношений» он опирался на наследие Т. Гоббса, Б. Спинозы, К. Маркса, В. И. Ленина, Б. Рассела, Р. Челлена и Д. Лукача, критикуя идеи либерального подхода к международным отношениям, эффективность международного права и системы мирных договоров, которые, согласно Карру, действуют по принципу «*rebus sic stantibus*», то

¹³² Carr. H. *The Twenty Years' Crisis*. NY: Harper Perennial, 1964. P. 1136.

¹³³ Там же. P. 1129.

есть «если обстоятельства остаются без изменений». Карр выступал против идеализации любых атрибутов Версальского порядка, будь то государственный суверенитет, международное сообщество или международное право, утверждая, что они не смогут стать способом предотвратить войны, вызванные объективными причинами противоречий между государствами. Не используя активно термин «гегемония», Э. Х. Карр, тем не менее, демонстрировал тождественность Версальского миропорядка и той системы, которую стремилась создать Германская империя, основываясь на подчинении и добровольном следовании других государств¹³⁴.

Важной работой для исследования гегемонии стал труд немецкого историка Л. Дехийо «Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе»¹³⁵, написанный уже в послевоенный период. В работе рассматривалась история становления европейских государств и появление «системы государств» сначала в миниатюре в виде итальянских городов, а затем и во всей Европе. Первой попыткой установления гегемонии в Европе Дехийо называет Священную Римскую империю германской нации времен правления Карла V, когда она, объединенная с Испанией и ее заморскими колониями, претендовала на господство на континенте. В дальнейшем, согласно концепции Дехийо, система европейских государств функционировала следующим образом: периоды обострения борьбы за власть коррелируют с резкими подъемами кривой напряженности и чередуются с относительно спокойными конфликтами, для которых характерны лишь локальные войны. Волновыми пиками Дехийо считал войны Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона, Вильгельма II и Гитлера, а периодами спада — промежутки между правлением этих

¹³⁴ Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М: Гардарики, 2002. С. 53–68.

¹³⁵ *Dehio L. The Precarious Balance.* NY: Knopf, 1962. 245 p.

лидеров. Таким образом, у Дехийо можно встретить первую циклическую концепцию гегемонии. Однако слабой стороной работы Дехийо являлась сама дефиниция понятия «гегемония», которая не обладала четкими признаками. Великобритания в данной работе противостояла гегемонии и является государством балансиrom, хотя в XIX веке обладала многими признаками господства. Таким же балансиrom являлась и Россия, как держава, не относящаяся к Западной Европе. Основными претендентами на роль гегемонии выступали Франция и Германия, чье стремление к господству ограничивается балансирами.

Также среди исследователей гегемонии в рамках международных отношений в послевоенный период необходимо отметить Р. Штадельмана, автора работы «Гегемония и равновесие»¹³⁶. В его концепции равновесие не противопоставлялось гегемонии. Наоборот, правящая в Европе с 1740 по 1940 гг. пентархия, в лице Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии и России, являлась выражением английской гегемонии и подчинялась английской политике сдерживания. Штадельман указывал на особую значимость таких британских политиков как Г. Болингброк, У. Питт-младший и Р. Солсбери, которые путем создания системы баланса сил в Европе укрепляли британскую гегемонию¹³⁷. По аналогии с Дехийо, Штадельман считал, что Германия похоронила европейский баланс сил, став виновницей рождения биполярного мира, угрожающего европейской культуре. Тут ученый предлагал Европе полностью принять новую американскую гегемонию, выдвигая концепцию Евроамерики, противостоящий большевизму¹³⁸.

Необходимо отметить огромный пласт исследований империализма, которые стали важной частью восприятия теории гегемонистской

¹³⁶ *Stadelmann R.* Hegemonie und Gleichgewicht. Berlin: Laupheim, 1950. 158 p.

¹³⁷ Там же. 11–12.

¹³⁸ Там же. Р. 6.

стабильности в рамках мир-системного подхода. Понятие «империализм» возникло и было сформировано в работе британского экономиста Дж. Гобсона «Империализм»¹³⁹ (1902 г.). Первопроходец в теории империализма, Гобсон характеризовал его как «социальную патологию» и описывал его основные признаки в начале XX века¹⁴⁰. Он разделяет империализм и колониализм, определяя колониализм как переселение людей из развитых стран на малонаселенные территории с перенесением туда социального устройства метрополии и всех благ цивилизации. Империализм отличается от колониализма, характеризовался эксплуатацией малыми группами представителей метрополий местного населения без полноценного перенесения социального устройства метрополии на территорию покоренной местности. Особенностью империализма в XX веке также являлась конкуренция великих держав, несколько из которых уже обладали статусом глобальной империи. Этот фактор отличал современный Гобсону империализм от политической ситуации прошлого, Античности или Средних веков, когда лишь одно государство претендовало на статус всемирной империи. Конкуренция современных Гобсону империй определяется финансовыми и торговыми интересами¹⁴¹.

В отличие от дальнейших марксистских исследователей империализма Гобсон уверенно утверждал, что империалистическая политика не является структурной потребностью экономики метрополии. В его понимании, рост производительности, ставший причиной избытка товаров, не обязательно нуждался в новых колониальных рынках сбыта, а мог, путем перераспределения доходов, быть направлен на увеличение потребления в самой метрополии. Империализм, согласно Гобсону, несмотря на обслуживание его интересов современной политикой и

¹³⁹ Гобсон Дж. А. Империализм. М: Либроком. 2024. 288 с.

¹⁴⁰ Там же. С. 2.

¹⁴¹ Там же. С. 244.

системой образования, был обречен на гибель также, как и Римская империя¹⁴². Альтернативу империализму, по его мнению, представляет собой процесс, аналогичный глобализации и построенный на принципах интернационализма, сотрудничества наций, создания общей почтовой и железнодорожной системы. Несмотря на некоторую наивность идей Гобсона, они представляют серьезную ценность ввиду прогностической полезности (Гобсон предсказал неизбежность мировой войны), создания новой теории, которую затем взялся развивать В.И. Ленин, а также наглядной демонстрации взаимосвязи политики и экономики в рамках международных отношений.

В качестве апологета империализма выступил германский экономист Г. фон Шульце-Гевеверниц в своей работе «Британский империализм и английская свободная торговля начала XX-го века» (1906 г.). В данном исследовании, с которым впоследствии полемизировал В. И. Ленин, Шульце-Гевеверниц указал на новаторскую и организующую функцию империалистического капитализма и синдикатов, являющихся его передовыми институтами¹⁴³.

Об империализме в XX веке начали писать марксисты, в первую очередь немецкий социал-демократ Р. Гильфердинг, который в своей работе «Финансовый капитал: исследование новейшей фазы в развитии капитализма»¹⁴⁴ (1910 г.) отрицал прогрессивную функцию империализма, делая упор на интересы финансового капитала, но признавал его организующую значимость для мировой экономики. Свой вклад в исследования империализма внесла Р. Люксембург, выявившая

¹⁴² Там же. С. 286.

¹⁴³ *Schulze-Gaevernitz G.* Britischer Imperialismus und englischer Freihandel: zu Beginn des 20 Jahrhunderts. Berlin: Duncker & Humblot. 1915. 477 с.

¹⁴⁴ *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. М: Стереотип. 2022. 480 с.

закономерности проникновения капитала в примитивную экономику¹⁴⁵, а также Н. И. Бухарин, отвергнувший вульгарные трактовки империализма, связанные с расизмом и завоеваниями, а также четко определивший этот этап развития капитализма как подчинение мира господству финансового капитала¹⁴⁶.

Необходимо отметить, что наиболее известной работой в рамках теории империализма является труд В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В рамках этой книги автором были оценены и систематизированы все предыдущие теории империализма и даны 5 его признаков: 1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни. 2) Слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого финансового капитала и финансовой олигархии. 3) Вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение. 4) Образование международных монополистических союзов капиталистов, делящих между собой мир, так называемый «экономический раздел мира». 5) Окончание территориального раздела мира между крупными капиталистическими державами, начало борьбы за передел уже поделенного мира¹⁴⁷.

Несмотря на громадное значение этой работы в мировой истории, с точки зрения изучения истории и теории международных отношений и, особенно, теории гегемонистской стабильности более важной можно считать позицию оппонента В.И. Ленина — К. Каутского. В своем труде «Ультраимпериализм» Каутский отмечал, что при империализме постепенно формируется такой тип международного финансового

¹⁴⁵ Люксембург Р. Накопление капитала: (К вопросу об экономическом объяснении империализма). М: Соцэкгиз, 1931. 336 с.

¹⁴⁶ Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм. М: Проблемы теории и практики социализма, 1989. С. 57.

¹⁴⁷ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М: Директ-медиа, 2014. 117 с.

капитала, который заинтересован в совместной и стабильной эксплуатации мира. Этот тип капитала управляет миром в рамках системы «ультраимпериализма» или «сверхимпериализма», когда мелкие конфликты остаются, но крупные противоречия решаются на основе консенсуса. Указывая на стабилизирующую роль синдикатов и концернов, Каутский предсказывал образование транснационального финансового капитала и, по сути, предварял своим исследованием экономический аспект теории гегемонистской стабильности¹⁴⁸.

В американской политической мысли идея гегемонии Соединенных Штатов имела глубокие корни. В 1902 г. американский историк А. Брукс писал: «нарушение социального равновесия. Место средоточия энергии переместилось из Европы в Америку... Можно предположить, что в следующие пятьдесят лет, даже если развитие не претерпит существенного ускорения, а будет происходить теми же темпами, Соединенные Штаты будут превосходить любую империю, если не все империи вместе взятые. Весь мир будет платить ей дань (tribute)»¹⁴⁹. США, по его мнению, станут «имперским рынком», а также «центром притяжения» других стран, которые будут находиться в зависимом состоянии от Вашингтона¹⁵⁰.

Огромный вклад в изучение гегемонии и в теорию международных отношений внес американский политолог Г. Моргентау. Он одним из первых популяризировал термин «гегемония» в американской политической науке. Вместе с «христианским реалистом» Р. Нибуром и дипломатом Дж. Ф. Кеннаном, Моргентау являлся ключевой фигурой реалистической парадигмы в международных отношениях. Наследие Г. Моргентау огромно, но при этом его взгляды на некоторые политические моменты кардинально менялись с течением времени. Идейными истоками

¹⁴⁸ Kautsky K. Der Imperialismus // Die Neue Zeit. 1914. № 32 (2). С. 908–922.

¹⁴⁹ Brooks A. The New Empire. London: The Macmillan company, 1903. P. 11, 209.

¹⁵⁰ Там же. P. 208.

теории Моргентау была концепция «воли к власти» Ф. Ницше, понятие «политического» К. Шмитта и идеи конституционного юриста Г. Кельзена (в вопросе функциональной юриспруденции). При этом сам Моргентау выделял в качестве своих учителей Блаженного Августина и М. Вебера. В своей ранней и основной работе «Международная политика. Борьба за власть и мир» (1948 г.) он определял империализм как «политический курс, направленный на низвержение статус-кво», который может привести к «гегемонии». Гегемония в ранних работах Моргентау оценивалась как негативное явление, связанное с его критикой «русского империализма». Подчеркивалось, что США отказались от гегемонии в Латинской Америке, хотя имели полную возможность ее установить. При этом четкого определения гегемонии Моргентау не давал¹⁵¹.

Позиция исследователя и его отношение к американским властям и активной внешней политике менялась. В период президентства Л. Джонсона ученый критиковал США за войну во Вьетнаме и оказался отстранен от непосредственного участия в политике¹⁵². Однако, под впечатлением от Шестидневной войны 1967 г., Моргентау в работе «Правда и сила. Очерки десятилетия» писал о необходимости для США сохранить «статус гегемонистской державы, не имеющей соперников»¹⁵³.

С критикой идеи Г. Моргентау и своей попыткой теоретической систематизации международных отношений выступил Р. Арон в работе «Мир и война между народами» (1962 г.). В качестве одного из основоположников либеральной концепции международных отношений Арон трактовал войны не как результат воли к власти, а как результат стремления политических сообществ к безопасности. При этом

¹⁵¹ *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations the Struggle for Power And Peace. NY: McGraw-Hill, 1993.688 p.

¹⁵² *Rafshoon F. G.* A Realist's Moral Opposition to War: Han J. Morgenthau and Vietnam // *A Journal of Peace Research.* 2002. № 26 (1). Pp. 55–77.

¹⁵³ *Morgenthau H.J.* Truth and power, essays of a decade, 1960–70. Westport: Praeger, 1970. P. 256.

безопасность и мир становились возможны в трех состояниях — равновесия, гегемонии и империи. Равновесие предполагало равенство силы государств, а империя означает поглощение одним доминирующим государством других, более слабых. Промежуточным состоянием являлась гегемония, в рамках которой одно государство, значительно превосходящее остальных, доминирует, но в определенных рамках, не покушаясь на независимость более слабых акторов и не стремясь к их поглощению¹⁵⁴.

В работе «Имперская республика США в мире 1945-1972» Арон продолжал развивать мысль о том, что внешняя политика США не являлась империалистической, так как не покушалась на независимость более слабых стран, в отличие от Советского Союза. При этом Арон разделял понятие «империалистическое» и «имперское», утверждая, что имперская сущность государства апеллирует в большей степени к определенным ценностям и славе, нежели к военному потенциалу и является тождественной гегемонистскому лидерству. Хотя Арон признает, что американский курс по отношению к странам Карибского бассейна имел признаки империализма, он оправдывал его и другие случаи вмешательства США в дела независимых государств необходимостью сдерживания коммунизма. В рамках своей либеральной концепции мира и войны Арон в 1973 г. в наибольшей степени подошел к теории гегемонистской стабильности¹⁵⁵.

В контексте изучения понятия «гегемония» представляется целесообразным обратить внимание на работу американского военного историка Э. Люттвака «Большая стратегия Римской империи» (1972 г.). В ней, применительно к античной истории, Люттвак рисовал картину системы, контролируемой государством-гегемоном. Он делил клиентов

¹⁵⁴ Арон Р. Мир и война между народами. М: Nota Bene, 2000. 879 с.

¹⁵⁵ Арон Р. Имперская республика США в мире 1945–1972. М: Прогресс, 1973. 341 с.

гегемона на разумных, которые подчиняются его воле, осознавая его материальное превосходство, и неразумных, которые регулярно и болезненно указанное превосходство на себе. Однако во втором случае система, которую выстраивает гегемон, становилась имперской системой вследствие того, что Рим должен был устанавливать прямой контроль над территориями, которые ранее управлялись зависимыми государствами. Люттвак утверждал, что преобразование гегемонии в империю было фатальной ошибкой Рима, из-за ограниченной эффективности и высокой стоимости механизмов прямого контроля¹⁵⁶.

Как отмечал американский экономист Б. Коэн, почву для формулировки теории гегемонистской стабильности подготовил крах Бреттон-Вудской системы. Это событие было воспринято частью американского экспертного сообщества, в частности экономистом-международником Ч. Киндлбергером, политологами Р. Гилпином и С. Краснером, как начало конца доминирования Соединенных Штатов. Переходный период с 1973 по 1976 гг., в ходе которого формировалась Ямайская валютная система, вызывал опасения из-за угрозы существовавшим после Второй Мировой войны международным режимам. Этот период потребовал осмысления причин послевоенной стабильности и возможных последствий изменений в мировой системе¹⁵⁷. Современный американский политолог М. Гаврис отмечает, что важным фактором в

¹⁵⁶ *Luttwak E.* The grand strategy of the Roman Empire from the first century A.D. to the third. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1976. 192 с.

¹⁵⁷ *Cohen B.* International Political Economy: An Intellectual History. New Jersey: Princeton University Press. 2008. 68 p.

формировании ТГС стала идеализация положения Соединенных Штатов 1950-е гг.¹⁵⁸.

Также на формирование взглядов Киндлбергера и Гилпина оказали существенное влияние работы экономиста А. Льюиса, который показал, что два периода наивысшего роста международной экономики (1853–1873 гг. и 1951–1973 гг.) относились к эпохам прочного британского и американского экономического и политического доминирования. Льюис до Киндлбергера подчеркивал, что в период отсутствия единого гегемона (1913–1945 гг.) происходили две мировые войны и великая депрессия¹⁵⁹.

Кроме того, важным фактором для актуализации ТГС стало поражение Вашингтона в войне во Вьетнаме. Американский политолог Д. Бэлл писал в своей статье «Конец американской исключительности» (1975): «Сегодня, вместе с концом империи, ослаблением мощи и потерей веры в будущее нации исчезла и вера в американскую исключительность. Налицо явные признаки того, что происходит вытеснение Америки как верховенствующей страны или что грядет какой-то перерыв, когда на протяжении нескольких десятилетий в мире не будет ни одной державы-гегемона»¹⁶⁰. Подобные настроения вынуждали американских экспертов обратиться к послевоенному опыту за обоснованием возвращения США на лидерские позиции.

Сама ТГС была впервые сформулирована в работе «Мир в депрессии 1929-1933» (1973) американского экономиста Ч. Киндлбергера, сыгравшего важную роль в разработке Плана Маршалла. Основной идеей его работы была корреляция между доминированием великих держав и мировой экономической стабильностью. Он называл главной причиной

¹⁵⁸ *Gavris M.* Revisiting the fallacies in Hegemonic Stability Theory in light of the 2007–2008 crisis: the theory's hollow conceptualization of hegemony // *Review of International Political Economy*. 2019. № 28(3). P. 749.

¹⁵⁹ *Lewis A.* *The Theory of Economic Growth*. NY: Harper & Row. 1970. 453 p.

¹⁶⁰ *Bell D.* The End of American Exceptionalism // *The Public Interest*. 1975. № 41. P. 197.

экономических кризисов 1930-х то, что Британия больше не могла, а США еще не хотели брать на себя ответственность за обеспечение международной экономики средствами, необходимыми для ее стабилизации в кризисный период и механизмом гарантирования ликвидности в чрезвычайной ситуации¹⁶¹.

Киндлбергер считал, что международная экономическая и валютная система нуждаются в руководстве, то есть в государстве, которое готово, сознательно или бессознательно, в соответствии с некоторой системой правил, устанавливать стандарты поведения для других стран.

Для доминирующего государства, по мнению исследователя, поддержание стабильности было связано с издержками, являвшимися необходимым атрибутом мирового лидерства. Системную стабильность, утверждал Киндлбергер, следует рассматривать как своего рода общественное благо, поскольку она воплощает в себе две основные характеристики коллективных благ: «неисключаемость» и «неконкуренцию». Неисключаемость означала, что участники системы могут извлечь выгоду из блага, даже если они не способствуют его обеспечению. Неконкуренция подразумевала, что использование блага одним не приведет к серьезному уменьшению ресурсов, доступных другим. Требуемое для этого лидерство, как он считал, обеспечивалось Викторианской Британией в XIX и начале XX веков в эпоху классического золотого стандарта (*Rex Britannica*). В свою очередь США стали лидером после Второй мировой войны (*Rex Americana*). Исследователь приходит к выводу: «Чтобы мировая экономика стабилизировалась, должен быть

¹⁶¹ *Kindlberger C. The world in depression, 1929–1939. 40th Anniversary Edition. Chapel Hill: University of Carolina Press, 2013. P. 292*

стабилизатор, один стабилизатор» («For the world economy to be stabilized, there has to be a stabilizer, one stabilizer»)¹⁶².

Три функции, по мнению Киндлбергера, имели решающее значение для системной стабильности: поддержание относительно открытого рынка для импорта, предоставление антициклического долгосрочного кредитования и предоставление краткосрочного финансирования в случае кризиса. Поскольку такие функции могут быть дорогостоящими, гегемону, возможно, придется нести непропорционально большую долю бремени по поддержанию стабильности. Это осложнялось вероятным отказом других государств от внесения активного вклада в поддержание гегемонистских правил. Но для Киндлбергера это являлось ценой, которую пришлось заплатить за ответственность лидера. Таким образом, его версию ТГС можно охарактеризовать как доброжелательную, мягкое проявление власти. Его подход впоследствии был отождествлен с неолиберальной институционалистской традицией в международной политической экономике.

Рассуждая о роли Вашингтона в мировой системе, Киндлбергер опирался на труды французского экономиста Ф. Перру о роли доминирующей экономики и создании полюсов роста. К понятию «гегемония» Киндлбергер относится скептически и негативно. Он указывал на его связь с категориями силы, угрозы и давления. Исследователь предлагал называть роль США в мировой политике и экономике лидерством, при этом описывая классическую модель гегемона будущей теории гегемонистской стабильности, которая включала установление

¹⁶² Там же. Р. 305.

правил, контроль международных институтов, экономическое и военное доминирование.

Обращает на себя внимание, что впоследствии, после оформления ТГС в полноценную теорию, Киндлбергер высказывался против использования термина «гегемон» в отношении государства-лидера в своей концепции. Он полагал, что указанный термин содержит в себе «скрытый подтекст силы и угрозы»¹⁶³. Однако, следует отметить, что сама концепция лидерства в трактовке Киндлбергера также подразумевает подобные коннотации. В 1981 г. исследователь писал: «На первый взгляд, лидерство можно рассматривать как убеждение других следовать определенному курсу действий, который мог бы не отвечать краткосрочным интересам последователей, если бы они были действительно независимыми... в нем (лидерстве) есть сильные элементы как выкручивания рук, так и взяточничества (...it has strong elements of both arm-twisting and bribery). Без него, однако, не может быть произведено достаточное количество общественных благ»¹⁶⁴. Подобные противоречия позволили британскому исследователю М. Коксу впоследствии предположить, что термин «гегемон» при формировании ТГС был выбран случайно, так как термин «сверхдержава» не мог в полной мере отразить функции США, а понятие «империя» имело слишком много негативных коннотаций¹⁶⁵.

Ч. Киндлбергер и Р. Арон сформулировали постулаты теории гегемонистской стабильности, в связи с чем этих ученых часто относят к основоположникам рассматриваемой концепции. Однако Арон в своих работах не выдвигал четких аргументов в пользу стабилизирующей функции гегемона, а Киндлбергер решительно отказывался от понятия

¹⁶³ *Kindleberger, C. P. Hierarchy versus inertial cooperation // International Organization. 1986. № 40(4). Pp. 841–842.*

¹⁶⁴ *Kindleberger, C. P. Dominance and leadership in the international economy: Exploitation, public goods, and free rides // International Studies Quarterly. № 25(2). P. 243.*

¹⁶⁵ *Cox M. Foreword in Worth O. Rethinking Hegemony. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 11.*

гегемонии и сосредоточился, в первую очередь, на экономических аспектах. Тем не менее, впоследствии в рамках полемики с Р. Кеохейном, Киндлбергер встал на сторону реалистического подхода к ТГС, хотя так и не принял понятие гегемонии в качестве положительного определения роли доминирующей державы в мире.

1.2. Подходы к теории гегемонистской стабильности в период холодной войны

С момента выдвижения основных положений теории гегемонистской стабильности Ч. Киндлбергером, американские эксперты рассматривали его аргументацию на основе различных концептуальных оснований. Полными или частичными сторонниками ТГС выступили представители основных подходов к теории международных отношений. Сторонники реализма, либерализма и мир-системного анализа по-своему оценили аргументы Киндлбергера. Кроме того, в 1980-е гг. появилось значительное число работ, критикующих ключевые положения ТГС.

Реалистический подход к ТГС связывал экономические положения концепции Киндлбергера с политическими аспектами взаимодействия великих держав. В частности, сторонники этого подхода считали, что гегемония может осуществляться принудительным, а не доброжелательным образом, принося пользу лидеру даже за счет других государств. Экономическая мощь может служить средством, а не целью гегемона. Так, например, рынки могут быть вынуждены открыться для удовлетворения потребностей безопасности доминирующего государства; в качестве альтернативы могут быть высказаны угрозы перекрыть торговые или инвестиционные потоки, чтобы заставить другие страны участвовать в поддержании общественных благ. Несколько ученых быстро ухватились за

идеи Киндлбергера, чтобы развить свои собственные тезисы о системной трансформации, подчеркивая корысть доминирующей власти. Результатом стал реалистический подход к ТГС, основанный на проблематике международной безопасности.

Первым автором, который выступил в качестве сторонника теории гегемонистской стабильности и сформулировал ее основные положения в рамках реалистического подхода, был Р. Гилпин, специалист в области международной политической экономии, почетный профессор политологии и международных отношений в школе государственных и международных отношений имени В. Вильсона в Принстонском университете. Как отмечает Б. Коэн, Гилпин в своих ранних работах уже выдвигал аргументы ТГС, указывая на связь между применением власти в экономической сфере и в области безопасности¹⁶⁶. Так, в своем труде «Власть США и многонациональная корпорация: Политическая экономия прямых иностранных инвестиций» исследователь утверждал, что «Либеральная международная экономика требует силы для управления и стабилизации системы» («A liberal international economy requires a power to manage and stabilize the system»)¹⁶⁷. При этом он подчеркивал важность политического аспекта: «Современная мировая экономика развивалась благодаря появлению великих национальных экономик, которые последовательно становились доминирующими. Каждая экономическая система опирается на определенный политический порядок; ее природа не может быть понята вне политики»¹⁶⁸.

Основная работа Гилпина в этом направлении — «Война и изменения в мировой политике». Она описывала кризис в теории международных

¹⁶⁶ Cohen B. *International Political Economy: An Intellectual History*. New Jersey: Princeton University Press, 2008. P. 73.

¹⁶⁷ *Gilpin R. U.S. Power and the Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment*. NY: Basic Books, 1975. P. 40.

¹⁶⁸ Там же.

отношений, возникший в 1970е - 1980е гг., в связи с событиями на Ближнем Востоке, окончанием периода разрядки и новым ростом напряженности между США и СССР. Гилпин предложил свою теоретическую схему политики, рассматриваемой как борьба акторов за свои интересы. Эксперт развивал понятие «статус-кво» — важного термина для теории гегемонистской стабильности. Политические изменения, по мнению Гилпина происходили тогда, когда акторы, заинтересованные в изменении статуса-кво в своих интересах, получали власть для осуществления этих изменений. В результате происходили гегемонистские войны, приводившие к появлению нового гегемона и новых принципов функционирования международной системы¹⁶⁹.

В своих работах Гилпин неоднократно полемизирует с основателем структурного реализма К. Уолтцем (K. Waltz). Взгляды последнего, особенно в период холодной войны, затрагивали не столько гегемонию, сколько однополярность. Однако он также давал свои критерии доминирующей державы, способной считаться «полюсом»: численность населения, размер территории, наличие природных ресурсов, экономический потенциал, военная мощь и организационно-институциональная компетентность (organizational-institutional competence)¹⁷⁰. Согласно позиции Уолтца анархическое состояние международных отношений заставляет субъектов политики стремиться к сохранению статуса-кво и препятствовать изменениям в системе. В результате государство, стремящееся к гегемонии будет уравновешено сопротивлением других держав, в связи с чем претензии на глобальное господство обусловлены иррациональностью и ошибкой¹⁷¹. Гилпин возражал Уолтцу указывая, что войны не являются следствием

¹⁶⁹ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. P. 90.

¹⁷⁰ Waltz K. Theory of International Politic. Boston: Addison-Wesley Pub. 1979. P. 131.

¹⁷¹ Там же. P. 165.

неопределенности и просчета, а становятся результатом расчетливых действий на основе предполагаемой выгоды. Таким же образом стремление государства к глобальному господству может быть рациональным действиям по полному обеспечению своей безопасности. В этом Гилпин сблизился с Миршаймером и его концепцией «наступательного реализма».

Следует отметить, что идеи Гилпина во многом опирались на теорию перехода власти (transition power theory) американского политолога итальянского происхождения А. К. Органски. В 1958 г. в своей работе «Мировая политика» Органски указывал на то, что равномерное распределение политических, экономических и военных возможностей между конкурирующими группами государств увеличивает вероятность войны, так как делает приемлемыми предполагаемые издержки от нее. В свою очередь, мировая стабильность сохраняется лучше всего, когда существует дисбаланс национальных возможностей между слабыми и сильными странами. Исследователь полагал, что с наибольшей вероятностью агрессивные действия будут начаты (или спровоцированы) слабым государством, претендующим на более значительную роль в мировой системе¹⁷².

Согласно Гилпину, международная система считалась стабильной, если ни одно государство не полагает для себя выгодным изменения этой системы¹⁷³. Он выделяет в качестве таких систем «Римский мир» (Pax Romana), «Британский мир» (Pax Britannica) и «Американский мир» (Pax Americana)¹⁷⁴. Однако политический актер в лице государства мог попытаться изменить статус-кво международной системы, если бы посчитал, что расходы на это будут меньше итоговой «выгоды». Этой «выгодой» могли быть власть и безопасность, как полагали реалисты,

¹⁷² *Organski A.F. K. World Politics. NY: Knopf, 1958. 461 p.*

¹⁷³ *Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 1981. P. 1.*

¹⁷⁴ Там же. P. 144.

экономическая прибыль, как полагали марксисты или «экономическое благосостояние» (economic welfare), как считал сам ученый¹⁷⁵.

Государство, по мнению Гилпина, будет стремиться изменить международную систему посредством территориальной, политической и экономической экспансии до тех пор, пока предельные издержки дальнейших изменений не станут равными или превышающими предельные выгоды. По мере увеличения своего могущества, государство стремится расширить территориальный контроль, политическое влияние и / или свое господство в международной экономике. На этом пути государство получает все больше ресурсов и достигает преимуществ за счет эффекта масштаба. Территориальная, политическая и экономическая экспансия увеличивает доступность экономического излишка, необходимого для осуществления господства над системой. Возвышение и упадок доминирующих государств и империй в значительной степени зависят от порождения, а затем и от возможного рассеивания этого экономического излишка¹⁷⁶.

Гилпин отмечал, что, если бы эта взаимосвязь между ростом могущества государства и его контролем над международной системой была линейной, результатом было бы окончательное установление единой универсальной империи. То, что этого еще не произошло, объясняется воздействием альтернативных сил, замедляющих и, в конечном итоге, подавляющих импульс к расширению. Из-за влияния этих уравновешивающих сил по мере того, как государство усиливает свой контроль над международной системой, оно в какой-то момент начинает сталкиваться как с растущими затратами на дальнейшее расширение, так и с уменьшающейся отдачей от него. Это изменение соотношения издержек

¹⁷⁵ Там же. Р. 219.

¹⁷⁶ Там же. Р. 82.

и выгод от расширения накладывает ограничение на дальнейшее расширение гегемона¹⁷⁷.

Гилпин утверждал, что как только достигается равновесие между издержками и выгодами от расширения, экономические затраты на поддержание статус-кво растут быстрее, чем способность его поддерживать. Управление международными системами обеспечивали, согласно концепции исследователя, великие державы, которые возвышались и гибли на протяжении тысячелетий. Как только они достигали определенного равновесия, события, происходящие как внутри доминирующей державы, так и во внешней среде, начинали подрывать их. Как следствие, существовала тенденция, согласно которой экономические затраты на поддержание международного статус-кво росли быстрее, чем финансовые возможности доминирующей державы сохранять свою позицию¹⁷⁸.

Политолог также отмечал, что глобальное управление международной системой связано с рядом фундаментальных экономических проблем. Затраты на вооруженные силы, финансирование союзников, иностранную помощь и расходы, связанные с поддержанием международной экономики, являются продуктивными инвестициями. Они зачастую истощают экономику доминирующего государства, однако критически необходимы для поддержания статуса-кво. Следовательно, гегемония требует существования постоянного экономического излишка. Необходимо отметить, что в позднейших работах Гилпин определял гегемона как «лидера союза» (the leader of an alliance), отсылая к античному

¹⁷⁷ Там же. Рр. 153–154.

¹⁷⁸ Там же. Р. 157.

историческому опыту и указывая на особую важность удержания союзников под контролем доминирующей державы¹⁷⁹.

Как указывал Гилпин, в конце Второй мировой, в 1945 г., Соединенные Штаты стояли на вершине международной иерархии. Американский военный и экономический потенциал обеспечивал основу системы, ориентированной на Вашингтон. Однако к 1980-м гг. этот Pax Americana находился в состоянии кризиса из-за относительного ослабления США и разбалансировки системы, вызванной увеличением веса СССР, Японии и Германии. Распространение ядерного оружия, возрождение других центров экономической мощи, и особенно массовый рост советского военного потенциала, по мнению политолога, ослабили политические основы международной системы, сложившейся в конце Второй мировой войны. События в Иране, Афганистане и Вьетнаме сигнализировали о том, что мировая политика вступает в новую и неопределенную фазу. Подводя, как ему казалось, итоги американской гегемонии, Гилпин ссылаясь на слова Г. Киссинджера, предупреждавшего мир о глобальной опасности в середине 80-х гг. XX века¹⁸⁰.

Основной вклад Гилпина в ТГС состоял в том, что он продемонстрировал динамическую модель международных отношений, в котором состояние стабильности системы, первый статус-кво, сменяется периодом нестабильности, в рамках которой другим государствам становится невыгодно доминирование текущего гегемона и начинается борьба за изменения. Издержки самого гегемона также начинают превышать выгоды, что обуславливает дестабилизацию его позиций. Цикл завершается войной за гегемонию, в рамках которой должно вновь появиться государство, способное взять на себя издержки построения новой

¹⁷⁹ *Gilpin R.* Global political economy: Understanding the international economic order. New Jersey: Princeton University Press, 2001. P. 99.

¹⁸⁰ Там же. Pp. 235–237.

международной системы, второго статуса-кво. Гилпин, как один из первых сторонников теории гегемонистской стабильности, отмечал ведущую роль государства-гегемона в мировой системе и принципиальную важность войны за гегемонию.

В 1988 г. вышла еще одна работа Р. Гилпина «Теория гегемонистской войны»¹⁸¹, в которой он утверждал, что международная система естественным образом стремится к равновесию. США в гегемонистском конфликте будут нацелены на поддержку созданного ими мирового порядка путем предоставления общих благ и накладывания санкций на самых ярых противников. Примерами могут служить попытки Вашингтона стабилизировать мир посредством создания структур Бреттон-Вудской системы (в частности, Международного валютного фонда и Всемирного банка), общей системы обороны (НАТО) и стимулирования демократизации. Кроме того, Гилпин полагал, что, с точки зрения общемировых интересов, чем решительнее будет победа после «войны за гегемонию», тем более стабильной будет новая система. Однако он соглашался с утверждением британского историка П. Кеннеди о том, что «империалистическое перенапряжение» является одной из причин падения гегемонов¹⁸². Гилпин добавлял, что все гегемоны неизбежно терпят поражение, потому что издержки лидерства со временем неизбежно превышают выгоды¹⁸³.

В этой работе Гилпин часто обращался к наследию Фукидида и истории Пелопонесских войн, в частности, к так называемой «ловушке Фукидида». Автор трактовал ее так, что держава-контргегемон,

¹⁸¹ *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic Wars // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1988. № 18 (4). P. 591–613.

¹⁸² *Kennedy P.* The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. London: Unwin Human, 1987. P. 609.

¹⁸³ *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic Wars // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1988. № 18 (4). P. 591–613.

неудовлетворенная статусом-кво, провоцирует гегемонистскую войну, но, как правило, не становится новым гегемоном, поскольку большая часть ее ресурсов истощена в борьбе с гегемоном, и у нее нет лишних средств, чтобы установить свой порядок. Вместо этого государство, похожее по культуре и предпочтениям на старого гегемона, с высокой долей вероятности получает господствующее положение. Ловушка Фукидида таким образом означает, что и гегемон, и претендент, участвующие в войне за гегемонию, в конечном счете проигрывают, уступая первенство третьей стороне. В качестве примера Гилпин приводил борьбу Испании и Нидерландов, результатом которой стало доминирование Британии, а также, в свою очередь, британо-германское противостояние, породившее гегемонию США¹⁸⁴.

Свой особый взгляд на теорию гегемонистской стабильности предложила британская исследовательница международных отношений и международной политической экономики С. Стрендж. Ее подход трудно однозначно отнести к реализму. Тем не менее она активно применяла модели структурных реалистов и выступала с критикой либеральной трактовки ТГС. С одной стороны в большинстве своих основополагающих работ, таких как «Здесь водятся драконы: критика режимного анализа»¹⁸⁵ (1982), «Капитализм казино»¹⁸⁶ (1986), «Безумные деньги: Когда рынки перерастут государства»¹⁸⁷ (1998), Стрендж постулировала тезис о постепенно снижающейся роли государств в международных отношениях, что делает ее противницей классического реализма по Моргентау. С другой стороны, ее модель международных отношений анархична и не являлась

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Strange S. Cave! Hic Dragones: A Critique of Regime Analysis // International Organization. 1982. № 36(2). 1982. Pp. 479–496

¹⁸⁶ Strange S. Casino capitalism. London: Blackwell Pub. 1986. 307 p.

¹⁸⁷ Strange S. Mad money: from the author of Casino capitalism. Manchester University Press, 1982. 224 p.

плодом консенсуса государств, а лишь результатом навязанной «экстерриториальной империей» США и особой «бизнес-цивилизации».

Основной работой Стрендж, непосредственно касающейся теории гегемонистской стабильности, стала статья «Устойчивый миф о потерянной гегемонии» (1986). Она оспаривала тезис последователя либеральной версии ТГС Р. Кеохейна (о его взглядах будет сказано далее), о том, что американская гегемония в начале 1970-х гг. заканчивалась в связи со снижением американского экспорта и общей доли Вашингтона в мировой экономике. Она утверждала, что та модель мировых финансов, которая существовала после Второй мировой войны, была создана США и общая финансиализация мировой экономики только способствовала укреплению влияния гегемона. Стрендж отмечала, что в 1980-е гг. доллар по-прежнему оставался главной международной валютой в мире, сфера услуг США по-прежнему занимала половину мирового рынка. В связи с этим, по ее мнению, история упадка Вашингтона была преувеличена из-за неправильного понимания исторических тенденций¹⁸⁸.

В международной политической экономике по Стрэндж существовало четыре измерения: военное, промышленное, финансовое и технологическое. Она демонстрировала, что США в 80-е гг. продолжали доминировать по всем этим направлениям. В работах С. Стрендж можно отметить интересный аспект. Автор представляла Британию, страну, не являющуюся гегемоном, и рассуждала о теории гегемонистской стабильности с позиции объекта доминирования. В этом аспекте проявляется двойственность ее отношения в американской гегемонии. С одной стороны, она критиковала США за использование власти исключительно в собственных интересах в рамках своей «экстерриториальной империи», но при этом полагала, что Вашингтон не

¹⁸⁸ *Strange S. The Persistent myth of lost hegemony // International Organization. 1987. № 41 (4). Pp. 551–574.*

должен был отказываться от лидерства. Это можно объяснить привилегированным положением Великобритании, которая, ввиду тесных британо-американских связей, оставалась, в какой то мере, столпом американской гегемонии.

По поводу самой ТГС Стрендж высказывалась критично, утверждая, что теории не хватало комплекса последовательных идей, так как она была основана только на недоработанной концепции гегемона. При этом основной принцип теории гегемонистской стабильности — конструктивная и стабилизирующая роль государства-гегемона, а также его системообразующая функция в международных отношениях, присутствовали в концепциях Стрендж.

Однако следует отметить, что в поздних работах она более активно критиковала ТГС, утверждая, что объяснение международной нестабильности в 1970-е гг. через утрату Вашингтоном гегемонии предшествовало доказательствам реальности этого события¹⁸⁹. С связи с этим Стрендж отрицала прямую корреляцию между стабильностью и гегемонией Вашингтона, указывая на субъективность и изменчивость самого понятия «стабильность». Относительная стабильность в период Бреттон-Вудской системы, как утверждала исследовательница, была результатом совпадения, а элементы нестабильности субъективно воспринимались американскими экспертами как незначительные (например, кризисы платежного баланса в Бразилии и Аргентине с 1950 по 1970-е гг.). Она отмечала: «Возрождение открытой европейской экономики было сделано в пользу американских экономических интересов, также как и предоставление военных гарантий против советской экспансии было решением в пользу американских геополитических интересов... Надеяться

¹⁸⁹ *Strange S.* The retreat of the state: The diffusion of power in the world economy. Cambridge University Press, 1996. P. 21.

на еще одно такое счастливое совпадение в 1970-х или 1990-х гг. или вообще в любое другое время в обозримом будущем было бы слишком оптимистично. Возврат политики США к более эгоистичному, одностороннему использованию гегемонистской структурной власти был вполне ожидаем»¹⁹⁰. Крах Бреттон-Вудской системы и растущий торговый дефицит Соединенных Штатов, по мнению Стрендж, означал не конец гегемонии США, а лишь изменение ее характера, при условии того, что Вашингтон сохранял за собой превосходство во всех аспектах структурной власти – в промышленном потенциале, финансах, военной мощи и технологиях.

Важный вклад в реалистическую трактовку теории гегемонистской стабильности внес американский исследователь международных отношений С. Краснер. Его подход был сосредоточен на оценке структуры международной торговле с точки зрения ТГС. В своей статье «Государственная власть и структура внешней торговли» (1976) он отмечал систематическую взаимосвязь между гегемонией и открытостью мировой торговой системы. Исследователь утверждал, что свобода международной торговли возрастает в тот период, когда доминирующее государство находится на подъеме и «создает порядок, там, где в противном случае был бы хаос»¹⁹¹. По мнению Краснера, это один из основных аргументов в пользу власти сверхдержавы («state-power» argument). Этот аргумент, как выразился автор, «начинается с предположения о том, что структура международной торговли определяется интересами и мощью государств, действующих для максимизации национальных целей». При этом Краснер воспринимал эрозию послевоенной гегемонии Америки как данность. Он

¹⁹⁰ Там же. Р. 195.

¹⁹¹ *Krasner S. State Power and the Structure of International Trade // World Politics. 1976. Vol. 28, No. 3. P. 323, 343.*

настаивал, что его современники переживают период «относительного упадка Америки»¹⁹².

В 1989 г., на завершающем этапе холодной войны, увидела свет работа С. Краснера и М. Уэба «Теория гегемонической стабильности: эмпирическая оценка»¹⁹³, в которой авторы искали подтверждения ТГС с позиций неореализма. Краснер и Уэб определяли лишь два государства как полноценных гегемонов с точки зрения международной политической экономики: Британскую империю до начала XX-го века и Соединенные Штаты с конца Второй Мировой войны. Краснер и Уэб использовали системный подход для эмпирической проверки этой теории, а их основная гипотеза заключается в том, что присутствие гегемона в международной системе создавало стимулы для других государств принять идею свободной торговли.

Таким образом, по их мнению, мир становится более открытым и глобализированным в присутствии доминирующей державы. Они приводили примеры различных международных систем и утверждали, что есть два случая, в которых свободная торговля была бы выгодна: наличие множества малых государств с примерно равным силовым потенциалом (подобно тому, как государства Бенилюкса являлись пионерами европейского строительства и валютной интеграции) и существование гегемона, превосходящего другие более слабые государства.

При этом Краснер и Уэб утверждали, что гегемону требуется время для осознания выгоды глобализации и свободной торговли, корректируя таким образом тезис, выдвинутый ранее Краснером в работе «Государственная власть и структура международной торговли»¹⁹⁴ (1976).

¹⁹² Там же. P. 341.

¹⁹³ *Krasner S., Webb M.* Hegemonic stability theory: an empirical assessment // *Review of International Studies*. 1989. № 75. Pp.183–198

¹⁹⁴ *Krasner S. D.* State Power and the Structure of International Trade // *World Politics*. 1976. № 28. Pp. 317–347.

В своих дальнейших исследованиях политических режимов и проблемы суверенитета Краснер неоднократно вновь обращался к теории гегемонистской стабильности, подчеркивая, что государство-гегемон не только дает «зонт безопасности» мировой системе, как изначально считали Киндлбергер и Гилпин, но и способствует развитию экономических связей¹⁹⁵.

Краснер соглашался с Киндлбергером и Кеохейном, в том, что на пике своего могущества гегемонистское государство будет предоставлять ресурсы участникам системы в ущерб себе. Но по мере того, как гегемон будет приходить в упадок, его польза для международной стабильности будет уменьшаться. Тем не менее созданные им международные институты будут переходить под контроль других государств и продолжат функционировать, снижая энтропию в мировой политике. В связи с этим исследователь оценивал роль гегемона как положительную и в своей работе «Структурный конфликт: третий мир против глобального либерализма» заявлял, что США были основной силой в создании международных организаций после Второй мировой войны. И все же Краснер признавал, что: «...для гегемонистской державы цель таких организаций состоит в том, чтобы узаконить свои привилегии и ценности» (For a hegemonic power, the purpose of such organizations is to legitimate its preferences and values)¹⁹⁶.

Позицию Краснера можно назвать переходной от реалистического подхода к теории гегемонистской стабильности к либеральному, так как он уделял значительное внимание международным институтам, хотя и указывал на первостепенное значение военного и экономического потенциала доминирующего государства. Р. Гилпин и С. Стрендж также фокусировались на материальных возможностях гегемона, признавая

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ *Krasner S. D. Structural conflict: the Third World against global liberalism. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 10.*

важность интернациональных связей и коалиций как важный, но второстепенный фактор устойчивости системы. Международные институты и консенсус с союзниками стали основой следующего, либерального подхода к ТГС, возникшего почти одновременно с реалистическим.

Либеральное направление теории гегемонистской стабильности, в отличие от реалистического, характеризуется, в первую очередь, отказом от идеи анархического характера международных отношений и стремлением доказать тезис о том, что государство-гегемон выстраивает, или способно выстраивать, международную систему на основе глобальных соглашений и в интересах всех или большинства акторов.

Хотя основным представителем либерального подхода к теории гегемонистской стабильности считается Р. Кеохейн, первым автором в рамках данного направления стал С. Хоффман, с работой «Первенство или мировой порядок. Американская внешняя политика со времен холодной войны»¹⁹⁷ (1978). В данной работе, анализируя американскую политику сдерживания СССР (containment policy), а также научные и политические позиции Г. Киссинджера, Хоффман обращал внимание на истощение сил США и возможный конец американской гегемонии, существовавшей с конца Второй Мировой войны. В этих условиях, по его мнению, требовалось построение не просто Pax Americana, а более иерархизированного нового мирового порядка, условиями которого были бы военная и экономическая стабильность. Для минимизации насилия и экономических потрясений требовалась новая политическая элита как в США, так и в государствах-союзниках Вашингтона, к усилению которых призывал Киссинджер. Хоффман отвергал реалистическую модель, в

¹⁹⁷Hoffman S. Primacy or world order: American foreign policy since the cold war. NY: McGraw-Hill. 1978. 331 p.

рамках которой все государства стремятся к максимизации своей власти и благосостояния, предлагая, в свою очередь, концепцию «кривой безразличия», где политические акторы стремились оптимизировать свои цели, развивая показатели, несущие для них одинаковую полезность.

Рассуждая о возможном упадке гегемонии, Хоффман писал, что ее атрибутом должен быть постоянный экономический рост гегемона, ведущий к максимизации военной мощи и стабилизации мировой торговли. Однако издержки на гегемонию постоянно растут, по мере расширения зоны контроля растет также и потребление, что ведет к падению доли инвестиций в системе национального дохода. При этом глобализация делает возможным более быстрое распространение технологий, при освоении которых государства-новички нивелируют преимущества гегемона. В этом позиция Хоффмана совпадала с тезисами Гилпина. Однако выходом из положения Хоффман видел распределение лидерской нагрузки на союзников США и впервые поднял проблему «безбилетников» (*free riders*) — государств, получающих выгоды от гегемонистского порядка и не желающих участвовать в его поддержании¹⁹⁸.

Годом ранее ученики С. Хоффмана — Р. Кеохейн и Дж. Най выпустили работу «Власть и взаимозависимость: мировая политика в переходный период»¹⁹⁹ (1977), где поставили под вопрос основные принципы реалистической теории международных отношений и стремились освободиться от государство-центричной парадигмы Г. Моргентау и Р. Арона. Кроме того, их задачей было опровергнуть постулаты К. Уолтца, согласно которому анархия не является чем-то негативным для международной системы, а даже имеет ряд преимуществ перед иерархией (особенно гегемонистского типа). В этой работе

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ *Keohane R. Nye J. Power and interdependence: World Politics in Transition* // TBS The Book Service Ltdю 1977. 300 p.

исследователи утверждали особую роль транснациональных корпораций, возражая Гилпину, который считал, что эти корпорации никогда не смогут вырваться из-под власти государств.

При этом Кеохейн и Най признавали концепцию гегемонии нерелевантной для области финансов и морской торговли, где существующие взаимоотношения, по их мнению, сложились без влияния господства одного центра. В этих областях, как считали авторы, сложились «международные режимы», которые являются самоподдерживающимися и не нуждаются в гегемоне.

Свою позицию Р. Кеохейн развивал в отдельной работе «Теория гегемонистской стабильности и изменения международных экономических режимов, 1967-1977 гг.» (1980), где впервые появился термин «теория гегемонистской стабильности». В его понимании это концепция, согласно которой сильная международная экономическая система требует власти гегемона, поскольку только такая власть может наделить систему связностью и устойчивостью. Кеохейн критиковал Киндлбергера и Гилпина, стремясь доказать, что государство-гегемон не является ни необходимым, ни достаточным условием стабильного экономического порядка. Однако уже в этой работе он признавал, что гегемония является необходимой для первичного установления международных режимов, которые начнут развиваться после ее ослабления²⁰⁰.

Подробнее отношение Кеохейна к ТГС было описано в его основной работе по данной теме — «После гегемонии: сотрудничество и раздор в мировой политической экономии» (1984). Теория гегемонистской стабильности сформулировано ученым на основе двух тезисов: «порядок в мировой политике обычно создается одной доминирующей державой» и

²⁰⁰ *Keohane R.O.* The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1967-1977 / *Goddard C. R., Passé-Smith J. T., Conklin J. G.* 1996-International Political Economy: State-Market Relations in the Changing Global Order. Boulder: Lynne Rienner Pub. 1996. Pp. 64-84.

«поддержание порядка требует постоянной гегемонии»²⁰¹. Кеохейн соглашался с первым из них, но утверждал, что для поддержания порядка в дальнейшем может быть достаточно созданных гегемонией международных институтов.

Обращает на себя внимание, что в указанной работе исследователь критиковал ТГС, отмечая, что она подтверждается только одним или максимум двумя случаями, что ставит под сомнение ее общую обоснованность. Тем не менее Кеохейн рассуждал в рамках теории гегемонистской стабильности и поддерживал тезис о конструктивной роли США в международной системе, выраженная в создании правил и институтов для стабилизации мировой торговли. Важным посылом данного труда была необходимость поддержания устойчивых международных режимов после якобы заканчивающейся гегемонии Соединенных Штатов. Продолжая тезис о пользе гегемонии для создания международных режимов Кеохейн предлагал две модели гегемонии — «базовую модель силы» и «модель активации силы». Исследователь определял базовую силовую модель гегемонии как обладание непревзойденными материальными ресурсами, а модель активации силы как волю к осуществлению стабилизирующего воздействия на систему международных отношений²⁰².

Кеохейн, считал, что доминирование одного государства может быть необходимо для установления т.н. международных режимов, которые начнут развиваться после его ослабления. Международные режимы будут представлять собой устойчивый порядок, основанный на правилах, поддерживаемых консенсусом ведущих стран и работой международных

²⁰¹ *Keohane, R. O. After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. New Jersey: Princeton University Press, 1984. P. 31.*

²⁰² *Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press, 1984. 304 p.*

институтов. Стабильный международный режим, обеспеченный вкладом гегемона и его ближайших союзников, по мнению Кеохейна, позволит интегрировать экономики конкурирующих стран, будет способствовать глобализации и создавать «беспроблемные» ситуации, заменяющие понимание международных отношений как «игры с нулевой суммой». Таким образом, ТГС в долгосрочной перспективе может служить реализации либеральных идеалов. При этом Кеохейн, в продолжении наработок Хоффмана, уделял существенное внимание проблеме «безбилетников» (Free Riders), которая подразумевает стремление ряда государств получать выгоды от гегемона, не внося свой вклад в развитие международных режимов²⁰³.

Исследователь отвергал реалистическое одномерное понимание гегемона как государства с преобладающим военным и экономическим потенциалом и утверждал модель активации силы, которая подчеркивает как обладание непревзойденными возможностями, так и готовность осуществлять лидерство. Гегемония, согласно ученому, определяется как ситуация, в которой одно государство обладает достаточными возможностями, чтобы поддерживать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения, и готово это делать. Осуществляя лидерство таким образом, ведущее государство устанавливало правила, обеспеченные не столько господством, сколько согласием. Именно согласие государств объектов гегемонии обеспечивало устойчивость мировому порядку, а вовсе не материальные ресурсы гегемона, как это постулируется реалистическим подходом.

Гегемония, по мнению Кеохейна, теперь играла ведущую роль не только в установлении, но и в поддержании международных режимов. Гегемон осуществлял стабилизирующую функцию и не мог нарушать

²⁰³ Там же.

установленные правила без одобрения ведущих государств-объектов гегемонии. Для установления и поддержания правил государство-гегемон должно иметь контроль над сырьем, контроль над источниками капитала, контроль над рынками и конкурентные преимущества в производстве высокоценных товаров. У США, согласно Кеохейну, в начале 1980-х гг. уже не было этого «контрольного пакета акций». Хотя в послевоенный период у Америки была возможность устанавливать правила международных отношений в сферах торговли, финансов и нефти, это превосходство несколько поблекло после середины 1960-х, когда относительный вес американской экономики снизился с ростом Западной Европы и Японии. Однако это привело лишь к появлению системы, в которой государства договаривались друг с другом о тарифах и регуляции, чтобы добиться взаимовыгодных сделок, поддерживая разные варианты мирного и консенсуального режима, при которых ни одно государство не могло властвовать над другими. США были теперь просто партнером, пусть и большим, в новом многостороннем порядке, основанном на взаимном приспособлении и рациональной кооперации.

Аргументация из теории игр является важным элементом либерального направления ТГС. Кеохейн утверждал, что международные отношения в условиях существования международных режимов не являются игрой с нулевой суммой за превосходство, а, по существу, системой с положительной суммой экономических обменов. Он отвергал также основные для реализма аргументы — «дилемму безопасности» и «дилемму заключенного», согласно которым государства не заинтересованы в увеличении военной мощи и экономического благосостояния других игроков. В его понимании, в условиях глобализации экономический рост так или иначе будет способствовать положительной

динамике как экономики отдельных государств, так и сумме международных обменов.

Возвращаясь к используемой С. Хоффманом модели «кривой безразличия», Кеохейн отвергал утверждение реалистов о первичности внешней политики и вообще идею и о четком разграничении с внутренней политикой в условиях роста транснациональных корпораций. Совместно с Дж. Наем Кеохейн впоследствии предложил «теорию комплексной взаимозависимости» (*complex interdependence*), согласно которой транснациональные связи могут являться более важными для мировой политики, чем межгосударственные отношения²⁰⁴. В работе «После гегемонии», задействуя также «теорию демократического мира», исследователь утверждал, что в условиях комплексной взаимозависимости применение военной силы малореально, хотя необходимо укрепление обороны в отношении стран коммунистического блока, так как гегемон должен обладать достаточной военной мощью, чтобы защищать существующие нормы и правила²⁰⁵. Впоследствии идеи Р. Кеохейна и Дж. Нае сыграли существенную роль в формировании внешнеполитической стратегии администрации У. Клинтона.

Третий подход к теории гегемонистской стабильности можно условно именовать системным, однако он основан на двух компонентах — теоретическом наследии К. Маркса и А. Грамши, а также мир-системном анализе, при котором ключевым объектом исследования выступает не государство, а централизованная система обществ. Также этот подход характеризуется более глубоким погружением в историю. Если реалисты и либералы в основном рассматривают примеры Британской и Американской

²⁰⁴ *Keohane R., Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company. 1989. P. 51.*

²⁰⁵ *Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press. 1984. 304 p.*

гегемонии, представители неограмшианского подхода отождествляют наличие гегемонии с капитализмом и рассматривают влияние субъекта гегемонии на остальной мир именно в контексте анализа капиталистической мир-системы.

Следует отметить, что в контексте ТГС мир-системный подход пересекается также с идеями Р. Гилпина. Последний утверждал, что рыночная экономика имеет тенденцию до определенного момента концентрировать богатство в более развитых странах. По сути, они обеспечивали общественные блага, необходимые для функционирования эффективных мировых рынков, потому что имели с этого непосредственную выгоду²⁰⁶.

Понятие мир-системы было основано на исследованиях экономистов – Н. Д. Кондратьева, Й. Шумпетера и К. Поланьи. Венгерский экономист К. Поланьи в работе «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени»²⁰⁷ (1944) утверждал, что рыночную экономику и институт национального государства следует рассматривать не как отдельные явления, но только в контексте «рыночного общества». Анализируя период «Великого мира 1815-1914 гг.», Поланьи критиковал основные положения апологетов теории свободной конкуренции, утверждая, что основную роль в формировании капитализма сыграли именно монополисты. В дальнейшем этот тезис будут развивать практически все сторонники мир-системного анализа.

Значительное влияние на формирование мир-системного анализа оказали т.н. длинные волны мировой конъюнктуры, более известные как «циклы Кондратьева». В своей работе «Большие циклы конъюнктуры и

²⁰⁶ *Gilpin R. War and Change in World Politics // Cambridge University Press 1981. С. 138–139.*

²⁰⁷ *Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени // Алетейя. 2002. 320 с.*

теория предвидения»²⁰⁸ Н. Д. Кондратьев рассматривал мировую капиталистическую экономику как единую структуру, по сути прототип мир-экономики. Причем процессы в экономических центрах капитализма напрямую затрагивают и всю остальную систему. Сам Кондратьев так описывал связь общественных конфликтов и политических изменений с процессами технологического и экономического развития: «Бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп, внутри создает предпосылки для обострения борьбы против устарелых и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов. Вот почему, как мы видим, в действительности период длительного повышения конъюнктуры связан с радикальными изменениями в области производства, с полосой частых войн и революционных потрясений»²⁰⁹. В дальнейшем И. Валлерстайн активно пользовался именно циклами Кондратьева для иллюстрации развития капиталистической мир-системы.

Австрийский и американский экономист Й. Шумпетер в своих трудах, в частности в работе «Капитализм, социализм и демократия»²¹⁰ (1942), не только популяризировал циклические модели Кондратьева, но также обращался к идейному наследию К. Маркса и В. Зомбарта, выдвигая теорию созидательного разрушения. Она описывала процесс, в рамках которого капитализм разрушал общественную структуру, внутри которой он развивается, и создавал условия для появления новых структур с более

²⁰⁸ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды // Экономика. 2002. 767 с.

²⁰⁹ Там же. Сс. 390–391.

²¹⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия // Экономика. 1995. 540 с.

высоким потенциалом роста. Эта теория впоследствии была взята на вооружение сторонниками мир-системного анализа.

Труды вышеперечисленных ученых стали основой для фундаментального труда французского исследователя Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.»²¹¹ (1979). В этой работе были изложены ключевые положения будущей теории мир-системного анализа и некоторые аспекты теории гегемонистской стабильности. Основой для этого стала появившаяся при анализе зарождения и развития капитализма концепция мир-экономики. Она подразумевала взаимосвязанную систему хозяйств различных обществ, в региональном, а затем и в мировом масштабе. Мир-экономики обладали единым центром — «мировым городом». Список мировых городов — Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон и Нью-Йорк лишь частично совпадал с центрами сильнейших держав того времени. Мировой город нельзя назвать гегемоном, так как его могущество заключается только в экономическом аспекте. Ф. Бродель писал, что «каждый раз при утрате прежнего центра происходит возвышение нового, как если бы мир-экономика не мог существовать без центра тяжести, без некоего полюса. Такие утраты старого и обретения нового центра происходят, однако, редко, что еще более подчеркивает значение этих событий»²¹². Смену центра Ф. Бродель связывал с кризисами в экономике. Он считал, что возникновение, исчезновение и смена центра обычно связаны с продолжительными общими кризисами экономики.

Вдохновившись трудами Ф. Броделя, И. Валлерстайн на основе его концепции мир-экономики создал полноценную теорию мир-системного анализа, основным признаком которой являлся анализ глобальной системы

²¹¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XVI–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Весь мир. 2006. 592 с.

²¹² Бродель Ф. Динамика капитализма // Полиграмма, 1993. С. 92.

общества не отдельных социумов и национальных государств. Валлерстайн, в особенности в своих поздних работах, внес вклад в развитие теории гегемонистской стабильности, заимствуя концепцию гегемонистской войны у Р. Гилпина. В своей работе «Мир-системный анализ: Введение»²¹³ (2004) автор резюмировал свои теоретические наработки, выдвигая модель гегемонистских циклов, основанных на длинных волнах Кондратьева. Исследователь выделял три цикла гегемонии, каждый из которых был разделен на три фазы: мировой войны, гегемонии одной из великих держав и, наконец, упадка. Валлерстайн делил новую и новейшую историю следующим образом: Первый цикл гегемонии (1618—1672) — нидерландский; второй цикл — (1792—1896) — британский; третий цикл — (начался с 1914) — американский. Продолжительность гегемонистского цикла определялась подъемом и падением государства-гегемона. Циклы Валлерстайна включали в себя длительный контроль за капиталовложениями на мировом рынке, который во многом поддерживал существование власти гегемона. Эти капиталовложения создавали мир-системную инфраструктуру. Широкая система коммуникационных и финансовых сетей являлась необходимым требованием для устойчивости гегемонии. Отчасти согласуясь с реалистами, Валлерстайн полагал, что гегемония наступает в случаях, когда даже союзники доминирующей державы на деле есть не более чем ее клиенты, а противоборствующие державы деморализованы и придерживаются сугубо оборонительной линии поведения относительно гегемона²¹⁴. Опираясь на наследие Грамши и других марксистских исследователей, а также на работы Броделя, Валлерстайн описывал концепцию центра, периферии и полупериферии, которые находятся в рамках иерархии. Гегемония является силовым и

²¹³ Валлерстайн И. Мирсистемный анализ: Введение // Территория будущего. 2006. 248 с.

²¹⁴ Там же.

экономическим ядром центра, эксплуатирующего периферию. Исследователь отмечал: «Роль гегемона доставалась такому государству, которому по различным причинам и различными способами удавалось создать наиболее эффективный производственный механизм, а затем выиграть “тридцатилетнюю войну” с основным противником»²¹⁵.

Существенный вклад в развитие системного подхода к ТГС внесли работы единомышленника Валлерстайна, итальянского экономиста Дж. Арриги. Он обращался к теории гегемонистской стабильности в работе «Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени»²¹⁶ (1994), где показывал, что на международном уровне условием гегемонии представлялась превосходящая модель организации производства и потребления, стимулирующая не только соответствие идеалам и ценностям гегемона, но и повсеместную имитацию его как образца в других странах. Это вело к преимущественности варианта теории гегемонистской стабильности Арриги и теории гегемонии Грамши. Такая гегемония приносила пользу правящим группам всех государств, определяя предсказуемые правила для международной системы и защищая от общих угроз этой системе. Гегемония в этом смысле противопоставлялась простому «эксплуататорскому господству» (империи), при котором сильное государство добивается повиновения или дани от других посредством применения силы, не предоставляя им компенсирующих выгод.

Исторический анализ гегемонов у Арриги в целом совпадал с моделью Валлерстайна и Броделя. Существуют два «протогегемона»: Венецианская и Генуэзская республики, а также три полноценных гегемона: Нидерланды, Великобритания и США. Эта цепочка

²¹⁵ Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 2009. № 35 (672). С. 49.

²¹⁶ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени // Территория будущего. 2006. 307 с.

развертывалась под влиянием циклов накопления капитала, которые подчиняются марксистской формуле «деньги-товар-деньги». Причиной гегемонистской войны по Арриги стал предел материального расширения и финансиализация экономики государства-гегемона.

После гегемонистской войны, система погружалась в состоянии хаоса, из которого рождался новый гегемон с увеличивающимися материальными возможностями, который становился лидером мир-системы на протяжении определенного периода (3 Кондратьевских цикла по 40-60 лет, согласно идеям Валлерстайна). Рост возможностей подтверждался историческими примерами, когда Нидерланды были гибридом города-государства и национального государства, Великобритания была национальным государством с колониальными владениями, а США континентальным государством с нетерриториальной финансовой империей. Относительно гегемонии США Арриги неоднократно менял свою позицию, изначально предсказывая ей быстрый закат после 1970-х гг., затем отмечая феномен ослабления финансового могущества Америки при сохранении военного доминирования, а затем делая предположение, что гегемонистские циклы могут завершиться с трансформацией капитализма и переносом центра мир-системы в Восточную Азию.

Р. Кокс — еще один автор, рассматриваемый в рамках системного подхода, был представителем критической теории международных отношений. Он актуализировал наследие Грамши в рамках теории гегемонистской стабильности. В своей первой статье по данному вопросу «Грамши, гегемония и международные отношения: «Эссе о методе»²¹⁷ (1983) Кокс исследовал понимание гегемонии у Грамши и марксистских

²¹⁷Cox R. Gramsci, Hegemony and International Relations // Journal of International Studies. 1982. № 12 (2). С. 162–184.

мыслителей его времени, лишь отчасти касаясь проблематики международных отношений. Однако впоследствии в работе «Производственная мощь и социальные силы мирового порядка в создании истории» (1987) он в большей мере переключился на глобальный уровень, определяя глобальную гегемонию как внешнее расширение внутренней гегемонии господствующего социального класса. Созданная таким образом система базировалась на согласии более слабых государств, обусловленном материальным превосходством гегемона, идеологий и международными институтами. Анализируя изменения в системе, ядром которой являлся гегемон, Р. Кокс переформулировал определение гегемона с наиболее могущественного государства на интернациональное и надгосударственное объединение финансовых элит²¹⁸.

Наиболее проработанной циклической моделью для теории гегемонистской стабильности в рамках системного подхода стала концепция «долгих циклов лидерства», разработанная американским политологом Дж. Модельски. В работе «Длинные циклы в мировой политике»²¹⁹ (1987) Модельски демонстрировал модель смены циклов лидерства, длительностью 70-100 лет и привязанных к длинным волнам Н.Д. Кондратьева. Смена «кондратьевских циклов» трансформировала структуру политического миропорядка, способствуя выдвижению новых великих держав и макрорегионов. Модельски указывал на то, что в период с первой промышленной революции и до окончания Великой депрессии XX века доля ведущих стран в промышленном производстве мира менялась неоднократно. Эта ситуация стала иллюстрацией неравномерности развития, когда у великих держав периоды подъемов сменялись спадами, а также происходило выдвижение новых хозяйственных лидеров в мировой

²¹⁸Cox R. Production Power and World Order Social Forces in the Making of History. Guildford Columbia University Press, 1987. 500 p.

²¹⁹Modelski J. Long cycles in world politics. University of Washington Press, 1987. 244 p.

экономике. Цикличность отбора тех или иных держав на роль экономического лидера Модельски связал с политической гегемонией великих держав.

Автор приводил аргументы в пользу корректности своей аналогии мировых политических и экономических циклов. Он обращал внимание на то, что циклы Кондратьева являлись результатом инновационной деятельности в мировом хозяйстве и циклы мировой политики также сопровождались определенной инновацией в мировой политической структуре. Поскольку в большинстве стран мира правительства распределяли значительную часть национального продукта (в среднем до одной трети, а во время войны — и половину), то благодаря этому экономика и политика оценивались Модельски как тесно взаимосвязанные области. Отсутствие координации между ними вело к неизбежному нарушению нормального функционирования государства. Новые отрасли хозяйства обеспечивали финансирование глобальных политических операций. А растущие и амбициозные державы сравнивались автором с инновационными отраслями промышленности. Великие державы создавали условия безопасности, при которых было возможно процветание инновационных отраслей. В свою очередь растущие экономические потребности способствовали формированию новых мировых рынков.

Следовательно, считал Модельски, между циклами Кондратьева и выделенными им длинными циклами мировой политики существовала глубокая внутренняя связь, которая, правда, носила вероятностный, а не детерминистский характер. Это было обусловлено тем, что оба типа циклов мирового развития выступали в качестве механизмов адаптации государств к меняющимся условиям существования посредством самоорганизации. Модельски полагал, что продолжительность одного длинного цикла мировой политики составляет около 100 лет. Продолжительность же

кондратьевского мирохозяйственного цикла, как нам известно, составляет в среднем 50 лет. Получалось, что каждый длинный цикл мировой политики соответствует двум последовательно проходящим циклами Кондратьева. Длинные мировые политические циклы определялись исследователем как последовательность подъема и упадка великих держав. Подъем великой державы автор назвал «этапом обучения», а упадок — «этапом лидерства». Каждый из двух этапов Модельски и подразделяет на четыре фазы.

Первый этап (обучение) включает в себя: определение основных мировых проблем, требующих решения; создание коалиций союзников; принятие решений на мировом уровне; проведение их в жизнь.

Второй этап (упадок) состоит из следующих фаз: мировая война; поражение великой державы; утрата мировой легитимности; распад.

Согласно Модельски, в основе глобального лидерства лежали такие факторы, как современные вооруженные силы, передовая экономика, открытое и устойчивое общество, а также адаптивность государства к инновациям. При этом под инновациями понимались не только новые продукты и методы производства, но и открытие новых рынков, источников сырья, а также создание новейших форм организации бизнеса.

В дальнейшем в работе «Ведущие секторы и мировые державы: коэволюция глобальной экономики и политики»²²⁰, написанной совместно с политологом У. Томпсоном, Модельски совершенствовал свою концепцию цикла лидерства, разделяя его на 4 фазы. Первая фаза — мировая война, подразумевает разрешение кризиса предыдущей мир-системы. В рамках второй фазы, обозначенной как «Мировая держава», наиболее сильное в военном и экономическом отношении государство становится во главе международной системы безопасности. В третьей фазе,

²²⁰*Modelski J., Thompson W. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Chicago: University of South Carolina Press, 1996. 282c.*

фазе делегитимации, ослабляется вера в стабилизирующую и конструктивную роль гегемона. В четвертой фазе деконцентрации появляется контргегемон, бросающий вызов гегемону на фоне кризиса мир-системы.

Системный подход, как следует из его названия, анализировал международные отношения как единую мир-систему, в которой гегемон является государством, защищающим экономические привилегии наиболее развитых центра. При этом гегемонией может являться не только государство, но и, как в случае концепции Кокса, интернациональная группа с общими интересами. Представленные в рассматриваемой главе концепции различаются по своему идеологическому направлению и даже отношению к гегемонии, однако общим для них является признание стабилизирующей роли единого гегемона, способного, пусть и на определенный период, снижать интенсивность конфликтов и оказывать конструктивное влияние на мировую экономику.

Однако следует отметить, что в эпоху биполярного мира теория гегемонистской стабильности подвергалась активной критике с самого момента ее разработки. Так, один из основателей теории, Р. Кеохейн, ввел в оборот термин «теория гегемонистской стабильности» изначально с критическими целями, стремясь опровергнуть аргументы ТГС. В 1980-е гг., на завершающем этапе холодной войны, вышло значительное число работ, стремящихся опровергнуть прогностический потенциал ТГС, основываясь на якобы имевшем место упадке американского влияния. Однако ряд исследований того периода выдвигали не только опровержения на основе

апостериорного знания, но и универсальные аргументы против некоторых положений теории.

В частности, одновременно с Кеохейном, свою критическую работу «Пределы теории гегемонистской стабильности»²²¹ (1985) опубликовал американско-британский исследователь международных отношений Д. Снидал. Он утверждал, что диапазон теории ограничен очень специфическими условиями, и предполагал, что упадок власти гегемона может продемонстрировать возможность коллективного управления миром. По словам Снидала, применимость теории может быть поставлена под сомнение, так как она верна только эмпирически и только при определенных условиях.

Исследователь определял гегемонистскую стабильность как господство доминирующего государства, основанное на привлекательности его идей и распределении им политических благ в рамках системы. Однако следует различать два различных направления гегемонии («принудительная» и «доброжелательная»). Эти течения представляли разные концепции роли государств-лидеров и поэтому имели разные значения. При этом оба подхода предполагали, что основные международные проблемы являются общественными и что международная система не допускает коллективных действий. Первое предположение ограничивает диапазон применения теории, в то время как вероятная неудача последнего означает, что теория может быть ошибочной даже в этом более ограниченном диапазоне. По мнению Снидала, простые формальные модели демонстрируют вывод, полностью расходящийся с ТГС: упадок силы гегемона на самом деле может привести к результату, как коллективно превосходящему, так и более предпочтительному с точки зрения распределения благ между государствами. Таким образом автор

²²¹ Snidal D. The limits of hegemonic stability theory // International Organization. 1985. № 39 (4). С. 579–614.

полагал, что гегемонистская стабильность — это, по сути, лишь частный случай международного сотрудничества. Понимание сотрудничества в целом требует менее ограничительных предположений.

Другой критик теории гегемонистской стабильности, американский исследователь Д. Каллео, в своей работе «За пределами американской гегемонии: Будущее Западного Альянса»²²² (1987) рассуждал об изменении степени влияния США в рамках НАТО. С его точки зрения, на завершающем этапе холодной войны американское доминирование в рамках НАТО и Западного мира в целом не отвечало ни интересам США, ни интересам коллективного Запада. Каллео призывал к обновленному Атлантическому альянсу. Утверждая, что Америка и Европа по-прежнему нуждаются в своем союзе, он показывал, что однобокая гегемония Америки в НАТО не нужна и контрпродуктивна. Автор считал, что только НАТО во главе с самими европейцами может решить растущие проблемы расширенного ядерного сдерживания. И различные политические интересы каждой стороны в любом случае ограничивали полезность НАТО как передовой базы американской мощи.

Эксперт стремился показать, как продолжающаяся борьба Америки за поддержание ненужной военной гегемонии в Европе сводила на нет усилия по наведению порядка в своей финансовой системе, с последствиями, которые все больше подрывали послевоенный мировой порядок, включая сам Атлантический альянс. Наконец, Каллео утверждал, что необходимые элементы для управляемой Европой НАТО уже существовали. Он указывал на перспективы появления многополярного мира и считал, что США могли извлечь из этого выгоду. В этом он выступал единым фронтом с Д. Снидалом, с ультралиберальных позиций утверждая, что в международных

²²²*Calleo D. P. Beyond American hegemony: the future of the Western Alliance. NY: Basic Books, 1987. 288 с.*

отношениях возможны коллективные решения и коллективное управление, превосходящие по эффективности гегемонию.

Политолог Д. Лейк, продолжая линию критики Снидала и Каллео считал, что Гилпин переоценивал центральную роль гегемонии в международном порядке. В своей работе «Основы межгосударственной торговли: теория международных экономических структур»²²³ (1993) он обращался к тезису Киндлбергера и Гилпина о том, что для стабилизации экономической системы требуется гегемон, обеспечивающий открытость торговли и поддержание международного режима. Основываясь на экономических данных за период 1950-х–1980-х гг. Лейк пришел к выводу о том, что колебания влияния гегемона, выраженные в объеме его экспорта и доле в мировой экономике, не всегда совпадают со степенью открытости международной торговли. Автор утверждал, что не существует аксиоматической взаимосвязи между гегемонией и свободной торговлей или ослаблением гегемонии и дестабилизацией мировой системы. Более того, его теория международных экономических структур также ставила под сомнение уместность «британской» аналогии или аналогии «1930 г.», подразумевавшей сходство между гегемонией США в период Бреттон-Вудской системы с британской гегемонией в XIX веке и в период интербеллума. Наконец, ТГС в работе Лейка рассматривается на примере краткого периода американской торговой политики в межвоенный период, а также в 1970-е и 1980-е гг.²²⁴.

К сожалению период, избранный Д. Лейком для анализа, оценивался исследователями неоднозначно и не мог в полной мере характеризовать ТГС. При этом важным достоинством работы Лейка стала классификация государств в условиях империи и гегемонии, созданная на основе моделей

²²³Lake D. Beneath the Commerce of Nations: A Theory of International Economic Structures // International Studies Quarterly. 1984. № 28(2). Pp. 143–170.

²²⁴ Там же. P. 167.

Киндлбергера и Гилпина. В своей более поздней работе автор утверждал, что чем крупнее страна с точки зрения экономики, тем тем больше ее готовность прилагать усилия к стабилизации международной торговли и созданию устойчивого международного экономического режима. Страны со средним экономическим весом также готовы играть стабилизирующую роль, но только в том случае, когда сталкиваются с непреодолимыми издержками от нестабильности. Кроме того, он отмечал, что чем выше относительная производительность страны, тем сильнее ее интерес к свободной торговле. На основе этих тезисов Лейк выделял шесть категорий стран на основе двух измерений: размера экономики и производительности (См. Рис. 1).

Рисунок 1. Акторы международной экономики в трактовке Д. Лейка.

Источник: *Lake D. Beneath the Commerce of Nations: A Theory of International Economic Structures // International Studies Quarterly. 1984. № 28(2). P. 150.*

На данной схеме Лейк представил, в частности, три типа стран, которые проигрывают от увеличения свободной международной торговли. Так, имперский лидер (Imperial Leader, IL) являет собой крупное

государство, способное оказывать значительное влияние на мировую экономику. Однако, вследствие низкой производительности труда и относительно слабой конкурентоспособности своих товаров, оно будет стремиться повышать тарифы и проводить протекционистскую политику, допуская только импорт сырья и продукции, которую не может произвести само. Лейк полагает, что такие государства не появлялись со времен промышленной революции.

Государство-спойлер (Spoiler, SP) также способно, по мнению автора, подорвать свободу международной торговли своей протекционистской политикой. В качестве примера спойлеров он приводил Германию и Францию конца XIX века, а также Японию после Второй мировой войны.

Третий тип государства – протекционистский «безбилетник» (Protectionist Free Riders, PFR) частично иллюстрируют экономическую «проблему безбилетника» (The Free-Rider Problem). Эти страны обладают малым весом и практически не вносят вклад в международную торговлю, однако, зачастую, получают значительную прямую помощь от своих более производительных соседей. При этом их действия, по мнению Лейка, часто вредят открытости мировой экономики²²⁵.

В свою очередь, страны с высокопроизводительной экономикой пропорционально своему размеру заинтересованы в минимизации протекционизма. Самые малые из них, либеральные «безбилетники» (Liberal Free Riders, LFR), пользуются свободой торговли, практически не внося вклад в ее поддержание (Лейк приводил в пример Бельгию и Швецию). Государства-сторонники (Suppliers, SUP) активно способствуют открытости мировой экономики в условиях ослабления или отсутствия гегемона (США до и ФРГ после Второй мировой войны). И, наконец, гегемонистский лидер (Hegemonic Leaders, HL) иллюстрировал собой

²²⁵ Там же. Р. 151.

ключевые положения ТГС. Он обладал большой и высокоэффективной производительностью, что обуславливает его заинтересованность и возможность поддерживать свободную международную торговлю²²⁶. Однако Лейк, как критик ТГС, отмечал, что США соответствовали этой роли только краткий период с окончания Второй мировой войны до начала 1960-х гг. Автор прогнозировал, что к концу 1980-х гг. Вашингтон вернется к роли государства-сторонника, первого среди равных²²⁷.

Важной вехой в анализе и критике теории гегемонистской стабильности на исходе биполярного периода стала работа американского исследователя Дж. Говы «Рациональные гегемоны, исключаемые товары и малые группы: эпитафия теории гегемонистской стабильности?»²²⁸ (1989). Для начала автор опровергал традиционную линию критики в адрес ТГС со стороны Снидала, Каллео и Лейка, то есть критики постулатов теории о развитии свободной торговли в рамках гегемонии, сохранении политической стабильности в международной системе и справедливом распределении общественных благ при условии самоограничения власти гегемона. Критики пришли к выводу что гегемония не всегда способствует стабильности экономической системы и даже может противоречить свободной экономике, основанной на рыночном обмене.

Однако критики времен холодной войны признавали, что гегемоны, преследующие как политические, так и экономические цели, могут предпочесть свободную торговлю по политическим причинам. Гова предполагал, что поддержка Америкой того, что стало Европейским экономическим сообществом, была нелогичной с точки зрения ТГС. Самый значительный недостаток теории гегемонии, согласно автору – это

²²⁶ Там же. Р. 152.

²²⁷ Там же. Р. 167.

²²⁸ Gowa J. Rational Hegemons, Excludable Goods, and Small Groups: An Epitaph for Hegemonic Stability Theory? // World Politics. 1989. № 41 (3). С. 307–324.

игнорирование сущности области, к которой она применяется: политики межгосударственной торговли в анархическом мире. Теоретически государства, ведущие переговоры друг с другом, могут заключить соглашение, которое улучшает абсолютное благосостояние каждого, сохраняя при этом ранее существовавший баланс сил между ними. Однако предпосылки такого соглашения огромны: функции полезности государств должны быть общеизвестными, а договаривающиеся государства должны согласовать шкалу полезности, которая будет определять как статус-кво, так и распределение выгод от сотрудничества. На практике выполнение этих условий кажется маловероятным, в том числе и в рамках теории гегемонистской стабильности, где самоограничение власти гегемона не подвергается контролю и надзору со стороны других государств и может быть прекращено. Доминирование гегемона в военной и экономической сфере не позволит остальным участникам системы помешать гегемону ввести протекционистские тарифы и нарушить режим свободной торговли, что может привести к потере полезности гегемонии, а, соответственно и к дестабилизации системы.

В ходе споров о фактической несостоятельности теории гегемонистской стабильности значительной популярностью пользовались количественные исследования, в рамках которых авторы пытались продемонстрировать, что доминирование одной гегемонистской державы не приводит к стабилизации мировой системы, уменьшению числа и интенсивности конфликтов, а также большей открытости мировой торговли. Последний показатель был рассмотрен в работе «Теория гегемонистской стабильности и уровни тарифов в Европе в XIX веке»²²⁹ (1983) Т. Макьюэном. Исследователь выбрал период с достоверной

²²⁹*McKeown T. J. Hegemonic Stability Theory and Nineteenth-Century Tariff Levels in Europe // International Organization. 1983. № 37 (1). С. 73–91*

статистикой, при этом не задействованный в основных исследованиях по ТГС. Он изучил уровень таможенных тарифов европейских стран, в основном Великобритании, Франции, Германии и России в период с 1815 г. до начала Первой Мировой войны. Макьюэн приводил аргумент сторонников теории гегемонистской стабильности Гилпина и Краснера о том, что низкий уровень таможенных тарифов в середине XIX века был результатом британской гегемонии, которая поддерживала режим открытости между державами и способствовала получению коллективных благ всеми акторами мировой системы. С помощью морского превосходства Британия останавливала контргегемонистские движения Франции и России по достижению господства в Европе. В этот же период, с 1820 по 1879 г. британская экономика с помощью технического превосходства позволяла развиваться новым рынкам и видам экономических связей между государствами Европы и мира. Как только британская гегемония с 1880 г. начала ослабевать, также начал разрушаться и режим открытости между державами, начался период протекционизма и таможенных войн²³⁰.

Макьюэн подробно анализирует аргументы Гилпина и Краснера и соглашается с тем, что Британская империя в период своей гегемонии, в особенности с середины XIX века, стремилась снизить свои таможенные тарифы и таможенные тарифы других европейских стран. Более того, в период своего морского и экономического могущества Британии это удавалось. Однако, проводя эмпирический анализ экономических связей XIX века, исследователь сообщает о том, что уровень стремления Британской империи к открытости к мировой торговле был недостаточен для того, чтобы квалифицировать его как сознательную и последовательную политику гегемона по максимизации экономических

²³⁰ Там же. Р. 75.

благ. Ряд переговоров о снижении тарифов инициировала не Британия, определенные инициативы ее не удавались, а в краткий период 1830-х гг. британские тарифы в отношении французских товаров в основном росли. Наполеон III в период своего правления во Франции усиливал политику протекционизма и снижал ее только ради получения политических выгод от союза с Великобританией. Таможенные тарифы Пруссии, которые являлись самыми низкими в Европе на момент окончания Наполеоновской войны, сильно выросли за период британской гегемонии. Россия, являвшаяся одной из ключевых держав Европы и мира, также придерживалась протекционистской политики, несмотря на активную торговлю с Великобританией²³¹.

Макьюэн делает вывод либо о неприменимости теории гегемонистской стабильности к Британскому доминированию в XIX веке, либо о ее несостоятельности. Он стремится объяснить совпадения положений теории с реальной историей локальными политическими процессами государств²³². Однако в целом работа Макьюэна по-существу не может опровергнуть положение о том, что на глобальном уровне гегемония способствует как экономической стабильности, так и экономической открытости. В статье лишь делаются попытки найти несостыковки, противоречия и иные объяснения этой взаимозависимости.

Количественное исследование, стабилизирующей функции гегемона в отношении военных конфликтов, провел американский исследователь Э. Шпизио. В своей работе «Британская гегемония и война великих держав, 1815-1939: Эмпирический тест модели гегемонистского правления Гилпина»²³³ он подсчитывал общее количество вооруженных конфликтов в

²³¹ Там же. Рр. 85–89.

²³² Там же. Рр. 89–91.

²³³ *Spiezio K.E. British Hegemony and Major Power War, 1815–1939: An Empirical Test of Gilpin's Model of Hegemonic Governance // International Studies Quarterly. 1990. № 34 (2) Pp. 165–181*

рассматриваемый период, а также процент войн с участием великих держав — Великобритании, России, Франции, Австрии и Пруссии. Автор спорит с аргументами Гилпина о том, что потенциал международной стабильности возрастает с усилением иерархии великих держав и отрывом гегемона от всех остальных конкурентов²³⁴.

На основе количественных показателей выстраивается индекс возможностей Британской гегемонии в военной сфере, в экономике и совокупный индекс влияния для каждого пятилетия периода с 1815 по 1939 гг. В рамках каждого пятилетия отмечается количество военных конфликтов (относительно крупных, но критерий выборки автор, к сожалению, подробно не описывает), а также военных конфликтов с участием великих держав. Пик Британской гегемонии приходится на период 1845–1865 гг. В этот период британская военно-экономическая мощь составляла более 40% от мирового потенциала. Однако именно в этот период количество войн было наиболее значительным, за исключением периода с 1930 г., когда британская гегемония пала (См. Таблицу 1).

Шпизо также отмечает, что именно на этот период приходится Крымская война — интенсивный конфликт, в котором были задействованы сразу три великие державы. Автор делает выводы о том, что объяснительный механизм теории гегемонистской стабильности недостаточен для объяснения мировых процессов и требует более внимательного рассмотрения самой политики гегемона. При этом исследователь указывает что период с 1815 по 1939 гг., за исключением Первой Мировой войны, действительно был отмечен снижением числа и

²³⁴ Там же. Р. 179.

интенсивности конфликтов и что Британская империя якобы играла в этом значительную роль²³⁵.

Год	Военные возможности	Экономические возможности	Совокупные возможности	Частота всех войн	Частота войн великих держав
1815	24.8	45.7	35.3	0	0
1820	17.3	49.1	33.2	1	0
1825	19.0	55.3	37.2	1	0
1830	14.7	55.1	34.9	0	0
1835	15.5	62.4	38.9	0	0
1840	14.9	62.0	38.5	0	0
1845	16.6	66.6	41.6	3	0
1850	17.0	68.9	42.9	1	1
1855	19.8	64.9	42.4	2	1
1860	18.8	65.4	42.1	4	0
1865	18.5	63.1	40.8	1	1
1870	13.8	62.5	38.2	1	1
1875	15.4	60.6	38.0	1	0
1880	14.2	56.6	35.4	1	0
1885	15.7	53.7	34.7	0	0
1890	14.8	47.9	31.4	0	0
1895	14.9	44.2	29.6	0	0
1900	20.7	20.3	20.5	1	1
1905	13.0	16.9	15.0	0	0
1910	13.2	14.6	13.9	2	1
1920	17.3	13.5	15.4	0	0
1925	18.2	11.4	14.8	1	0
1930	12.9	12.9	12.9	1	0
1935	8.9	12.2	10.6	6	3

Таблица 1. Показатели совокупных возможностей Великобритании и частота военных конфликтов в 1815–1939 гг.

Источник: Spiezio K.E. *British Hegemony and Major Power War, 1815-1939: An Empirical Test of Gilpin's Model of Hegemonic Governance* // *International Studies Quarterly*. 1990. № 34 (2). P. 175.

Необходимо отметить, что в рамках работы автор не дал подробных объяснений относительно методологии анализа, в частности не объяснен критерий отбора военных конфликтов, а также вызывает сомнения

²³⁵ Там же. P. 173.

оправданность показателя «частоты конфликтов в пятилетний период». Шпизио, так же, как и Макюэн, выступает с критикой теории гегемонистской стабильности за ряд противоречий эмпирических данных ее основным положениям, однако при этом объяснительная конъюнктура теории о стабилизации системы при гегемонии в основном подтверждается.

Американские политологи Т. Волги и Л. Имоул также предложили свой критический взгляд на теорию гегемонистской стабильности в постбиполярном мире. Их работа «Два аспекта гегемонистской силы: структурные и относительные возможности»²³⁶ (2000 г.), стала концептуальным продолжением исследований Э. Шпизио. В нем авторы на основе схожей методологии исследовали взаимосвязь американской военно-экономической мощи в период холодной войны и частоты международных конфликтов. Эксперты использовали набор данных, предоставленный проектом «Корреляты войны» — долгосрочным историческим исследованием истории войн. Данный проект, начатый в 1963 г. американским политологом и профессором Мичиганского университета Дж. Сингером, аккумулировал данные о вооруженных конфликтах с 1816 г.²³⁷

Волги и Имоул, также как Шпизио, выделяли долю американского военного экономического потенциала в общемировых показателях и определяли средний показатель в качестве интегрированного обозначения американского влияния в мире. Исследование, в котором изучалась мощь США с 1950 по 1992 г., выявило статистически значимую отрицательную корреляцию между относительной силой Соединенных Штатов и частотой международных конфликтов. Интересным продолжением исследований

²³⁶Imwalle L. E., Volgy T.J. Two faces of hegemonic strength: Structural versus relational capabilities // *International Interactions*. 2000. № 26. С. 229-251.

²³⁷ Meredith R. Wayman F. *Resort to War: 1816 – 2007* // CQ Press. 2010. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/> (дата обращения: 12.11.2024).

Волги и Имоула могло быть расширение набора данных до периода после 1992 г. Тем не менее, в связи с указанными ограничениями, их выводы оказались не актуальны в постбиполярную эпоху.

Следует отметить, что к концу холодной войны гегемонистской стабильности представляла собой многоплановую концепцию, позволяющую проследить взаимосвязь между политическими и экономическими процессами в сфере международных отношений. Возникнув в период ослабления влияния Соединенных Штатов на фоне кризиса Бреттон-Вудской системы и поражения во Вьетнамской войне, ТГС должна была предложить аргументы в пользу якобы конструктивной роли американского господства для мировой политики и экономики. Ее представители стремились обосновать необходимость возвращения Вашингтону того подавляющего политико-экономического превосходства, которое он имел после Второй мировой войны над всеми остальными государствами.

С момента возникновения теория подвергалась активной критике исследователями, указывавшими на ее значительные недостатки и неточности. Анализ статистических данных позволил таким экспертам как Т. Макьюэн и Э. Шпизо опровергнуть прямую корреляцию между гегемонией Великобритании и стабилизацией мировой системы в XIX веке. Тем не менее, как показывает дальнейшее исследование, ключевой период для апробации ТГС только наступал. После распада Советского Союза США получили возможность осуществлять по-настоящему глобальную гегемонию и продемонстрировать, насколько доминирующее государство способно стабилизировать международную систему в политической и экономической сфере.

Глава 2. Теория гегемонистской стабильности во внешней политике США в постбиполярном мире

Теория гегемонистской стабильности была сформирована на фоне видимого падения американского политического влияния в первой половине 80-х гг. XX века. Ее критики также наблюдали этот процесс, делая выводы о невозможности и ненужности новой гегемонии в реалиях грядущего коллективного управления. В дальнейшем тезис о постепенном окончании единоличного доминирования Соединенных Штатов и переходе к открытым коллективным режимам подвергся сомнению ввиду ослабления Советского Союза и активной внешней политики администрации президента США Р. Рейгана.

Его подход, т. н. «Доктрина Рейгана», трактовался рядом политологов как линия поведения гегемона, стремящегося вернуть былое величие²³⁸. Так, знаменитый американский исследователь С. Хантингтон полагал, что для дальнейшей демократизации стран Третьего мира необходимо либо их ускоренное экономическое развитие, либо восстановление Соединенными Штатами своего гегемонистского положения, сравнимого с периодом 1940-х – 1950-х гг. Администрация Рейгана предпочла второй вариант²³⁹.

С ним соглашался политолог-социалист Л. Пратт, указывая на причины появления рассматриваемой доктрины: «Мы утверждаем, что истоки доктрины Рейгана следует искать в страхах и тревогах "Новых правых" по поводу утраты американской гегемонии и распространения марксизма в странах Третьего мира, а также в противоречиях между теми политиками, которые хотят подтвердить превосходство США, и теми, кто

²³⁸ *Kaufman R.* The First Principles of Ronald Reagan's Foreign Policy [Электронный ресурс] // Heritage Foundation. 2011. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.heritage.org/political-process/report/the-first-principles-ronald-reagans-foreign-policy%3d> (дата обращения: 26.04.2024).

²³⁹ *Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1984. № 99 (2). P. 218

одержим вьетнамским синдромом. Доктрина Рейгана предлагает империализму дешевые условия, обещая как борьбу с революциями, так и предотвращение нового Вьетнама»²⁴⁰. Здесь, как представляется, сформулирована также одна из причин появления и роста популярности теории гегемонистской стабильности в 1980-е гг.

Администрация 40-го президента стремилась восстановить американскую гегемонию в традиционных сферах влияния Соединенных Штатов, используя повстанцев против дружественных Советскому Союзу режимов, но избегая прямых столкновений с Москвой²⁴¹. В 1985 г. в Вашингтоне был принят ряд внешнеполитических решений, призванных свидетельствовать об активизации ее борьбы с «коммунистической экспансией» в Центральной Америке. В противовес многолетней приверженности «доктрине сдерживания», новая стратегия предусматривала оказание моральной и материальной помощи движениям, выступавшим с антикоммунистических позиций в странах «третьего мира»²⁴².

Политолог Б. Бернс считал, что Рейган проводил внешнюю политику Соединенных Штатов, исходя из убеждения, что США могут и должны навязывать свою волю всему миру. Любое проявление независимости, любой вызов или неповиновение воле Вашингтона должны были немедленно пресекаться. Центральным для доктрины Рейгана, по мнению Бернса, было открытое нарушение международных договоров и обязательств, коррупция и абсолютное пренебрежение к международным

²⁴⁰ Pratt L. View of The Reagan Doctrine and the Third World // The Socialist Register. 1987. № 23. P. 65.

²⁴¹ Там же. P. 89-90.

²⁴² Pach C. The Reagan Doctrine: Principle, Pragmatism, and Policy // Presidential Studies Quarterly. March 2006. P. 75

организациям, к сущности международных договоров и норм международного права²⁴³.

При этом политика Вашингтона в рамках «доктрины Рейгана» действительно значительно ослабила позиции Советского Союза, в особенности в Афганистане, Анголе и Никарагуа. Однако, в условиях биполярного мира, действия США были направлены скорее на дестабилизацию статус-кво международной системы, чем на ее стабилизацию. Это, при условии наличия сопоставимого по силам соперника в лице СССР, не соответствовало условиям ТГС.

Тем не менее, Соединенные Штаты постепенно обретали способность в одностороннем порядке устанавливать правила для всего мира. Призыв идеологов теории гегемонистской стабильности был услышан и США стремились вернуться к той степени доминирования, которой они обладали после Второй мировой войны. На их пути стоял основной конкурент — Советский союз, который, под давлением комплекса внешних и внутренних причин уступил в холодной войне. После его распада уровень превосходства Вашингтона над остальными акторами международных отношений оказался значительно выше, чем в 1950-е гг. ввиду отсутствия экономических и политических альтернатив американоцентричному миропорядку. В период президентского срока Дж Буша-старшего (1989-1992) Соединенным Штатам пришлось адаптировать свою стратегию к настоящему глобальной гегемонии.

2.1. Теория гегемонистской стабильности в политике администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона

Согласно американскому политологу Ч. Краутхаммеру, глобальная гегемонистская политика США могла быть зафиксирована в рамках

²⁴³ *Burns B.* At war in Nicaragua: the Reagan doctrine and the politics of nostalgia. NY: Harper & Row, 1987. 211 p.

президентского срока Дж. Буша-старшего, а точнее с момента Войны в Персидском заливе 1990-1991 гг. В своей статье «Однополярный момент»²⁴⁴ (1991) автор писал, что наступивший триумф однополярного мира характеризовался самостоятельными действиями Соединенных Штатов во время операции «Щит пустыни» (Operation Desert Shield) и введением эмбарго против Ирака. Краутхаммер утверждал, что политика умиротворения Ирака была не коллективной акцией, как могло показаться, а исключительно работой Вашингтона. Несмотря на наличие коалиции и выступление под эгидой ООН, реальные решения, как считал политолог, принимались американской стороной. Краутхаммер считал, что по внутренним причинам американские политические лидеры решили «нарядить одностороннее действие в разнообразные одежды». Это было сделано потому, что, по мнению автора, американским гражданам с их верой в демократию нужна была показная легитимность²⁴⁵.

Военные действия в рамках операции «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» (Operation Desert Storm) возглавлял председатель комитета начальников штабов К. Пауэлл. Являясь одним из руководителей вооруженных сил коалиции из 34 стран ООН, он, тем не менее, по мнению Краутхаммера осуществлял исключительно волю руководства Соединенных штатов. Поэтому, как считал исследователь, Пауэлл не завершил разгром иракских войск оккупацией Ирака, нуждаясь в режиме Хусейна для уравнивания Ирана, а после возвращения независимости Кувейта отвел войска на исходные позиции, несмотря на протесты лидеров Саудовский Аравии, Кувейта и Иордании. Победа в войне продемонстрировала тотальное военное превосходство США как гегемона и возможность для Америки начинать и заканчивать войны по собственной

²⁴⁴ Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990. № 70(1). С. 23-33.

²⁴⁵ Там же. Р. 25.

воле. Это также стало первой интервенцией Вашингтона после окончания холодной войны в отсутствие сопоставимых по силе соперников.

В этом контексте Краутхаммер отмечал: «Международная стабильность никогда не дается. Она не является нормой. Это продукт великих держав, особенно самой великой из них – США, поэтому если Америка хочет стабильности, она сама должна ее создавать... Коммунизм умер, но новые угрозы постоянно будут появляться»²⁴⁶. Среди них он, в первую очередь, называл распространение оружия массового поражения. Краутхаммер выделял также еще один угрозу — «вооруженные государства» (The Weapon State), упоминая Ирак, Северную Корею и Ливию. Эта концепция в дальнейшем стала прообразом «Оси зла». Эксперт писал: «С появлением “вооруженных государств” нет альтернативы тому, чтобы противостоять, сдерживать и, при необходимости, обезвреживать страны, которые угрожают и используют оружие массового уничтожения. И только Соединенные Штаты могут сделать это, подкрепленные таким количеством союзников, которые захотят присоединиться к этой работе»²⁴⁷.

Воплощением «однополярного момента», который Краутхаммер определял как период в 30-40 лет, стала концепция «нового мирового порядка» в изложении Дж. Буша-старшего, развернутая в послании Конгрессу от 9 января 1991 г. Президент подчеркнул «уникальную» роль Америки, которая «уже два столетия борется за свободу» и является мировым лидером на пути к ней. Он утверждал, что США могут наконец воспользоваться новыми возможностями и достичь мирового порядка, где

²⁴⁶ Там же. Р. 29.

²⁴⁷ Там же. Р. 32.

не будет жестокости, а любая агрессия будет сталкиваться с коллективным отпором²⁴⁸.

В контексте теории гегемонистской стабильности важным фактором было то, что принятие внешнеполитических решений Джорджем Бушем-старшим и его узкой группой сторонников, включавших министра обороны Р. Чейни, главы администрации Белого дома Дж. Бейкера и К. Пауэлла, было основано, отчасти, на знакомстве с ТГС. На это указывал американский исследователь С. Йетив в своей работе «Объяснение внешней политики: принятие решений США и война в Персидском заливе» (2004). Проведя масштабные исследования и интервьюирование ведущих политиков администрации Буша, автор ссылался на слова советника президента по национальной безопасности Б. Скоукрофта. Последний рассказывал, что при разрешении кризиса 1991 г. в Персидском заливе американские политики пытались действовать так, чтобы создать модель будущего разрешения кризисов в условиях новой реальности после окончания холодной войны. Скоукрофт утверждал, что таким образом формировался новый мировой порядок и модель воздействия на агрессора. Исчерпав дипломатические и экономические варианты давления на Ирак, США сочли оптимальным решением применение вооруженной силы. Отчасти, неизбежность войны объяснялась и общей неустойчивостью военно-политических отношений США с Ираком, состояние которых лучше всего можно понять в контексте теории игр, в частности «дилеммы заключенных»: не доверяя друг другу и не имея возможности свободно общаться, обе стороны находятся в противостоянии и, в сущности, не

²⁴⁸ *H. W. Bush*. Address Before a Joint Session of Congress // Public Papers. 1990. September 11. P. 199.

предполагают, что между ними возможные реалистические договоренности²⁴⁹.

Следует отметить, что впоследствии Йетив объяснял всю ближневосточную политику с точки зрения теории гегемонистской стабильности. Он указывал, что в задачи гегемона в рамках ТГС входит стабилизация системы за счет предоставления общественных благ остальным акторам. В этом контексте ближневосточная политика США рассматривалась исследователем как предоставление таких благ в виде защиты свободного притока нефти по разумным ценам в мировую экономику. Война в Персидском заливе стала одним из первых шагов в рамках данной стратегии²⁵⁰.

Кроме того, данный конфликт рассматривался рядом американских исследователей как первое испытание для американской гегемонии, принимавшей глобальный характер²⁵¹. Политологи Дж. Айкенберри, А. Джеффри и Т. Риссе описали формирующийся при Дж. Буше-старшем «Новый мировой порядок» как гегемонистскую систему под руководством США, призванную обеспечить стабильность в XXI веке. По их модели Соединенные Штаты делали свою власть «безопасной для мира», а взамен мир соглашается жить в рамках создаваемой ими системы, поддерживая формальные или неформальные соглашения с гегемоном, а также открытые рынки²⁵².

Глобальной экономической основой «Нового мирового порядка», создаваемого США можно условно назвать т.н. «Вашингтонский консенсус». С точки зрения ТГС, Вашингтон в постбиполярную эпоху

²⁴⁹ *Yetiv S.* Explaining foreign policy: U.S. decision-making and the Persian Gulf War. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. P. 185-202.

²⁵⁰ *Yetiv S., Oskarsson K.* Challenged Hegemony. The United States, China, and Russia in the Persian Gulf. Stanford University Press, 2018. P. 167.

²⁵¹ *Freedman L.* The Gulf War and the New World Order // *Survival*. 1991. № 33 (3). С. 195-196.

²⁵² *Jeffrey A., Ikenberry J., Risse T.* The End of the West? Crisis and Change in the Atlantic Order. NY: Cornell University Press, 2008. P. 10.

сыграл важную роль в продвижении свободной международной торговли посредством таких институтов, как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Согласно британскому экономисту Р. Скидельски, именно период с 1991 по 2009 гг. можно было охарактеризовать как расцвет «Вашингтонского консенсуса», представлявшего собой глобализацию, основанную на неолиберальных экономических принципах²⁵³.

Сам термин «Вашингтонский консенсус» ввел американский экономист Дж. Уильямсон на основе суммы рекомендаций ООН и указанных выше институтов. Он также опирался на опыт ряда экономических реформ в странах Латинской Америки. В его изложении «Вашингтонский консенсус», в основном, сводился к 10 принципам.

1. Контроль бюджетного дефицита
2. Переориентация государственных расходов с субсидий на здравоохранение, образование и инфраструктуру
3. Расширение налоговой базы за счет введения налогов на добавленную стоимость и налоговых льгот для прямых иностранных инвестиций
4. Финансовая либерализация в сфере установления процентных ставок
5. Либерализация управления обменными курсами
6. Устранение количественных торговых ограничений и тарифов
7. Отмена барьеров, препятствующих прямым иностранным инвестициям
8. Приватизация государственных предприятий
9. Минимизация правил для создания новых фирм

²⁵³ Skidelsky R. Keynes: the return of the master. London: Allen Lane, 2009. С. 101, 102, 116–117.

10. Обеспечение прав собственности²⁵⁴

Однако впоследствии концепция Уильямсона стала восприниматься гораздо шире. Ряд экономистов отмечали, что с начала 1990-х гг. «Вашингтонский консенсус» в научной и общественной дискуссии стал обозначать подход Белого дома, Казначейства США и международных финансовых институтов к стимулированию экономик развивающихся стран посредством предоставления инвестиций, кредитов и реструктуризации долгов на основе реализации указанных принципов. Исследователи указывали на то, что опыт относительно успешных реформ в Бразилии, Чили, Мексике и некоторых африканских странах создал среди части американского истеблишмента представление о том, что ограничение влияния государства, открытие рынков и приватизация являются универсальным рецептом²⁵⁵, способным стать основой для создания международного экономического режима²⁵⁶. Риторика, которой подкреплялось навязывание неолиберальных экономических принципов, находилась в русле теории гегемонистской стабильности. Продвигался тезис о том, что США, опираясь на международные институты и стремясь ослабить мировые торговые барьеры, якобы способствовали не только открытости мировой экономики, но и процветанию развивающихся стран.

При этом следует отметить, что значительная часть экспертов антиглобалистской направленности объясняли причины продвижения положений «Вашингтонского консенсуса» не стремлением обеспечить процветание развивающихся стран и стабильный международный экономический режим, а сугубо прагматическим желанием США закрепить

²⁵⁴ *Williamson J.* What Washington Means by Policy Reform [Электронный ресурс] // Peterson Institute for International Economics, 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform> (дата обращения: 26.04.2024).

²⁵⁵ *Stiglitz G.* Challenging the Washington Consensus // *The Brown Journal of World Affairs.* 2003. № 9(2). Pp. 33–40.

²⁵⁶ *Clark I.* China and the United States: a succession of hegemonies? // *International Affairs.* 2011. № 87(1). P. 24.

свое материальное превосходство. Дж. Арриги, совместно с американским социологом Б. Сильвером указывали на то, что причины появления подобного подхода заключались в необходимости для Соединенных Штатов конкурировать с государствами, прошедшими ускоренную индустриальную модернизацию за счет протекционистских мер. В частности, они называли Японию, Германию и Южную Корею. В связи с этим Вашингтон, по их мнению, с 1980-х активно стремился навязать странам-конкурентам экономические принципы, снижающие их относительные преимущества. Гегемон использовал для этого глобальные неолиберальные институты²⁵⁷.

Кроме того, философ и политолог Н. Хомский полагал, что политика «Вашингтонского консенсуса» была необходима не только для подавления конкурентов из числа развитых стран, но и для открытия рынков развивающихся стран. В рамках «стимулирования открытости мировой экономики», которая являлась одной из главных функций гегемона с точки зрения ТГС, снижение тарифов позволяло свободно перемещаться товарам, но требования виз и разрешения на работу затрудняло глобальное перемещение рабочей силы. В результате товары производились в слабо развитых экономиках с использованием дешевой рабочей силы и продавались транснациональными корпорациями (значительная часть из которых располагалась в США) с наценкой в развитые страны. По итогу, несмотря на рост некоторых макроэкономических показателей стран Третьего мира, их население оставалось таким же бедным, поскольку любые повышения заработной платы, которые они могли получить по

²⁵⁷ *Silver B. Arrighi G. Polanyi's "double movement": the belle époque of British and U.S. hegemony compared* // *Politics & Society*. 2003. № 31. P. 334.

сравнению с тем, что они получали до либерализации торговли, компенсировалось инфляцией²⁵⁸.

Военно-политическим отражением теории гегемонистской стабильности в политике Вашингтона в постбиполярном мире стала выпущенная в январе 1992 г. Объединенным комитетом начальников штабов «Национальная военная стратегия». В предисловии к этому занимавший тогда пост председателя Объединенного комитета начальников штабов. К. Пауэлл сформировал видение сложившейся обстановки и роль США в меняющемся мире в русле ТГС. «Сущность нашей национальной безопасности последние 45 лет определялась политикой сдерживания Советского Союза и его коммунистической идеологии. Но в течении трех последних лет в мире события развивались стремительно: рухнула Берлинская стена, прекратил существование Варшавский пакт, объединилась Германия, демократия победила в странах Восточной Европы и окрепла в странах Латинской Америки, была отражена агрессия Ирака против Кувейта, а СССР оказался в ситуации коллапса, как в физическом, так и моральном плане... США по прежнему стремятся к мировому лидерству, распространяя культурное, политическое и экономическое влияние на страны мира... Мы можем достойно встретить любой брошенный нам вызов в обозримом будущем»²⁵⁹.

Хотя в документе не упоминается слово «гегемония», но при этом практически цитируются работы Р. Гилпина и Ч. Киндлбергера: «Соединенные Штаты должны поддерживать силу, необходимую для влияния на мировые события, сдерживать агрессоров, гарантировать свободный доступ к глобальному рынку, поощрять дальнейший

²⁵⁸ *Chomsky N. Profit Over People: Neoliberalism & Global Order. NY: Seven Stories Press. 1999. 288 p.*

²⁵⁹ National military strategy of The United States 1992 [Электронный ресурс] // HISTORICAL OFFICE OFFICE OF THE SECRETARY OF DEFENSE. 1992.. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=AsfWYUHa-HtcvnGGAuWXA%3d%3d> (дата обращения: 26.04.2024).

демократический и экономический прогресс, способствовать атмосфере повышенной стабильности»²⁶⁰.

В конце 80-х гг. XX в. показатели ВВП США начали снижаться по отношению к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС) и Японии, дефицит государственного бюджета в 1990 г. достиг 290 млрд долл., государственный долг составлял почти 4 трлн долл. В 1992 г. США оказались на пороге очередного экономического кризиса, не лучшим образом обстояли дела и в других развитых странах. Дж. Буш-старший проиграл президентскую гонку на фоне возрастающего дефицита бюджета, вынужденного повышения налогов и общего кризиса «рейганомики».

Однако на период руководства его преемника, демократа Б. Клинтона, пришелся период самого длительного экономического роста в истории США, происходивший одновременно со взрывным ростом мировой торговли (1990s United States boom). Он был обусловлен низкими ценами на нефть, развитием информационных технологий и увеличением производительности труда. С 1993 г. начался устойчивый экономический рост, а также сокращение безработицы. Все это спровоцировало в экспертном сообществе США дискуссии о «новой экономике», основанной на сферах услуг и информационных технологий, дающая преимущества развитым странам и, в особенности, Соединенным Штатам²⁶¹. Как представляется, сложившаяся ситуация, наряду с окончанием холодной войны, ознаменовала собой объективные условия для актуализации теории гегемонистской стабильности²⁶².

В этом контексте два президентских срока У. Клинтона соответствовали периоду политического, экономического, военного и

²⁶⁰ Там же. Р. 2.

²⁶¹ *Gordon R.* Does the 'New Economy' Measure up to the Great Inventions of the Past // *The Journal of Economic Perspectives*. 2000. № 14. Рр. 49–74.

²⁶² Подробнее см. *Третьяков А. Д.* Теория гегемонистской стабильности как элемент внешнеполитической стратегии администрации У. Клинтона // *Клио*. 2024. № 04 (208). С. 49–57.

ценностного доминирования Соединенных Штатов в мире, а также отсутствия сопоставимых по ресурсам конкурентов, готовых бросить вызов этому доминированию. Указанное положение вещей было обозначено Ч. Краутхаммером как «однополярный момент»²⁶³. Оно позволило администрации Клинтона попытаться реализовать потенциал американского государства в качестве «благожелательного гегемона» и выстроить устойчивую систему международных отношений под руководством США²⁶⁴.

Одним из концептуальных оснований указанного политического курса являлась теория гегемонистской стабильности, игравшая существенную роль в формировании мировоззрения американского внешнеполитического истеблишмента, входящего в администрацию Клинтона. Следует отметить, что американский историк Д. Бринкли²⁶⁵ и британский историк Дж. Дамбрелл вводят в употребление термин «Доктрина Клинтона», настаивая на том, что курс, проводимый 42-м президентом США, являлся единой и последовательной политикой, хотя впоследствии и подвергался существенным корректировкам вследствие давления республиканского большинства в Конгрессе²⁶⁶. Они стремились опровергнуть утверждение Г. Киссинджера и У. Хайланда о том, что внешняя политика Клинтона носила характер тактических манипуляций и не имела стратегического видения²⁶⁷.

По мнению Дамбрелла, решения Белого дома в этот период были последовательны, хотя и подвержены изменениям международных условий и внутривнутриполитической обстановки в Соединенных штатах. Основой этих

²⁶³ Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990. № 70(1). С. 23-33.

²⁶⁴ Шаплеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. С. 97-135.

²⁶⁵ Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1997. № 106. С. 111-127.

²⁶⁶ Dumbrell J. Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered // Diplomacy and Statecraft. 2002. № 13 (2). С. 44.

²⁶⁷ Hyland W. G. Clinton's World: Remaking American Foreign Policy. Westport: Praeger. 1999. С. 203.

решений было стремление американской элиты утвердить долгосрочное лидерство Вашингтона в постбиполярном мире. Для этого стратегами администрации Клинтона предлагалось продвижение либеральной демократии и свободной рыночной экономики для его укрепления. Также предполагалась легитимация инструментов давления на страны, не желающие признавать американское лидерство, либо, по мнению Белого дома, представляющие угрозу для региональной и мировой стабильности. С этой целью продвигались концепции «государств-изгоев» и «гуманитарных интервенций»²⁶⁸.

Последняя, как отмечает российский исследователь И. И. Пинчук, была впервые закреплена в «Обзорной директиве № 13» (PRD-13), подписанной президентом У. Клинтон 18 июня 1993 г. На этой основе в США в середине 1990-х годов приступили к реализации стратегии «нового интервенционизма» (*new interventionism*), одной из составных частей которых была концепция «гуманитарных интервенций»²⁶⁹.

В контексте внешней политики У. Клинтона, особенно на первом ее этапе, наиболее релевантным является либеральный подход к теории гегемонистской стабильности. Он характеризуется отказом от идеи анархического характера международных отношений и продвижением тезиса о том, что государство-гегемон выстраивает, или способно выстраивать, мировую систему на основе конституционных соглашений и в интересах всех или большинства акторов.

Один из основателей данного подхода американский политолог Р. Кеохейн считал, что доминирование одного государства может быть необходимо для установления международных режимов, которые начнут

²⁶⁸ *Dumbrell J.* Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered // *Diplomacy and Statecraft*. 2002. №13 (2). С. 53.

²⁶⁹ *Пинчук И. И.* Балканский кризис и Становление концепции «Гуманитарных интервенций» // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2013. №4 (24). С. 26.

развиваться после его ослабления. Международные режимы будут представлять собой устойчивый порядок, основанный на правилах, поддерживаемых консенсусом ведущих стран и работой международных институтов. Стабильный международный режим, обеспеченный вкладом гегемона и его ближайших союзников, по мнению Кеохейна позволит интегрировать экономики конкурирующих стран, будет способствовать глобализации и создавать «беспроегрышные» ситуации, заменяющие понимание международных отношений как «игры с нулевой суммой». Таким образом, ТГС в долгосрочной перспективе может служить реализации либеральных идеалов. При этом Кеохейн выделяет проблему «безбилетников» (Free Riders), которая подразумевает стремление ряда государств получать выгоды от гегемона, не внося свой вклад в развитие международных режимов²⁷⁰.

Ученик Кеохейна Дж. Най-младший, впоследствии занимавший пост помощника министра обороны по вопросам международной безопасности (Assistant Secretary of Defense for International Security Affairs) в администрации Клинтона, в своей работе «Обреченные на лидерство: изменчивый характер американской мощи» призвал руководство США взять на себя международные обязательства по выстраиванию стабильного мирового порядка. Он отвергал тезис о неуклонно снижающемся потенциале Америки после Второй мировой войны и считал, что Вашингтон может позволить себе совмещать экономическое процветание и гегемонистскую внешнюю политику. По мнению Ная, после окончания холодной войны основными задачами Соединенных Штатов стали поддержание свободной и открытой рыночной экономики, укрепление авторитета международных организаций и поиск новой модели

²⁷⁰ *Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press 1984. 320 p.

устойчивости мировой системы. Такая политика, как считал Най, должна была принести выгоду как самому гегемону, так и всему миру²⁷¹.

Теория гегемонистской стабильности в ее либеральном варианте, изложенном Кеохейном и Наем, дает дополнительные возможности для понимания Большой стратегии США в 1990-е гг. Сторонники указанной теории принимали активное участие в формировании внешней политики в период президентского срока Клинтона. Роль ТГС в их мировоззрении и, соответственно, во внешней политике 42-го президента США будет рассмотрена в данной работе.

По мнению значительной части исследователей и профильных экспертов, в формировании концептуальных основ внешней политики У. Клинтона ключевую роль сыграл У. Э. Лейк, советник по национальной безопасности с 1993 по 1997 гг. Он, по словам членов администрации, оказал ключевое влияние на внешнеполитические решения президента в течение его первого срока и был архитектором его стратегии по утверждению США в качестве мирового лидера. В частности, советник и друг Клинтона Р. Моррис, характеризовал роль Лейка как «регентство» в вопросах внешней политики²⁷². Политические эксперты Д. Х. Шолле и Дж. Голдгейер в своей работе «Америка между двумя войнами» описали его как моралиста и «человека, преданного идеям» (*man of ideas*), к тому же стремящегося реализовать их на практике²⁷³. Роль Лейка видится ключевой в формировании внешнеполитической стратегии США в постбиполярный период, а его серьезное отношение к теоретическим концепциям позволяет

²⁷¹ *Nye J.S.* Bound to lead: the changing nature of American power. NY: Basic Books, 1990. 336 p.

²⁷² *Brands H.* From Berlin to Baghdad: America's search for purpose in the post-cold war world. Lanham: Lexington, 2008. P. 4.

²⁷³ *Chollet D. H., Goldgeier J. M.* America Between the Wars. NY: PublicAffairs Books. 2008. P. 63.

выдвинуть тезис об использовании им либерального варианта теории гегемонистской стабильности при обосновании этой стратегии.

К моменту вступления Клинтона в должность 42-го президента США, Лейк обладал значительным дипломатическим опытом, а также докторской степенью по международным отношениям в Принстонском университете. Американский историк Ф. Джонс отмечал, что Лейк пошел на службу в Государственный департамент США, вдохновившись риторикой президента Дж. Ф. Кеннеди о победе демократии над коммунизмом²⁷⁴. Поражение США во Вьетнаме и влияние его университетского наставника, убежденного идеалиста и специалиста по вопросам ядерной безопасности Р. Ульмана, сформировали у Лейка убеждение в необходимости активной внешней политики, основанной на распространении демократии и американских ценностей. Свое мировоззрение он впоследствии охарактеризовал как «прагматичное неовильсоновство»²⁷⁵. Развивая его в своей работе, посвященной политике Соединенных Штатов в отношении Южной Родезии, Лейк отметил негативные последствия «реалистического курса» американской внешней политики, основанной на поддержке антикоммунистических сил любого характера. Они, по его мнению, выражались в ослаблении ценностного лидерства Вашингтона и международных институтов, на которые опиралась американская гегемония²⁷⁶.

Работая в администрации президента Дж. Картера над международной политикой в сфере прав человека, Лейк сформулировал свое видение целей политики Соединенных Штатов. Она должна была преследовать следующие цели: поддержание мира в горячих точках;

²⁷⁴ Johns F. G. Engaging the World: Anthony Lake And American Grand Strategy, 1993–1997 // The Historical Journal. 2016. № 59. С. 883

²⁷⁵ Mandelbaum M. Foreign Policy as Social Work // Foreign Affairs. 1996. January/February. P.18

²⁷⁶ Lake A. The 'tar baby' option: American policy toward southern Rhodesia. NY: Columbia University Press, 1976, P. 12.

углубление сотрудничества с союзниками; контроль над вооружениями и усилия по предотвращению ядерного конфликта; противостояние глобальным вызовам в сфере энергетики, продовольственной безопасности, экономики и демографии; принятие политических решений на основании ценностей американского народа, выраженных в идее прав человека. Он считал, что для достижения этих целей необходимо формирование коалиций и укрепление международных институтов, таких как ООН. Задачей руководства Соединенных Штатов в рамках этой политики должно было быть вовлечение остальных государств в реализацию указанных целей²⁷⁷. Подобная концепция вписывается в либеральный подход к теории гегемонистской стабильности, разрабатываемый в те годы.

Лейк также стал автором концепции государств-изгоев, в дальнейшем используемой в политике администрации Клинтона. В 1985 г., в один год со знаменитой речью президента Р. Рейгана о «государствах вне закона» (Outlaw States) он в своей статье определяет будущие страны-изгои как «правительства, которые демонстрируют последовательную неумеренность в своем поведении» и «регулярно и грубо нарушают международные нормы, выраженные в Уставе Организации Объединенных Наций и Декларации прав человека»²⁷⁸. В 1994 г., уже являясь советником по национальной безопасности, он выделил в качестве «изгоев» Северную Корею, Кубу, Иран, Ливию и Ирак²⁷⁹.

В 1992 г. Лейк был приглашен в команду кандидата в президенты У. Клинтона. Как отмечала его коллега по совету национальной безопасности США Н. Содерберг, начиная свою работу в избирательном штабе Лейк

²⁷⁷ Lake A. Pragmatism and principle in US foreign policy. // Department of State, Bureau of Public Affairs, 1997. Pp. 2–6.

²⁷⁸ Lake A. Third world radical regimes: US policy under Carter and Reagan // Headline series, Foreign Policy Association. 1985. № 272. С. 1, 4, 5, 9.

²⁷⁹ Lake A. Confronting Backlash States [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. March/April 1994. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states> (Дата обращения: 15.03.2024)

считал, что Соединенные Штаты «должны использовать свою моральную, военную, экономическую и политическую силу для создания и продвижения более справедливого и стабильного мира»²⁸⁰. 1990-е гг. он рассматривал как время реализации «обещаний о демократической и безопасной международной системе»²⁸¹.

Работая на кампанию Клинтона, Лейк, как указывает историк Ф. Джонс, был автором большинства ключевых речей кандидата от демократов. По мнению значительной части американских и отечественных специалистов, он настаивал на активизации риторики о глобальном лидерстве Вашингтона, основанном на ценностях. Так, в своей инаугурационной речи 42-президент США заявил о том, что Америка будет применять силу, когда «будет брошен вызов совести международного сообщества...и, если в какой-то стране будет происходить внезапное или неожиданное нарушение установленной демократии или грубое нарушение прав человека»²⁸².

Став советником по национальной безопасности 42-го президента США, он приступил к разработке «проекта внешней политики Америки после холодной войны»²⁸³. В формулировке идеологии новой администрации также принимали участие эксперты из Международной кризисной группы (International Crisis Group) Института прогрессивной политики (Progressive Policy Institute), и Университета Дж. Гопкинса (в частности, американский политолог и один из ярких сторонников ТГС З. Бжезинский²⁸⁴). Президент Института прогрессивной политики У.

²⁸⁰ Soderberg N. The Superpower Myth: The Use and Misuse of American Might. NJ: John Wiley & Sons, 2005. P. 14.

²⁸¹ Drew E. On The Edge: The Clinton Presidency. NY: Simon & Schuster, 1994. P. 141.

²⁸² Киссинджер Г. Рецепт Хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1. С. 77.

²⁸³ Johns F. G. Engaging the World: Anthony Lake and American Grand Strategy, 1993–1997 // The Historical Journal. 2016. № 59. P. 888.

²⁸⁴ Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 89.

Маршалл утверждал, что Соединенным Штатам пришлось «создать совершенно новую концептуальную основу внешней политики» после холодной войны, с учетом того, что в вопросах обороны наступила новая эра, характеризовавшаяся однозначным доминированием одной державы²⁸⁵.

Идею о необходимости американского доминирования в мире поддержал государственный секретарь У. Кристофер, единомышленник Лейка. По его словам, Соединенные Штаты, будучи глобальной державой с глобальными интересами, потеряют больше всех, если уйдут с мировой арены. Появившаяся после окончания холодной войны возможность движения к «большей свободе, открытости и толерантности не должна быть утрачена в силу недальновидности, пренебрежения или безразличия. Только Соединенные Штаты имеют способность и видение, как собрать эти достижения воедино»²⁸⁶. Эта позиция разделялась экспертами новой администрации, которые выражали ее в тезисах теории гегемонистской стабильности. Считалось, что американскому государству следовало стать мировым лидером еще и потому, что оно являлось величайшим получателем благ от глобальной системы, созданной после Второй мировой войны. Как держава «несравненной мощи, процветания и безопасности», Соединенные Штаты должны были возглавить эту систему «в наступившую эру значительных перемен»²⁸⁷.

21 сентября 1993 г. в своей речи в Университете Дж. Гопкинса Лейк сформулировал основные направления этой новой политики, которые впоследствии станут частью т.н. Стратегии расширения демократии (Democratic Enlargement Strategy), концептуальной основы внешней политики 42-го президента США и идеологическим истоком т.н. «доктрины

²⁸⁵ *Dettmer J.* Hostile World Waits to Test Clinton's Foreign Policy Team // *The Times*. 1992. December. P. 8.

²⁸⁶ *Christopher W.* America's Leadership, America's Opportunity // *Foreign Policy*. 1995. № 98. P. 7.

²⁸⁷ *Carter A., Deutch J., Zelikow Ph.* Catastrophic Terrorism // *Foreign Affairs*. 1998. № 6. P. 80.

Клинтона». По словам Лейка, Соединенные Штаты на протяжении многих лет сдерживали угрозу рыночным демократическим государствам, но после окончания холодной войны на смену стратегии «сдерживания» коммунизма должна прийти «стратегия расширения мирового сообщества свободных рыночных демократических государств». Лейк выделил четыре основные составляющие новой стратегии: укрепление сообщества демократических государств; поддержка новых демократий и рыночных экономических систем во всем мире; содействие либерализации стран, демократическим и рыночным ценностям; выполнение гуманитарных задач²⁸⁸.

В качестве архитектора новой стратегии Лейк, в первую очередь, использовал в своей риторике теорию демократического мира, разработанную в 1983 г. американским политологом У. Дойлом с опорой на труды И. Канта, Т. Пейна и А. де Токвиля. Согласно данной теории, демократические государства, в силу особенностей своей политической системы, гораздо реже вступают в вооруженные конфликты²⁸⁹.

В контексте данной работы целесообразно рассмотреть, какую роль в стратегии расширения демократии и мировоззрении У. Лейка играла теория гегемонистской стабильности. В 1995 г. в своей речи перед выпускниками университетов он ясно выразил свое отношение к роли США как гегемона, заявив, что американское лидерство в мире – это не роскошь, а необходимость²⁹⁰. Ф. Джонс указывает на то, что Лейк заимствовал концепцию комплексной взаимозависимости (*complex interdependence*) из работ Р. Кеохейна и Дж. Ная, что свидетельствует о том, что он был хорошо знаком с их интерпретацией ТГС. Как представляется, теория

²⁸⁸ *Lake A.* From Containment to Enlargement. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University [Электронный ресурс] // Baltimore: Dispatch Magazine. 1993 № 39 (4). Режим доступа: <https://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/usa/1993/usa-930921.htm> (Дата обращения: 26.04.2025).

²⁸⁹ *Doyle M. W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // NY: Philosophy & Public Affairs. 1983. № 12.

²⁹⁰ *Johns F. G.* Engaging The World: Anthony Lake And American Grand Strategy, 1993–1997 // The Historical Journal. 2016. № 59. P. 857.

гегемонистской стабильности повлияла на мировоззрение Лейка, а впоследствии и на политику администрации Клинтона в качестве дополнительного аргумента теории демократического мира. Все государства мира в условиях глобализации должны были стать либеральными демократиями и управляться международными институтами, что обеспечило бы мировую стабильность и безопасность, а также открытость мировой экономики. Заместитель государственного секретаря С. Тэлботт назвал это «теорией демократического домино», согласно которой успешный переход одного государства к демократии может повести другие страны по тому же пути.²⁹¹ Конечный ориентир такого развития событий мог быть соотнесен с концепцией «глобальной демократии», выдвинутой З. Бжезинским.

Однако ключевую роль в построении подобной системы должен был играть ее центр, Соединенные Штаты, которые осуществляли таким образом стабилизирующую функцию гегемона²⁹². Идея распространения демократии и поддержка международных институтов играли в указанном подходе роль инструмента легитимации его действий. Как отмечали американские политологи и сторонники ТГС Дж. Айкенберри и Ч. Купчан, легитимность Америки как глобальной державы зависит, прежде всего, от возможности Соединенных Штатов «уважительно господствовать над другими странами». Когда другие нации видят в Америке державу, справедливо трактующую принципы и нормы, она получает международное признание. Легитимность США увеличивается в том случае, если американцы преследуют не свои узкопонимаемые национальные интересы, а коллективные интересы всего мирового сообщества. В этом случае действия Вашингтона должны получить

²⁹¹ *Talbott S. Promoting Democracy and Prosperity in Central Asia // US Department of State Dispatch. 1994. №5 (19). Pp. 280-282.*

²⁹² Там же. P. 898

поддержку, а международная система – импульс, позволяющий всем странам доверять и сотрудничать друг с другом²⁹³.

В русле либерального подхода к ТГС Лейк видел устойчивые международные институты опорой гегемона и конечной целью его конструктивной политики. В связи с этим в 1993 г. он выдвинул «концепцию многостороннего взаимодействия», заключающуюся в выработке межведомственной стратегии по вопросам миротворческой деятельности и предлагавшую к обсуждению такие радикальные меры, как расширение американского военного участия в наземных операциях ООН и возможной передачи войск США под командование в рамках ООН»²⁹⁴. Как отмечает российский американист Е. В. Журбей, данная концепция закладывала не только правовые, но и идеологические основания для использования американских войск за рубежом в условиях постбиполярного мира и стала основой Директивы № 13 об участии войск США в миротворческих операциях ООН. Подход США к гуманитарным интервенциям был подвергнут строгой критике со стороны внешнеполитического истеблишмента Соединенных Штатов. В частности, Г. Киссинджер указал на то, что он не предлагал четких критериев разумного применения американских вооруженных сил, а также делал гуманитарные интервенции неэффективными вследствие возможного отсутствия консенсуса по поводу решения конфликтов в руководстве ООН²⁹⁵. В конечном счете, под действием критики, а также в связи с неудачей миротворческой миссии в Сомали, администрацией Клинтона была принята более осторожная президентская директива № 25 (PDD-25),

²⁹³ *Ikenberry J., Kupchan Ch. Liberal Realism // The National Interest. 2004. Fall. P. 20.*

²⁹⁴ *Степанова Е.А. Политика администрации Клинтона в области регулирования региональных конфликтов: от ООН к НАТО // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 119.*

²⁹⁵ *Киссинджер Г. Рецепт Хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1. С. 77.*

предписывающая американским войскам содействие, но не подчинение ООН²⁹⁶.

При этом, как отмечает сербский исследователь А. Джокич, в начале 1990-х не еще существовало общепринятого определения «гуманитарной катастрофы», для решения которой якобы должна была применяться «гуманитарная интервенция»²⁹⁷.

Тем не менее, во многом на основе идей Э. Лейка была сформулирована «Стратегия национальной безопасности: стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире»²⁹⁸, опубликованная в 1994 г. При разработке данного документа он возглавлял группу экспертов совета национальной безопасности США и координировал свои усилия с аналитиками Министерства обороны во главе с Л. Эспином и специалистами Государственного департамента под руководством У. Кристофера²⁹⁹. В документе 1994 г. четыре цели политики Соединенных Штатов, предложенные Лейком в 1993 г., были урезаны до трех: укрепление безопасности США путем поддержания оборонительного потенциала и содействия безопасности на основе сотрудничества; открытие иностранных рынков и стимулирование экономического роста; продвижение демократии³⁰⁰.

В конце первого срока У. Клинтона, в 1996 г., Лейк заявил о том, что двадцать первый век будет «новым американским веком», а политика

²⁹⁶ Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 78.

²⁹⁷ Jokić A. Lessons of Kosovo: the dangers of humanitarian intervention. NY: Broadview Press, 2003. P. 92.

²⁹⁸ В российской историографии также применялся другой вариант ее заглавия - «Стратегия национальной безопасности: стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире» См. Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11, С. 153-159, № 12, С. 116-123, 1995, № 1, С. 122-125, № 2, С. 112-126.

²⁹⁹ Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 76.

³⁰⁰ A national security strategy of engagement and enlargement // History.defence.gov. 1994. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf> (Дата обращения: 15.03.2024)

текущей администрации закладывает основы будущего лидерства Соединенных Штатов³⁰¹. В своих статьях и выступлениях он говорил о необходимости победы интернационалистов в обеих американских политических партиях для продолжения успешной гегемонистской политики Вашингтона. Н. Содерберг охарактеризовала этот курс как «либеральную гегемонию», противопоставляя ее «гегемонизму» Дж. Буша-мл, и отметила большой успех США в политических конфликтах на Гаити (1994) и в Боснии (1995), чем, впоследствии, в Ираке и Афганистане³⁰².

Одной из основ этого курса стало восприятие США как актора, способного и обязанного решать сложные разрешить региональные и этноконфессиональные конфликты путем политического и военного вмешательства, пока при поддержке «международного сообщества» и международных институтов. Здесь в полной мере сохранялась преемственность от концепции «Нового мирового порядка» Дж. Буша-старшего, который в 1992 г. заявил, что «жизненно важным интересом для Вашингтона является поддержание мира и стабильности в Косово», продемонстрировав, что Соединенные Штаты воспринимают любой конфликт как вызов своей гегемонии³⁰³. В этом же ключе, но только с опорой не на реалистическую концепцию национальных интересов, а на основе теории демократического мира была сформулирована и концепция Лейка о том, что процесс расширения демократии должен быть дополнен «гуманитарными акциями».

Полемизируя с указанными выше тезисами Н. Содерберг следует отметить, что конфликты в Боснии и на Гаити не были успешно решены

³⁰¹ Lake A. Laying the Foundations for a New American Century [Электронный ресурс] // clintonwhitehouse.gov. 1995. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://clintonwhitehouse6.archives.gov/1996/04/1996-04-25-anthony-lake-address-to-the-fletcher-school.html> (Дата обращения: 15.03.2024)

³⁰² Soderberg N. The Superpower Myth: The Use and Misuse of American Might. NJ: John Wiley & Sons, 2005. P. 14.

³⁰³ Calling for an end to the violent repression of the people of Kosovo [Электронный ресурс] // U.S. Senate concurrent resolution № 85. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://house.gov/> (дата обращения: 13.04.2024).

усилиями США. Так, операция «Поддержка демократии» (Operation Uphold Democracy), начавшаяся под предлогом восстановления стабильных демократических государственных институтов на Гаити, закончилась восстановлением поддерживаемого США режима Ж. Б. Аристида. Однако это не позволило стабилизировать политическую обстановку в стране и в 2004 г. режим Аристида был низложен в результате переворота.

Операция «Обдуманная сила» (Operation Deliberate Force) в Боснии также не стабилизировала регион³⁰⁴. Э. Лейк и У. Клинтон открыто заявляли о содействии Вашингтона поставкам оружия боснийской стороне, что не соответствовало заявленным миротворческим целям³⁰⁵. После подписания Дейтонских соглашений, деятельность Верховного представителя по Боснии и Герцеговине, а также Сил стабилизации НАТО (SFOR), а впоследствии сил Европейского Союза (EUFOR Althea) свидетельствовали о внешнем управлении над государством, непропорциональной представленности этнических групп в его управлении и неэффективности американских методов разрешения конфликта, который остается актуальным даже спустя 30 лет.

От последовавших интервенций в Югославию, в Афганистан и Ирак, указанные примеры гегемонистской политики США отличает только меньшее количество жертв, обусловленное малочисленностью вводимого контингента и стремление создать видимость их международной поддержки. В частности, на Гаити американским военным было поручено «привлечь как можно больше флагов», для чего были задействованы страны Карибского бассейна, предоставившие минимальные воинские

³⁰⁴ *McMahon C., Western J.* The Death of Dayton. How to Stop Bosnia from Falling Apart [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2009. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.foreignaffairs.com/articles/bosnia-herzegovina/2009-08-17/death-dayton> (Дата обращения: 15.03.2024)

³⁰⁵ *Клинтон У.* Моя жизнь. М: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 570, 748.

подразделения для американской операции³⁰⁶. В Боснии были задействованы миротворческие силы ООН (UNPROFOR), которые, однако, впоследствии были заменены миссией НАТО (IFOR) в силу своей неэффективности. Это создало очередной прецедент вмешательства указанного блока в региональный конфликт.

Однако, согласно сторонникам «доброжелательной» американской гегемонии период с 1991 по 1995 г., за исключением постсоветского пространства наблюдалось снижение уровня конфликтности в мире. Со стороны США это якобы выражалось в выводе войск из Сомали и отказе от гуманитарной интервенции в Руанде, за что администрация Клинтона была раскритикована республиканским конгрессом. Проект «Корреляты войны» фиксирует за этот период только 126 международных конфликтов, что является самым низким показателем со времен послевоенного десятилетия³⁰⁷.

В этот период американский истеблишмент, осознавая свое доминирование во всех ключевых областях, пытался посредством открытия рынков максимально интегрировать в свою систему и подчинить любых возможных конкурентов. В особенности это касалось КНР. В 1993 г., после освобождения китайского диссидента В. Цзиншэна Клинтон объявил о начале политики «конструктивного взаимодействия» (*constructive engagement*) с Пекином. Ее суть заключалась во включении Поднебесной в американскую гегемонистскую систему посредством экономического взаимодействия. Планировалось, что посредством интеграции КНР в мировую экономику получится изменить социально-политическое

³⁰⁶ Kretchik W. E., Baumann R. F., Fishel J. T. *A concise History of the U.S. Army in the Operation Uphold Democracy*. U. S. Army Command and General Staff College Press. 1998. 273 p.

³⁰⁷ Correlates of War Project [Электронный ресурс] // correlatesofwar.org. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://correlatesofwar.org/> (дата обращения: 26.04.2024).

устройство страны, сделав ее понятной, подконтрольной и дружественной США по образцу Японии и Южной Кореи.

Однако вопрос о статусе Тайваня оставался ключевым препятствием для реализации данной стратегии. Тем не менее, подобная политика в полной мере соответствовала либеральному подходу к ТГС, провозглашенному Кеохейном и Наем. Стремясь создать устойчивые международные режимы, основанные на мягкой силе общих ценностей и якобы взаимовыгодной открытой мировой торговле, Соединенные Штаты укрепляли при этом свое доминирующее положение и получали рычаги управления своими другими крупными государствами.

В 1994-1995 гг. успех Республиканской партии на промежуточных выборах, а также недовольство некоторых представителей американской элиты недостаточно активной политикой Белого дома в отношении конфликтов в Руанде и Сомали, частично изменили идеологический вектор администрации. В результате, под воздействием ряда внутривнутриполитических и внешних причин, политика Белого дома сместилась в сторону более агрессивного и одностороннего вмешательства в иностранные дела, что привело к постепенной реализации более жесткого варианта гегемонии. Внутри страны это было обусловлено доминированием Республиканской партии в палате представителей и усилиями неоконсервативного лобби, активно критиковавшего якобы излишне осторожные миротворческие операции администрации Клинтона, а также ее приверженность недостаточно эффективным международным институтам. В результате идеалисты и сторонники международных институтов Э. Лейк и У. Кристофер покинули свои посты советника по национальной безопасности и государственного секретаря. На втором сроке 42-го президента США внешнеполитический курс в основном формировала новый государственный секретарь М. Олбрайт. Ее подход во внешней политике

характеризовался более активным воплощением концепции «нового интервенционизма», ставкой на НАТО, а не ООН при проведении миротворческих операций, а также более откровенным гегемонистским дискурсом. Согласно датскому историку Р. Зондергарду, этот процесс можно было охарактеризовать как «секьюритизацию продвижения демократии» (Securitization of Democracy Promotion), то есть переход вопросов демократизации мира из области идеологии и ценностной политики в сферу национальной безопасности США³⁰⁸.

М. Олбрайт характеризовалась многими исследователями как «либеральный ястреб» (liberal hawk)³⁰⁹ и, отчасти, противопоставлялась Э. Лейку не по целям, но по методам ведения внешней политики США. Это обусловлено как опытом жизни Олбрайт в Восточной Европе, так и влиянием на нее неоконсерваторов, в частности, сформированного в 1997 г. проекта «Новый американский век», о влиянии которого на американскую внешнюю политику будет рассказано далее. По словам историка Г. Соренсена, Олбрайт отражала переход американского интернационализма от «либерализма сдержанности», к «либерализму навязывания»³¹⁰. В особенности это касалось вопроса расширения НАТО на восток и более активного вмешательства США в конфликты в бывшей Югославии. Согласно ее мемуарам, большинство членов администрации Клинтона, в частности Э. Лейк, У. Кристофер и Л. Эспин, в первые месяцы занимали нерешительную позицию по вопросу Боснийского кризиса. В то же время сама Олбрайт выступила за вмешательство Вашингтона, обосновав это тем,

³⁰⁸ *Søndergaard R.* Bill Clinton's 'Democratic Enlargement' and the Securitisation of Democracy Promotion // *Diplomacy & Statecraft*. 2015. № 26 (3). P. 536.

³⁰⁹ *Wilson P.* The Dilemma of Madeleine Albright [Электронный ресурс] // *The New-York Review*. 2012. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.nybooks.com/articles/2012/06/07/dilemma-madeleine-albright/?srsltid=AfmBOoqvIlMujMQhie7vQ0gLO5e1jCk60v_5XJZgWsKUo9xA-OFjmq95 (дата обращения: 26.04.2024).

³¹⁰ *Sørensen G.* A Liberal World Order in Crisis. Choosing Between Imposition and Restraint // NY: Ithaca, 2011. P. 99.

что «когда ведущая роль США ставится под сомнение в одном из регионов, это ставит под сомнение наши позиции в других регионах»³¹¹. Также, по словам Олбрайт, администрация У. Клинтона стала воспринимать Балканский кризис как испытание американского лидерства в условиях создания мирового порядка после окончания холодной войны³¹². В таком контексте любые локальные религиозные или этнические конфликты рассматривались не только как угроза демократии, но и как вызов мировой стабильности, а, следовательно, самому гегемону в лице Вашингтона.

Интервенция в Косово, которое, как отмечает Олбрайт, было одним из важнейших проявлений лидерства США, по мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей³¹³³¹⁴ стала причиной роста антиамериканизма во всем мире. Несмотря на успешность и гуманитарные цели интервенции, она была проведена без санкции Совета безопасности ООН и стала причиной многочисленных гражданских жертв, что позволило говорить об агрессивности американской гегемонии. Бомбардировки Югославии были в мягкой форме раскритикованы генеральным секретарем ООН К. Ананом, а Россия призвала Совет Безопасности ООН собраться для рассмотрения ситуации, вызванной односторонними военными действиями Организации Североатлантического договора (НАТО) против Союзной Республики Югославии. Однако проект резолюции, предложенный совместно Россией, Белоруссией и Индией с требованием «немедленного прекращения применения силы против Союзной Республики Югославии», был отклонен. Среди 15 стран Совета Безопасности ООН три голоса были поданы «за» (Россия, Китай и Намибия) и двенадцать — «против», воздержавшихся не

³¹¹ *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / пер. с англ. А. Лисовского, А. Лисициной, Е. Китаевой. М. Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 242, 252.

³¹² Там же. с. 550, 534-535

³¹³ *Хомский Н.* Гегемония, или Борьба за выживание. М. Столица. Принт, 2007. С 36.

³¹⁴ *Пинчук И.И.* Балканский кризис и Становление концепции «Гуманитарных интервенций» // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2013. № 4 (24) С. 24.

было. Бомбардировки осудил также министр иностранных дел Израиля А. Шарон, один из руководителей страны, воспринимаемой в качестве ближайшего союзника США³¹⁵. В юридическом аспекте в рамках этого конфликта были противопоставлены ООН и блок НАТО. Последовавшее за интервенцией в Югославию четвертое расширение Североатлантического альянса вызвало серьезную критику в рядах американского истеблишмента, в частности со стороны знаменитого американского дипломата Дж. Кеннана³¹⁶.

Обращает на себя внимание, что высказывания М. Олбрайт на посту государственного секретаря США во многом отражают положения теории гегемонистской стабильности. Следует отметить, что в ее словах зачастую выражается не только либеральный вариант ТГС, согласно которому гегемон опирается на институты и консенсус ближайших союзников, но и реалистический подход к указанной теории, сформулированный Р. Гилпином, в рамках которого основным источником гегемонии служит военный и экономический потенциал доминирующего государства. Наиболее известная фраза Олбрайт в этом контексте: «Если нам приходится применять силу, то это потому, что мы Америка; мы незаменимая нация. Мы стоим твердо и видим будущее дальше, чем другие страны»³¹⁷.

В соответствии с реалистическим вариантом ТГС, Олбрайт связывала национальные интересы США с открытостью мировой экономики, заявив в 1998 г. о «широко распространенной реакции, окрашенной антиамериканизмом, против свободного рынка»³¹⁸. В этом направлении администрация Клинтона продолжили действовать в русле ТГС и «Вашингтонского консенсуса». В 1994 г. вступило в силу

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ *Albright M. K.* Interview on NBC's Today Show [Электронный ресурс] // state.gov. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219a.html>. (Дата обращения: 15.03.2024)

³¹⁸ *Albright M. K.* The Test of American Foreign Policy // Foreign Affairs. 1998. № 77 С. 55.

Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) снизив барьеры для торговли и инвестиций между США, Канадой и Мексикой. В 1995 г. было подписано соглашение о создании Всемирной торговой организации (ВТО), созданной с целью либерализации международной торговли. В 1999 г. был принят Закон Грэма-Лича-Блайли (Закон о модернизации финансовых услуг 1999 г.), отменивший ограничения для финансового сектора США и позволивший банкам вновь заниматься инвестиционной деятельностью. Указанный нормативно-правовой акт, продолжавший политику рыночного дерегулирования, по мнению ряда экспертов стал одной из основных причин экономического кризиса 2008 г.³¹⁹ Шаги, призванные закрепить доминирование американского капитала стали, таким образом, одной из причин дестабилизации мировой финансовой системы. Однако при этом все указанные инициативы американского руководства прямо коррелировали с задачей гегемона по поддержанию открытой мировой экономики, постулируемой теории гегемонистской стабильности.

В благоприятный для США период «однополярного момента» мировая торговля ежегодно росла более чем на 6%, а администрация Клинтона заключила около 300 торговых соглашений с другими странами. Последний министр финансов в администрации Клинтона, Л. Саммерс, заявил, что снижение тарифов в результате торговой политики Клинтона привело к снижению цен для американских потребителей и поддерживало низкую инфляцию, став, по его словам, технически «крупнейшим снижением налогов в истории мира»³²⁰. Таким образом сами Соединенные

³¹⁹ *Leonhardt D.* Washington's Invisible Hand [Электронный ресурс] // The New York Times. 2008. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.nytimes.com/2008/09/28/magazine/28wwln-reconsider.html> (Дата обращения: 15.03.2024)

³²⁰ *Summers L.* Address by Lawrence H. Summers, Deputy Secretary of The Treasury [Электронный ресурс] // The Office Of Public Affairs. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20070927184157/http://www.treasury.gov/press/releases/rr2101.htm>(Дата обращения: 15.03.2024)

Штаты были основным бенефициаром «открытости мировой торговли», поддерживая созданную ими систему с помощью кредитов и субсидий лояльным странам. Примером выполнения гегемоном своей стабилизирующей экономической функции стала политика США в период «Кризиса песо» в Мексике в 1994-1995 гг., когда США выделили на преодоление последствий более 20 млрд. долларов³²¹.

Однако в этом контексте следует отметить, что как стабилизатор мировой системы, Вашингтон далеко не всегда выполнял свои функции. Это особенно ярко видно на примере отказа администраций Дж. Буша–старшего и У. Клинтона от значительной экономической помощи Советскому Союзу в период перестройки и Российской Федерации в период реформ и кризисов 1990-х гг. Несмотря на полную лояльность советского и российского руководства того времени, его значительные политические уступки, и более серьезный масштаб проблем, совокупная помощь РФ от США в 1992-1995 гг. составила порядка 4,5 млрд долларов³²², в то время как Мексике был выделен международный пакет мер на сумму более 50 млрд долларов, с американским участием в размере 20 млрд³²³. Согласно архивным данным министр финансов Дж. Буша-старшего Н. Брэйди заявлял, в ответ на предложение М. В. Горбачева об экономической помощи СССР: «Что такое “Большая сделка”? Это 250 млрд долларов? Никто в этой комнате не хочет давать такие деньги Советскому Союзу, чтобы он оставался прежним ... Речь идет о том, чтобы изменить советское общество так, чтобы оно не смогло финансировать оборонный комплекс. Если

³²¹ Там же.

³²² United States Relations with Russia: After the Cold War [Электронный ресурс] // U.S. Department of State 2001-2009. Office of the Historian. 2009. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/fs/85962.htm> (Дата обращения: 15.03.2024)

³²³ *Lustig N.* The Mexican Peso Crisis: the Foreseeable and the Surprise [Электронный ресурс] // Brookings Institution. 1995. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20150924051706/http://www.brookings.edu/views/papers/bdp/bdp114/bdp114.pdf> (Дата обращения: 21.03.2024)

Советы перейдут к рыночной системе, они не смогут позволить себе оборонный комплекс. Настоящая программа реформ сделает их третьестепенной державой – а нам это и нужно»³²⁴.

В результате ускоренной приватизации России и последовавшего за этим двукратного падения ВВП (с 1989 по 1997) некоторые американские эксперты начали сомневаться в универсальности подхода, провозглашенного Вашингтонским консенсусом³²⁵. В 1999 г. экономический кризис, охвативший Аргентину, стал еще одним примером неудачи политики экономического дерегулирования, особенно болезненной для сторонников консенсуса ввиду того, что реформы в Латинской Америке в 1980-е были поводом для его продвижения³²⁶. Япония, ставшая вторым основным кредитором Всемирного банка после США, старалась сделать эту организацию более умеренной в отношении мер государственного регулирования. В связи с этим между Токио и Вашингтоном начали возникать разногласия³²⁷. Неоконсервативный эксперт в 1995 г. З. Халилзад даже указывал на опасность «японской гегемонии в Юго-восточной Азии», которая якобы угрожала суверенитету Южной Кореи³²⁸.

Во второй половине 1990-х гг. на пути развития американской гегемонии начали возникать препятствия, с которыми Вашингтон не всегда мог успешно справиться. Первым стал Азиатский финансовый кризис 1997-

³²⁴ Цит. по: National Security Council. Meeting on U.S.-Soviet Relations. White House Situation Room, 3 June 1991. NSC Files, Burns Files, Box 2, OA/ID CF01308-005 // George Bush Presidential Library. College Station, Texas. 1991.

Взято из: *Зубок В.* «Запад нам поможет...» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. No. 6. С. 30-43.

³²⁵ *Frettsome D.* Building Neoliberal Hegemony: The Emergence of the Post Washington Consensus and the Introduction of the Poverty Reduction Strategy Approach by the World Bank // *New Research in Global Political Economy*. 2014. № 2. P. 19.

³²⁶ Там же. P. 20.

³²⁷ Там же.

³²⁸ *Khalilzad Z.* Losing the moment? The United States and the world after the cold war // *The Washington Quarterly*. 1995. № 18 (2). P. 90.

1998 г., в рамках которого пострадали экономики т.н. «азиатских тигров» — Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга, а также Японии, Таиланда и Малайзии. Кризисные последствия быстро распространились на мировые рынки, продемонстрировав уязвимость глобальной экономики, создаваемой США. Отток капитала и падение цен на сырьевые товары способствовало, в частности, возникновению российского экономического кризиса 1998 г. Также следствием кризисных явлений стал аргентинский дефолт 2001 г. Международный валютный фонд, который обвинялся рядом национальных правительств в провоцировании кризиса путем бездумного поощрения роста экономик «азиатских тигров», выделил на преодоление его последствий 40 млрд долларов. Сигналы оздоровления основных экономик Юго-Восточной Азии стали поступать в начале 1999 г. Политическая и экономическая реструктуризация национальных экономик позволила к 2001 г. преодолеть последствия кризиса и возобновить динамичный рост. Однако участие Международного валютного фонда и самих США в ликвидации кризиса посчитали недостаточным.

Значительная разница существовала в трактовках кризиса разными сторонами. Администрация Клинтона объясняла его происхождение неразвитостью финансовых институтов и коррупцией в азиатских странах, которые якобы усугублял чрезмерно быстрый экономический рост. В странах Восточной Азии в кризисе обвинялась активность западных спекулянтов, а премьер-министр Малайзии М. Махатхир прямо называл кризис спланированной атакой Вашингтона на растущих конкурентов, в частности на Токио. США также не участвовали в финансовой помощи Таиланду и отвергли предложение о Японии о создании Азиатского валютного фонда. На фоне роста дипломатической и экономических взаимоотношений между США и Китаем, политика администрации

Клинтон во время кризиса впервые серьезно подорвала доверие к американской гегемонии в этом регионе³²⁹.

В контексте Азиатско-тихоокеанского финансового кризиса обращает на себя внимание, что в американском экспертном сообществе изменилась фигура потенциального контргегемона. Аналитики Университета Джонса Хопкинса П. К. Ен и В. Х. Ли полагали, что кризис вынудил «азиатских тигров» существенно сократить военные расходы, усилил политическую нестабильность и сократил их темпы развития. В результате Япония, которая по инерции с 1980-х воспринималась как ключевой экономический конкурент США, окончательно потеряла этот статус, который перешел к КНР³³⁰.

В то же время на восприятие Китая в администрации Клинтон оставалось противоречивым. На это, в частности, влияла позиция Пекина в отношении американской интервенции в Косово. По мнению австралийского политолога Д. Макдугала, китайское руководство было обеспокоено тем, что «Косовский сценарий» мог быть реализован в Тибете или на Тайване³³¹. Осложнения в китайско-американских отношениях продолжились в результате американского удара по посольству КНР в Белграде³³².

Однако возобновившиеся после этого переговоры, результатом которых стало принятие Закона об американо-китайских отношениях 2000 г., открыли Пекину путь ВТО. В отношении Тайваня была принята стратегия «стратегической неопределенности» (*strategic ambiguity*) в рамках которой Вашингтон посылал китайской стороне сигналы о

³²⁹ *Городня Н. Д.* Политика США в Восточной Азии в условиях Азиатского кризиса // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №4. С. 8.

³³⁰ *Park K. Y., Lee W. H.* The Financial Crisis of 1997-1998 and its Impact on Security Relations in East Asia // Asian Perspective. 1999. №. 23 (3). Pp. 129–151

³³¹ *McDougall D.* Asia Pacific in World Politics. Boulder: Lynne Rienner. 2016. P. 106.

³³² *Sweeney J.* Nato bombed Chinese deliberately [Электронный ресурс] // The Guardian. 1999. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.theguardian.com/world/1999/oct/17/balkans> (Дата обращения: 21.03.2024)

заинтересованности в независимости Тайваня, но не заявлял об этом открыто. Таким образом гегемон шел на формальные уступки, стараясь втянуть нового конкурента в свою орбиту.

Следует отметить, что в соответствии с корректировкой подхода к внешней политике, произошедшей на втором сроке Клинтона, дальнейшие варианты стратегии национальной безопасности США в большей степени подчеркивали гегемонистскую миссию Вашингтона. Так, если в варианте 1994 г. говорится о необходимости «поддержания демократии за рубежом»³³³, то в «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия» 1998 г. заявлено о «создании демократии в других странах»³³⁴. Как отмечает Е. В. Журбей, замена слова «поддержание» на «создание» знаменует кардинальную трансформацию подхода администрации Клинтона к проблеме распространения демократии. «Поддержание демократии» можно воспринимать как «пассивную» деятельность (оказание материальной помощи, введение различного рода привилегий или санкций и др.), в то время как «создание демократии» указывает на «активную» роль субъекта, ее проводящего³³⁵.

В Стратегии 1998 г. также более отчетливо отражены некоторые положения теории гегемонистской стабильности. В разделе «императив вовлеченности» продвигается идея стабилизирующей роли государства-гегемона в вопросах предотвращения конфликтов и стимулирования мировой торговли: «Играя лидирующую роль в мире, мы сдерживали агрессивные действия, способствовали разрешению конфликтов, укрепляли демократические режимы, делали иностранные рынки открытыми и

³³³ Клинтон У. Стратегия национальной безопасности США. Предисловие. // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С 34.

³³⁴ Клинтон У. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Предисловие. // НГ – Сценарий. 1999. № 2. С. 9-10.

³³⁵ Журбей Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 78.

брались за глобальные проблемы... Лидерство США было решающим фактором в заключении целого ряда договоров, которые сделали мир более устойчивым и безопасным путем ограничения, сокращения и предотвращения распространения оружия массового поражения... Без нашего лидерства и участия угрозы будут множиться, а наши возможности сужаться»³³⁶.

К жизненно важным интересам США было отнесено, в частности, создание стабильной международной обстановки и предотвращение господства враждебно настроенных стран в каком-либо регионе, имеющем особое важное значение для американских интересов. Подчеркивалось, что американское «участие в международных делах создает условия для того, чтобы мировое сообщество оставалось стабильным, а глобальная экономическая система могла процветать»³³⁷.

Указанный фрагмент демонстрирует, что не только наследие В. Вильсона и теория демократического мира формировали концептуальные основы внешнеполитической стратегии У. Клинтона. Для вмешательства США в дела суверенных государств под предлогом гуманитарных интервенций существовало множество обоснований помимо продвижения демократии. Главной задачей внешней политики Вашингтона объявлялось построение стабильной международной системы и открытой рыночной экономики, что в полной мере соответствовало теории гегемонистской стабильности, о которой, тем не менее, редко публично упоминали американские политики.

Кроме того, распространение демократии служило для формирования режимов, положительно воспринимающих американскую гегемонию и, согласно видению Вашингтона, способствующих мировой стабильности.

³³⁶ Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // НГ – Сценарий. 1999. № 2. С. 10.

³³⁷ Там же.

Теории гегемонистской стабильности и демократического мира в равной степени служили инструментом легитимации американского интервенционизма в постбиполярную эпоху, когда защита от коммунистической опасности уже не могла являться аргументом для нарушения суверенитета других стран. М. Олбрайт продемонстрировала это в 1999 г., когда заявила, что допустимость вмешательства во внутригосударственные дела стала общепринятым принципом, о чем, по ее мнению, свидетельствовали американские интервенции в Боснию и Косово³³⁸. Как отмечал Г. Киссинджер, администрацией У. Клинтона было предпринято несколько интервенций, которые имели общие черты и «не соответствовали традиционной американской концепции национальных интересов – в том смысле, что исход этих акций никак не касался американской безопасности»³³⁹. Российский американист Т. А. Шаклеина указывала, что подобные военные операции позволяли добиваться ослабления неудобных США региональных держав, а также отрабатывать механизм участия в конфликтах блока НАТО, вовлекая в интервенционистскую политику ближайших союзников Вашингтона³⁴⁰.

Таким образом в риторике и стратегических решениях Белого дома в период двух президентских сроков У. Клинтона можно обнаружить влияние либеральной трактовки теории гегемонистской стабильности. Отличия от концепций Р. Кеохейна заключались в том, что лидером мирового порядка должны были стать не международные институты, такие как ООН, а сами США, опираясь на свою военную, экономическую и культурную мощь. В течение второго срока Клинтона постепенно

³³⁸ Albright expressed the same sentiment. Continuing the Fight for Human Rights In the 21st Century // U.S. Department of State Dispatch. 1999. P. 3.

³³⁹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцевой. М., 2002. С. 286.

³⁴⁰ Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. №3. С. 38.

происходило смещение к более реалистическому пониманию гегемонии. О целях политики Вашингтона в этот период открыто и в полном соответствии с теорией гегемонистской стабильности заявил С. Бергер, советник Клинтона по национальной безопасности на втором сроке. Он указал на то, что у администрации 42-го президента США во внешней политике было три основные задачи: утвердить лидерство Америки, содействовать развитию и открытости глобальной рыночной экономики, а также продвигать демократические ценности и концепцию прав человека³⁴¹. Реальная политика Вашингтона действительно была сосредоточена на утверждении американского лидерства путем интервенций под прикрытием идеологических лозунгов, а также при помощи создания международных институтов, призванных воздействовать на государства с целью снижения торговых барьеров и усиления влияния в них США как экономического гегемона.

2.2. Влияние «Проекта нового американского века» на формирование внешней политики США

Как отмечалось ранее, второй срок президента У. Клинтона характеризовался изменением риторики и действий Вашингтона на мировой арене. Официальные лица Соединенных Штатов, в частности М. Олбрайт, более открыто заявляли о гегемонии США в мире, а вмешательство американской стороны в мировые конфликты становилось все более явным. Важным фактором, определившим изменения в политике Белого дома, стала деятельность неоконсервативных экспертов из проекта

³⁴¹ Berger. S. R. A Foreign Policy for the Global Age // Foreign Affairs. 2000. № 79. Pp. 22-39.

«Новый американский век» (PNAC)³⁴². В рамках «Проекта» были осмыслены и сформулированы большинство внешнеполитических инициатив, реализованных Вашингтоном в первой половине 2000-х гг.³⁴³. Тем не менее, ряд исследователей ставит вопрос о реальных взаимоотношениях PNAC с администрациями У. Клинтона и Дж. Буша-мл.³⁴⁴.

Проект «Новый американский век» создавался в среде неоконсерваторов второго поколения, к которым традиционно относят У. Кристола, Р. Кейгана, М. Бута, Р. Перла З. Халилзада, П. Вулфовица и др.³⁴⁵. Второе поколение выступало за «нео-рейгановскую» внешнюю политику, целью которой должна была стать «доброжелательная гегемония» или *Rax Americana*³⁴⁶. В конце 1990-х гг. основные внешнеполитические идеи будущей организации о необходимости смены режимов и доминировании США на Ближнем Востоке уже были сформулированы в таких документах как «Доктрина Вулфовица»³⁴⁷³⁴⁸ и «Чистый прорыв: Новая стратегия для защиты государства»³⁴⁹.

³⁴² Существует несколько вариантов перевода и написания названия данной структуры (Project for the New American Century). В частности, используются «Проект нового американского века», «Проект за новый американский век», Проект «Новый американский век». В данной работе будет использовано написание, принятое на электронных ресурсах Большой российской энциклопедии и Министерства обороны РФ: Проект «Новый американский век».

³⁴³ *Vaa S.* Project for the New American Century: How One Think Tank May Influence American Foreign Policy [Электронный ресурс] // The University of Oslo. 2005. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/25398/Ferdigxmasteroppgave.pdf> (дата обращения: 04.02.2022)

³⁴⁴ *Reynolds P.* End of the Neo-Con Dream [Электронный ресурс] // BBC News. 2006. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/6189793.stm (дата обращения: 07.03.2022).

³⁴⁵ *Vaisse J.* Neoconservatism. The Biography of movement. Belknap Press of Harvard University Press, 2008. 376 p.

³⁴⁶ *Kagan R. Kristol W.* Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // *Foreign Affairs*. 1996. July/August. С. 18-32.

³⁴⁷ Prevent the Emergence of a New Rival': The Making of the Cheney Regional Defense Strategy. 1991-1992 [Электронный ресурс] // National Security Archive. 2008. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm>. (дата обращения: 01.03.2022).

³⁴⁸ Mann J. Rise of the Vulcans: the history of Bush's war cabinet [Электронный ресурс] // N.Y.: Penguin Books. 2004. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://archive.org/details/riseofvulcanshis00mann> (дата обращения: 05.02.2022).

³⁴⁹ A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm // The Institute for Advanced Strategic and Political Studies. 1996. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: http://dougfeith.com/docs/Clean_Break.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

«Доктрина Вулфовица» была разработана еще до основания «Проекта» в 1992 г. экспертами из числа неоконсерваторов — П. Вулфовицем и С. Либби. В американской историографии она противопоставлялась политической линии министра обороны К. Вайнбергера и государственного секретаря К. Пауэлла, предлагавших строгие критерии, ограничивающие военные действия США за рубежом. Основным тезисом доктрины Вулфовица (особенно четко выраженный в изначальной версии, просочившейся в прессу) заключался в необходимости любой ценой не допустить появления нового соперника для США на постсоветском пространстве, а также в любом другом регионе земного шара. Для этого была оправдана превентивная военная интервенция. Помимо концепции упреждающих ударов и сдерживания потенциальных противников, этот документ включал в себя и иные идеи, воплощенные впоследствии в политике Дж. Буша младшего. В частности, доктрина Вулфовица постулировала целесообразность смены недемократических режимов, моральное превосходство Вашингтона, а также призывала к минимизации ограничений его оборонного потенциала³⁵⁰.

Кроме того, важными документами для «Проекта», предвосхитившими будущую политику 43-го президента США стали доклады «Чистый прорыв: Новая стратегия для защиты государства» (1996)³⁵¹ и «Стратегическая энергетическая политика» (2001)³⁵², проводившие мысль о необходимости смещения режима С. Хусейна в

³⁵⁰ Defense Planning: Guidance FY 1994-1999 April 16, 1992 [Электронный ресурс] // archives.gov. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (Дата обращения 28.10.2023)

³⁵¹ A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm [Электронный ресурс] // The Institute for Advanced Strategic and Political Studies. 1996. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://dougfeith.com/docs/Clean_Break.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

³⁵² Strategic energy policy: challenges for the 21st century: report of an independent task force cosponsored by the James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University and the Council on Foreign Relations [Электронный ресурс] // NY: Council on Foreign Relations. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.cfr.org/report/strategic-energy-policy-challenges-21st-century> (дата обращения: 12.02.2024).

Ираке для поддержания региональной безопасности. Первый документ был подготовлен неоконсерватором Р. Перлом для премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху и посвящен концепции союза Израиля с Иорданией и Турцией и «сдерживания, дестабилизации и оттеснения» (contain, destabilize, and roll-back) их противников. Второй документ представлял собой анализ энергетических потребностей Соединенных Штатов и продвигал тезис о якобы грядущем для Вашингтона дефиците энергетических ресурсов. Для решения данной проблемы эксперты предлагали обратить внимание на соответствующие запасы Ближневосточного региона.

Российский историк А. И. Уткин добавлял в качестве идейной основы «Проекта» и будущей «Доктрины Буша» теорию домино, подразумевавшую отрицательный эффект уступок во внешней политике. Однако таким же образом, по мнению представителей американского истеблишмента, свержение антиамериканских режимов стало бы началом конструктивных преобразований во всех якобы недемократических странах³⁵³.

В задачи проекта «Новый американский век» входило обновление и продвижение указанных тезисов. В 1997 г. У. Кристал и Р. Кейган опубликовали знаковую статью «К нео-рейгановской внешней политике», окончательно определившую принципы неоконсерватизма второго поколения. Основной мотив работы – вызов общественным настроениям, игнорирующим внешнюю политику и опасаящимся любой экспансии по аналогии с 1970-ми гг. и неудачной Вьетнамской войной. Кристал и Кейган выступают против консервативного изоляционизма П. Бьюкеннена и невнимания к внешнеполитическим проблемам республиканского кандидата 1996 г. Р. Доула, провозглашая необходимость поддержания

³⁵³ Уткин А.И. Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2005. №4. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://globalaffairs.ru/articles/doktrina-busha-konczepczija-razdelivshaya-ameriku/> (дата обращения: 12.02.2025).

гегемонии США путем активных действий за рубежом. В статье была четко выражена идея американского глобального доминирования, ставшая основной концепцией проекта «Новый американский век»: «Консерваторы в наши дни легко поддаются очаровательной старой метафоре Соединенных Штатов как “города на холме”. То, что могло быть мудрым советом в 1823 г., когда Америка была маленькой, изолированной страной в мире европейских гигантов, уже не так актуально, когда гигантом является сама Америка. Поскольку США обладают способностью сдерживать или уничтожать мировых злодеев, большинство из которых можно обнаружить без долгих поисков, и поскольку ответственность за мир и безопасность международного порядка так тяжело лежит на плечах Америки, политика сидения на вершине холма и демонстрации примера становится на практике политикой трусости и бесчестия»³⁵⁴.

Согласно исследователю неоконсерватизма М. Райан, проект «Новый американский век» начал формироваться весной 1997 г. и был относительно небольшой организацией, однако связи Р. Кейгана и У. Кристола позволили привлечь к работе влиятельных представителей внешнеполитической элиты США³⁵⁵. Американский политолог С. Элден также утверждает, что при формировании проекта «Новый американский век» основным ресурсом была именно «неоконсервативная сеть» (круг единомышленников, обладающий влиянием в различных американских политических институтах), а финансам и кадрам уделялось второстепенное значение³⁵⁶. Хотя источники финансирования PNAC официально не раскрываются, ряд исследователей утверждает, что поддержку проекта осуществляла фирма Lockheed Martin и ряд компаний нефтяной

³⁵⁴Kagan R. Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. July/August. С. 18-32.

³⁵⁵ Ryan M. Neoconservatism and the New American Century. London: Palgrave Macmillan, 2010. 283 p.

³⁵⁶ Elden S. Terror and Territory: The Spatial Extent of Sovereignty. University of Minnesota Press, 2010. 304 p.

промышленности³⁵⁷. Работа проекта велась по пяти направлениям: Национальная безопасность США, НАТО в Европе, Ирак и Ближний Восток, Восточная Азия и Балканская политика. Председателем новой организации стал У. Кристола, а Р. Кейган был назначен его заместителем³⁵⁸.

3 июня 1997 г. был выпущен первый документ новой организации – Декларация принципов проекта «Новый американский век»³⁵⁹. Во многом повторяя тезисы статей Кристола и Кейгана, Декларация выдвигает основные принципы: увеличение расходов на оборону, укрепление связей с союзниками США, противостояние недемократическим режимам, расширение международного порядка, обеспечивающего безопасность США. Среди двадцати пяти лиц, подписавших декларацию, были представители американского политического истеблишмента: бывший вице-президент Д. Куэйл, бывший министр обороны Д. Чейни, бывший министр обороны Д. Рамсфелд, бывший заместитель министра обороны П. Вулфовиц, сенатор Г. Бауэр, губернатор Флориды Д. Буш. В качестве представителей оборонной промышленности и крупного бизнеса необходимо отметить предпринимателей С. Форбса и В. Вебера. Большую часть подписантов составили неоконсервативные публицисты и ученые – Ф. Фукуяма, З. Халилзад, Г.С. Роуэн, Н. Подгорец, Ф. Гафни.

В качестве аналитического центра, проект «Новый американский век» не выпускал большого количества открытых аналитических материалов. В публичный доступ в основном выкладывались короткие

³⁵⁷ Pitt W. R. Blood Money: Project for the New American Century [Электронный ресурс] // Truthout. 2003. РЕЖИМ ДОСТУПА: www.thirdworldtraveler.com/New_World_Order/BloodMoney_PNAC_WRPitt.html. (дата обращения: 02.03.2023).

³⁵⁸ Третьяков А. Д. Деятельность аналитического центра "Проект За Новый американский век в Контексте Внешней Политики США (1997-2006) // Исторический Журнал: Научные Исследования, №. 1. 2023. С. 37-49.

³⁵⁹ Statement of principles [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://webarchive.loc.gov/all/20050713181416/http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

меморандумы и открытые письма, демонстрирующие позиции неоконсерваторов по основным вопросам, стоящим на повестке проекта. Первым таким документом, опубликованным 26 января 1998 г. стало «Открытое письмо президенту Клинтону», посвященное проблеме Ирака³⁶⁰. Основной мотив письма – невозможность дальнейшего сдерживания режима Саддама Хусейна от производства оружия массового уничтожения путем инспекций ООН. Подписанты призвали администрацию Клинтона реагировать дипломатическим и военным путем, не дожидаясь единодушного одобрения в Совете безопасности ООН. К письму присоединились видные неоконсерваторы Р. Перл и Дж. Болтон³⁶¹.

Уже 29 мая 1998 г. выходит новое открытое письмо, адресованное Т. Лотту, лидеру республиканского большинства в Сенате и Н. Гингричу, спикеру палаты представителей. Заявляя об отказе администрации Б. Клинтона от политики сдерживания, эксперты призвали лидеров Конгресса повлиять на внешнеполитическую линию США, создать и поддержать проамериканское временное правительство Ирака и быть готовыми к использованию военной силы. 31 октября 1998 г. Б. Клинтон под давлением Конгресса подписал «Закон об освобождении Ирака», декларировавший необходимость смены политического режима в стране и поддержки оппозиции С. Хусейну. 16 декабря президент санкционировал операцию «Лис пустыни» — крупную четырехдневную кампанию бомбардировок иракских объектов. 7 января 1999 г. проект «Новый американский век» выпустил меморандум, в котором критиковал операцию «Лис пустыни» как неэффективную. Докладная записка ставила под сомнение

³⁶⁰Open letter to the President Clinton [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://webarchive.loc.gov/all/20050713182305/http://www.newamericancentury.org/iraqlintonletter.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

³⁶¹Третьяков А. Д. Деятельность аналитического центра "Проект За Новый американский век в Контексте Внешней Политики США (1997-2006) // Исторический Журнал: Научные Исследования, №. 1. 2023. С. 37-49.

жизнеспособность иракской демократической оппозиции, которую США поддерживали посредством «Закона об освобождении Ирака», и называла любую политику сдерживания Хусейна иллюзией³⁶².

Проект «Новый американский век» активно выступал за четвертое расширение НАТО в период рассмотрения заявок Польши, Венгрии и Чехии. В поддержку этого процесса РНАС выпустил четыре меморандума. Эти документы максимально открыто и прямо выражают позицию неоконсервативной элиты США по одному из самых неоднозначных и спорных внешнеполитических решений конца XX века. В манифесте 8 октября 1997 г. «Почему расширение НАТО отвечает стратегическим интересам США» было сказано: «Как показывает опыт двух мировых войн и одной холодной войны, США жизненно заинтересованы в сдерживании, и, в случае необходимости, разгроме любого государства, которое угрожает их доминированию на этом континенте (Европе – прим.)... Поставив Польшу, Венгрию и Чехию под зонтик безопасности НАТО сегодня, альянс может удержать любую растущую державу от стремления к этой цели в будущем.... Альтернатива - оставить государства Центральной и Восточной Европы на геополитически ничейной земле, заставив их маневрировать вокруг неизбежно мощного притяжения объединенной Германии и потенциально возрождающейся России»³⁶³. В рамках трех других меморандумов за авторством Г. Шмитта утверждалось, что хотя Российская Федерация не представляла угрозы в свете Первой чеченской войны и разобщенности российского общества на фоне военных

³⁶² Letter to Gingrich and Lott on Iraq [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030212225110/http://www.newamericancentury.org/iraqjan0799.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

³⁶³ Why NATO's Enlargement is in America's Strategic Interest [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222053012/http://www.newamericancentury.org/natooct0897.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

действий³⁶⁴, присутствие НАТО в Восточной Европе, по мнению автора, должно было «навсегда ликвидировать в России настроения советского реваншизма»³⁶⁵.

20 сентября 1998 г. проект «Новый американский век» предал гласности открытое письмо Б. Клинтону с заголовком «Милошевич является проблемой», где призвал к смене режима, осуждению С. Милошевича как военного преступника и возлагает на Сербию всю вину за гуманитарный кризис в Косово³⁶⁶.

С 1997 по 1999 г. «Проект» активно занимался вопросами оборонной политики и публиковал меморандумы с критикой военного руководства США за предоставление доступа иностранным лабораториям к американским суперкомпьютерам³⁶⁷ и за недостаточное увеличение оборонного бюджета³⁶⁸. Ряд исследователей указывал на участие проекта «Новый американский век» в работе «Комиссии Рамсфелда», задачей которой была оценка защищенности США от потенциальных ракетных

³⁶⁴ NATO Enlargement: What is “the Threat?” [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222053757/http://www.newamericancentury.org/natooct1397.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

³⁶⁵ Russia and NATO Enlargement [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222052718/http://www.newamericancentury.org/natonov1397.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

³⁶⁶ Mr. President Milosevic is the problem [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://web.archive.loc.gov/all/20050713182045/http://www.newamericancentury.org/balkans_pdf_04.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

³⁶⁷ “Playing Chicken” with Supercomputers & the Defense Authorization Act [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1997. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030707155911/http://newamericancentury.org/defoct2897.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

³⁶⁸ PNAC memorandum [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1999. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030707150600/http://newamericancentury.org/deffeb0299.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

ударов³⁶⁹. Д. Рамсфелду, одному из активных сторонников РНАС, оказывалась публичная информационная поддержка в критике оборонной стратегии Б. Клинтона³⁷⁰.

В июле 1998 г., с учетом того что администрация Клинтона взяла курс на пересмотр Договора по противоракетной обороне 1972 г., на ресурсе РНАС был опубликован доклад экспертной комиссии, состоящей из членов «Проекта», основные выводы которого гласили, что Иран и Северная Корея якобы могут развить способность нанести удар по Соединенным Штатам в течение пяти лет с момента принятия решения об этом, а также, что оборонная система Соединенных Штатов сокращает время предупреждения о разворачивании вражеских ракетных систем и в будущем такое предупреждение может стать в принципе невозможным³⁷¹. Принятый Конгрессом «Закон о противоракетной обороне» 1999 г. предписывал Соединенным Штатам развернуть, как можно скорее, систему противоракетной обороны, которая может защитить родину от ограниченного применения баллистических ракет — случайного, несанкционированного или преднамеренного³⁷².

Однако самой популярной темой для «Проекта» в период с 1997 по 1999 г. стала проблема Китая. За три года было опубликовано 38 меморандумов и открытых писем по вопросам американо-китайских

³⁶⁹ Vaa S. Project for the New American Century: How One Think Tank May Influence American Foreign Policy [Электронный ресурс] // The University of Oslo. 2005. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/25398/Ferdigxmasteroppgave.pdf> (дата обращения: 04.02.2022).

³⁷⁰ The Rumsfeld Commission and Ballistic Missile Defense [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030707152315/http://newamericancentury.org/defjul1698.htm> (дата обращения: 05.02.2022).

³⁷¹ The Rumsfeld commission report [Электронный ресурс] // Congressional record. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://irp.fas.org/congress/1998_cr/s980731-rumsfeld.htm (дата обращения: 05.02.2022).

³⁷² H.R.4 - National Missile Defense Act of 1999 // Congress.gov. 1999. [Vhttps://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/4](https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/4) (дата обращения: 06.02.2022).

отношений³⁷³. Основным мотивом этих документов был тезис о растущей угрозе американской гегемонии со стороны Китая и необходимости сплочения союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее знаковым стало открытое письмо от 20 августа 1999 г. «Заявление об обороне Тайваня», составленное совместно с консервативным аналитическим центром «Фонд Наследие» (Heritage Foundation). В нем указывалось, что усилия администрации Б. Клинтона оказать давление на Тайбэй, для принятия концепции Пекина о «Едином Китае» опасны и прямо противоречат американским стратегическим интересам и демократическим идеалам. На основе идей «Проекта» был разработан и принят в палате представителей 1 февраля 2000 г. «Закон об усилении безопасности Тайваня», в рамках которого предполагалось увеличение военной поддержки Тайваня со стороны США³⁷⁴. Б. Клинтон не подписал данный законопроект, что вызвало волну критики со стороны РНАС³⁷⁵.

Политическая линия Б. Клинтона, изначально ориентированная на внутренние дела и свободную торговлю, изменилась в период второго президентского срока. Можно заключить, что уже с 1997 по 1999 гг. проект «Новый американский век» оказывал существенное влияние на внешнюю

³⁷³ East Asia 1998-1997 [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030629144254/http://newamericancentury.org/eastasia1998-1997.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

East Asia 1999 [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1999. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030629144512/http://newamericancentury.org/eastasia1999.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

³⁷⁴ H.R.1838 - Taiwan Security Enhancement Act [Электронный ресурс] // Congress.gov. 1999. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1838> (дата обращения: 06.02.2022).

³⁷⁵ Clinton, China and Taiwan [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030701195453/http://newamericancentury.org/chinamar3000.htm> (дата обращения: 06.02.2022).

политику США, используя ресурсы «неоконсервативной сети» политиков, экспертов и военных, рупором которой он являлся³⁷⁶.

В сентябре 2000 г., в период президентских выборов в США, «Проект» выпустил один из самых известных своих докладов «Восстановление обороноспособности Америки: стратегия, силы и ресурсы для нового столетия». В документе подробно резюмировались все внешнеполитические идеи РНАС. «Приведя Запад к победе в холодной войне, Америка сталкивается с возможностью и вызовом: есть ли у Соединенных Штатов видение будущего для развития достижения прошлых десятилетий? Есть ли у Соединенных Штатов решимость сформировать новую эпоху, благоприятную для американских принципов и интересов? ...То, что нам нужно, это вооруженные силы, которые сильны и готовы противостоять как нынешним, так и будущим вызовам; внешняя политика, которая смело и целенаправленно продвигает американские принципы за рубежом; и национальное руководство, которое принимает глобальные обязанности Соединенных Штатов»³⁷⁷.

В докладе было указано, что США должны сохранить достаточные вооруженные силы, для быстрого развертывания военных действий и победы в нескольких одновременных крупномасштабных войнах. От Пентагона также требовалась готовность к военно-полицейским операциям. Такие операции, по мнению составителей документа, должны были стать прерогативой США, а не Организации Объединенных Наций, о чем свидетельствовали провал миссии ЮНПРОФОР в Боснии и якобы имевший место успех операций НАТО там: «Соединенные Штаты также не

³⁷⁶ Третьяков А. Д. Деятельность аналитического центра "Проект За Новый американский век в Контексте Внешней Политики США (1997-2006) // Исторический Журнал: Научные Исследования, №. 1. 2023. С. 37-49.

³⁷⁷ Rebuilding Americas Defenses [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030625224429/http://newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

могут занять позицию нейтралитета, подобную ООН. Превосходство США настолько велико, а их глобальные интересы настолько широки, что они не могут притворяться равнодушными к политическим кризисам на Балканах, в Персидском заливе или даже в Африке»³⁷⁸. Постулировала необходимость более масштабного военного присутствия США на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Перенос внимания США из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион должен был быть обеспечен дальнейшим расширением НАТО с включением прибалтийских стран. Кроме того, продвигался тезис о переносе американского внимания в Азию: «Фокус американской стратегии безопасности на предстоящее столетие, вероятно, переместится в Восточную Азию. Это отражает успех американской стратегии в 20-м веке и, в частности, успех альянса НАТО во время холодной войны, который создал то, что кажется в целом стабильным и прочным миром в Европе»³⁷⁹. В документе также продвигается концепция стран-изгоев, более близкая к последующей формуле «Оси зла». Добавляется тезис о якобы исходящей от этих государств экзистенциальной угрозе для Вашингтона и его союзников: «Нынешний американский век будет недолгим, если Соединенные Штаты станут уязвимыми для стран-изгоев с небольшими недорогими арсеналами баллистических ракет и ядерных боеголовок, а также другого оружия массового уничтожения. Мы не можем позволить Северной Корее, Ирану, Ираку или подобным государствам подрывать американское лидерство, запугивать американских союзников или угрожать самому американскому государству». Еще раз повторяется приверженность РНАС идее смены режимов: «Американское военное превосходство будет по-прежнему в значительной степени зависеть от способности поддерживать достаточные

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Там же.

сухопутные силы для достижения политических целей, таких как устранение опасного и враждебного политического режима».

Еще одна идея, изложенная в документе, которая будет впоследствии реализована администрацией Дж. Буша-младшего – выход из Договора о противоракетной обороне 1972 г., для обоснования которого вновь продвигался тезис о якобы имевшей место ракетной угрозе со стороны Ирана и Северной Кореи. Также в Докладе предлагались многочисленные военные реформы, обеспечение превосходства США в космосе, киберпространстве, ядерной сфере, расширение системы военно-морских баз и т.д. Многие идеи впоследствии найдут воплощение в Стратегии национальной безопасности 2002 г. В целом этот документ сформулировал некоторые положения внешней политики США в период первого срока Дж. Буша-мл³⁸⁰.

Однако на момент президентских выборов 2000 г. Дж. Буш-младший не выглядел идеальной кандидатурой для участников проекта «Новый американский век». Следует отметить, что в ходе республиканских праймериз и президентских выборов в США 2000 г. Дж. Буш-младший и его команда сделали упор на внутренние проблемы американского общества, противопоставляя себя стороннику активной внешней политики Дж. Маккейну. В 2003 г. один из основателей проекта «Новый американский век» У. Кристал заявлял о том, что он и другие неоконсерваторы отвергали Буша как «кандидата со слабой внешней политикой». Беспокойство вызывало участие в команде будущего президента декана Стэнфордского университета К. Райс, которую Кристал считал «осторожным реалистом»³⁸¹. Российский американист Т.А.

³⁸⁰ Третьяков А. Д. Деятельность аналитического центра "Проект За Новый американский век в Контексте Внешней Политики США (1997-2006) // Исторический Журнал: Научные Исследования, №. 1. 2023. С. 37-49.

³⁸¹ Ryan M. Neoliberalism and the New American Century. London: Palgrave Macmillan. 2010. P. 159.

Шаклеина отмечала, что до к началу XXI в. американская элита руководствовалась компромиссным вариантом глобальной стратегии США, в котором сочетались элементы «мягкой» и «жесткой» гегемонии, что значительно отличалось от дальнейшего подхода администрации Буша³⁸².

Однако последующая политика 43-го президента США во-многом стала реализацией концепций проекта «Новый американский век», что будет подробно показано далее. Деятельность PNAC на втором сроке Клинтон и первом сроке Буша-младшего, подробно освещенная и исследованная западными и отечественными исследователями, показывает один из наиболее ярких примеров влияния экспертного сообщества на формирование внешней политики Вашингтона. Члены «Проекта», многие из которых придерживались «неоимперского подхода» к теории гегемонистской стабильности (о чем будет подробно рассказано в третьей главе данной работы), путем публичных и закрытых материалов продвигали свои зачастую оторванные от реальности академические и идеалистические концепции в поле реальной политики. Период «однополярного момента» и ощущение американским истеблишментом собственного всемогущества привели к наиболее открытому и яркому проявлению теории гегемонистской стабильности во внешней политике США. Члены PNAC выступали за жесткую гегемонию, которая опиралась не на международные институты, а на военную и экономическую мощь самих Соединенных Штатов. Политика Дж. Буша-младшего., отчасти

³⁸² Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001—2011) // Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3.

реализованная на их идеях, стала своеобразным «тест-драйвом» этого подхода, сменившего видение Лейка с его мягкой гегемонией.

2.3. Теория гегемонистской стабильности в политике администрации Дж. Буша-младшего

Переходя к анализу политики Дж. Буша-младшего следует заключить, что в течение первого срока 43-го президента США его администрация последовательно прислушивалась к большинству рекомендаций проекта «Новый американский век». Во многом это было обусловлено тем, что в администрацию Буша-младшего вошли такие сторонники РНАС как вице-президент Д. Чейни, министр обороны Д. Рамсфелд; заместитель министра обороны П. Вулфовиц; член Совета национальной безопасности Э. Абрамс; заместитель министра по контролю над вооружениями и международной безопасности Дж. Болтон; бывший председатель Совета по оборонной политике Р. Перл, специальный помощник президента США З. Халилзад. Также членом РНАС являлся губернатор Флориды Джеб Буш. Такая концентрация неоконсерваторов не могла не оказать решающее влияние на нового президента, практически не имеющего опыта во внешней политике. Уже в конце предвыборной гонки РНАС приветствует слова будущего президента, а тогда еще губернатора Буша: «Россия никогда не должна иметь права вето на расширение НАТО», а также предостерегают от инициативы К. Райс о выводе американских войск с Балкан³⁸³.

Частично на идеях проекта «Новый американский век» была сформулирована упомянутая выше доктрина Буша-младшего. Она

³⁸³ РНАС memorandum [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2000. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222052152/http://www.newamericancentury.org/natonov0100.htm> (дата обращения: 07.02.2022).

оценивалась многими зарубежными³⁸⁴ и отечественными³⁸⁵ исследователями как основа внешней политики Соединенных Штатов с 2001 по 2009 гг. Доктрина Буша-младшего представляла собой совокупность концепций, речей и заявлений, объясняющих цели и мотивы внешней политики новой администрации. В ней, как отмечали многие эксперты, были наиболее откровенно сформулированы претензии США на мировую гегемонию³⁸⁶. Указанная доктрина по сути являлась ярчайшим воплощением теории гегемонистской стабильности, постулирующей конструктивную роль доминирующей сверхдержавы в системе международных отношений³⁸⁷.

В июне 2001 г. американский журналист Ч. Краутхаммер впервые ввел в оборот термин «доктрина Буша». Краутхаммер подразумевал под этим термином отказ от ратификации Киотского протокола и выход из Договора о противоракетной обороне. По его мнению, эти шаги обозначили контуры новой внешней политики, в рамках которой проявилось недоверие к международным организациям и многосторонним институтам за посягательство на суверенитет Вашингтона³⁸⁸. Американские исследователи Дж. Айкенберри и М. Келли отмечали, что впоследствии

³⁸⁴ *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since '9/11' // *International Politics*. 2023. №3. P. 1-22.

³⁸⁵ *Уткин А.И.* Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. 2005. №4. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://globalaffairs.ru/articles/doktrina-busha-konczepczija-gazdelivshaya-ameriku/>

Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001—2011) // *Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3. С. 41.

³⁸⁶ *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2009. № 12(3). Pp. 377-378.

³⁸⁷ Подробнее см. *Третьяков А. Д.* Анализ доктрины Буша-младшего с точки зрения теории гегемонистской стабильности в американском экспертном сообществе // *Клио*. 2024. № 2 (206). С. 61–71

³⁸⁸ *Krauthammer C.* Charlie Gibson's Gaffe [Электронный ресурс] // *The Washington Post*. 2008. №12. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.washingtonpost.com/wpyn/content/article/2008/09/12/AR2008091202457.html> (дата обращения: 07.02.2022).

унилатерализм, подразумевающий односторонние действия гегемона, станет одной из основ доктрины Буша-младшего³⁸⁹.

Важнейшим символическим событием, которое ряд исследователей, таких как Дж. Миршаймер, считают ключевым для «однополярного момента» американской гегемонии, стал террористический акт 11 сентября 2001 г. Атаки на символы американского экономического и военного лидерства — Всемирный торговый центр и Пентагон, стали причиной резкой милитаризации внешней политики США и поводом для развития доктрины Буша, отражавшей агрессивную реалистическую версию теории гегемонистской стабильности³⁹⁰.

Однако еще 8 марта 2001 г. сотрудник PNAS и бывший специалист по Ближнему Востоку в ЦРУ Р. М. Герехт опубликовал меморандум «Выбор стороны в Афганистане», призывая к вторжению в эту страну и уничтожению О. Бен-Ладена со словами: «Играйте в *realpolitik* по старинке». В меморандуме упоминался подрыв американского эсминца «Cole» и разрушение Бамианских статуй Будды в качестве агрессивных действий движения Талибан и Аль Каиды и своеобразного *casus belli*³⁹¹. 6 июля публикуется меморандум с призывом к президенту Дж. Бушу-младшему и Д. Рамсфелду не отходить от своей программы и реализовать наземную операцию в Ираке³⁹². После событий 11 сентября 2001 г. «Проект» опубликовал «Открытое письмо президенту Дж. Бушу от 20

³⁸⁹ *Ikenberry J.* Unilateralism in US Foreign Policy: What Role does America See for Europe? / Just Another Major Crisis? The United States and Europe since 2000. Oxford University Press. 2008. Pp. 77-93. *Kelly M. J.* The Bush Foreign Policy 2001-2003: Unilateralist Theory in a Multilateral World and the Opportunity for Change Offered by Iraq // Washington University Global Studies Law Review. 2003. №2. P. 221-229.

³⁹⁰ *Бартнев В.И.* Влияние событий 11 сентября 2001 г. на политику США в сфере содействия международному развитию // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3 С. 84-218.

³⁹¹ Taking Sides in Afghanistan [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030621180432/http://www.newamericancentury.org/afghanistan-030801.htm> (дата обращения: 07.02.2024).

³⁹² PNAS memorandum [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030620155545/http://www.newamericancentury.org/defense-iraq-070601.htm> (дата обращения: 07.02.2024).

сентября 2001 г.», в котором заявлялось: «Даже если доказательства не связывают Ирак непосредственно с нападением, любая стратегия, направленная на искоренение терроризма и его спонсоров, должна включать решительные усилия по отстранению С. Хусейна от власти в Ираке. Неспособность предпринять такие усилия будет представлять скорейшую и полную капитуляцию в войне с международным терроризмом»³⁹³.

После 11 сентября 2001 г. американское руководство озвучило тезис об оправданности превентивных военных действий, который также лег в основу рассматриваемой доктрины. В обращении к Конгрессу 20 сентября Дж. Буш-младший обозначил принцип, согласно которому Вашингтон не будет делать различий между террористами и странами, которые их укрывают³⁹⁴. По итогам этой речи американский политолог Н. Котс определил доктрину Буша как стратегию превентивной глобальной войны с терроризмом³⁹⁵.

Ранее, 14 сентября Конгрессом был принят документ «Разрешение на использование военной силы» (Authorization to Use Military Force)³⁹⁶. Как отмечает британский исследователь Г. Лоффман, этот законодательный карт-бланш на проведение агрессивной политики действовал до начала президентства Дж. Байдена в начале 2021 г. Концепция войны с терроризмом впоследствии будет служить оправданием военных операций США на Ближнем Востоке, в Африке и Азии, особенно на Филиппинах,

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Солянова М. В. Проблемы лидерства США в современных международных отношениях [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. 2014. №3. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://rusus.jes.su/s207054760011079-3-1/>

³⁹⁵ Coates N. The Bush Doctrine: New policy to ensure our safety must be examined [Электронный ресурс] // Reporter-News. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20110716213046/http://texnews.com/1998/2001/opinion/bush0930.html> (Дата обращения 24.10.2023)

³⁹⁶ Authorization to U.S. Military Force [Электронный ресурс] // [congres.gov](https://www.congress.gov/107/plaws/publ40/PLAW-107publ40.pdf). 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ40/PLAW-107publ40.pdf> (Дата обращения 13.11.2023)

Йемене, Джибути, Кении, Эфиопии, Ливии, Сирии, Эритрее и Сомали, а также для вторжения в Афганистан и Ирак. По его мнению, «11 сентября» послужило катализатором, трансформировавшим внешнюю политику США в соответствии с давно устоявшимися неконсервативными тезисами и моральными убеждениями³⁹⁷.

13 декабря 2001 г., после выхода США из Договора о противоракетной обороне 1972 г., был опубликован меморандум РНАС с поддержкой этого политического шага и ответом критикам выхода – сенаторам Т. Дашлу и Дж. Байдену. Указывая на осторожную реакцию России, автор меморандума ссылается на выводы «Комиссии Рамсфелда» 1998 г. и заявляет: «В отсутствие эффективной противоракетной обороны внутри страны и за рубежом возрастет неопределенность в отношении готовности Америки действовать перед лицом противника, вооруженного баллистическими ракетами и оружием массового уничтожения. Противоракетная оборона фактически укрепит наши альянсы, которые, в основе своей, зависят от военного доминирования США»³⁹⁸.

Идеи РНАС нашли свое отражение в концепции «оси зла», которую Дж. Буш-младший озвучил в своем ежегодном обращении к нации «О положении страны» в январе 2002 г.³⁹⁹. Автор термина, спичрайтер Буша Д. Фрум отметил, что он делал сравнение Ирана, Ирака, Аль Каиды и Хезболлы с державами «оси» времен Второй Мировой войны. Впоследствии к списку была добавлена Северная Корея, а позднее бывший тогда заместителем госсекретаря Дж. Болтон присовокупил к ним Ливию,

³⁹⁷ *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since '9/11' // *International Politics*. 2023. №3. P. 1-22.

³⁹⁸ РНАС memorandum [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030710052915/http://newamericancentury.org/abm-121301.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

³⁹⁹ Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 [Электронный ресурс] // *Public Papers*. 2002. P. 131. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2002-book1/pdf/PPP-2002-book1-doc-pg129-3.pdf> (Дата обращения 17.11.2023)

Сирию и Кубу. Критерием для включения стран в эту группу стала якобы имеющаяся с их стороны поддержка мирового терроризма и стремление к созданию оружия массового поражения в нарушении договорных обязательств⁴⁰⁰. Следует отметить, что эта концепция, служащая средством для оправдания превентивных действий против независимых государств, задействована в американской риторике и в настоящее время. Так, в октябре 2023 г. лидер республиканской фракции в Сенате США М. Макконнелл заявил, что Иран, Северная Корея, Россия и Китай являются новой «осью зла»⁴⁰¹.

Концепция «оси зла», согласно политологу Г. Лоффману, была во многом основана на тезисе о «американской исключительности» (*american exsertionalism*), который предполагал, что политика США, как ведущего мирового поборника демократии и прав человека, носит однозначно морально-добродетельный характер⁴⁰². Неоконсервативные мыслители, объяснявшие политику Дж. Буша-младшего, утверждали, что Соединенные Штаты вовлечены в глобальную войну идей между либеральными ценностями свободы, с одной стороны, и экстремистскими организациями и государствами, стремящимися уничтожить их, с другой. Вашингтон, по их мнению, в качестве гегемона вел не только физическую, но и идеологическую войну, взяв на себя ответственность за безопасность миропорядка и защиту этих ценностей⁴⁰³. Как отмечает Г. Лоффман, неоконсерваторы находились под влиянием идей Г. Ф. Гегеля о единственном пути исторического прогресса, которые потом были

⁴⁰⁰ *Frum D.* The Right Man: The Surprise Presidency of George W. Bush. London: Random House, 2003. 307 p.

⁴⁰¹ Transcript: Senate Minority Leader Mitch McConnell on «Face the Nation, Oct. 22, 2023 [Электронный ресурс] // CBS News. 2023. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.cbsnews.com/amp/news/mitch-mcconnell-senate-minority-leader-face-the-nation-transcript-10-22-2023/> (Дата обращения 24.10.2023)

⁴⁰² *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since '9/11' // *International Politics*. 2023. №3. P. 1-22.

⁴⁰³ *Кислицын С.В.* Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. М: Весь мир. 2020. С. 65.

использованы Ф. Фукуямой, а также придерживались фундаментальных убеждений о необходимости ценностно-ориентированной внешней политики США. Доктрина Буша-младшего в значительной степени отражала эти настроения, формулируя особую ответственность Соединенных Штатов за использование глобальной гегемонии для поддержания и расширения свободы и демократии⁴⁰⁴.

Эксперты проекта «Новый американский век» отреагировали на речь Дж. Буша об «оси зла» меморандумом, в котором подводило итог внешней политике Б. Клинтона: «Администрация Клинтона приняла интернационализм риторически, но была робкой, нерешительной и наивной в его исполнении. Временами она слишком доверяла международным институтам и режимам контроля над вооружениями в качестве замены американского лидерства. За некоторыми исключениями, такими как расширение НАТО и прекращение геноцида на Балканах, ей часто не удавалось развернуть американскую мощь от имени провозглашенных ею интернационалистских принципов. Несмотря на все свои политические успехи в 1990-х гг., Демократическая партия оставалась преследуемой призраками Вьетнама»⁴⁰⁵.

В документе PNAC также указано на необходимость не останавливаться на ликвидации террористов, виновных в атаках 11 сентября 2001 г.: «Когда Усама бен Ладен будет в могиле, у нас все равно будет долг перед самими собой и перед миром использовать нашу силу для распространения демократических принципов, сдерживания и уничтожения противников нашей цивилизации. Это не крестовый поход. Это внешняя политика просвещенного эгоизма. Так же, как Корейская война, Перл-Харбор и потопление “Лузитании” научили нас, что мы не

⁴⁰⁴ *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since ‘9/11’// *International Politics.* 2023. №3. P. 11.

⁴⁰⁵ Там же.

можем отгородить себя от мировых проблем, 11 сентября должно побудить нас начать новую эру американского интернационализма. Давайте не будем упускать эту возможность»⁴⁰⁶.

В своем выступлении перед курсантами Военной академии США в Вест-Пойнте 1 июня 2002 г. Дж. Буш-младший в русле идей РНАС еще раз подчеркнул целесообразность превентивных действий гегемона для достижения мировой стабильности: «Мы не можем защищать Америку и наших друзей, надеясь на лучшее. Мы не можем полагаться на слово тиранов, которые торжественно подписывают договоры о нераспространении, а затем систематически их нарушают. Если мы будем ждать, пока угрозы полностью материализуются, мы будем ждать слишком долго — наша безопасность потребует преобразования вооруженных сил, которыми вы будете руководить, — вооруженных сил, которые должны быть готовы нанести удар в любой момент в любом темном уголке мира. И наша безопасность потребует от всех американцев дальновидности и решимости, готовности к упреждающим действиям, когда это необходимо для защиты нашей свободы и наших жизней»⁴⁰⁷.

Следует отметить, что многие концепции, лежащие в основе доктрины Буша, были описаны в работе «Аргументы в пользу демократии» израильских политиков Н. Щаранского и Р. Дермера. В тексте утверждалось, что замена диктатур демократическими правительствами морально оправдана, поскольку она якобы ведет к большей свободе граждан таких стран, и стратегически разумна, поскольку демократические страны более миролюбивы и порождают меньше насилия, чем

⁴⁰⁶ Commit for the Long Run [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030402040504/http://www.newamericancentury.org/kagan-012902.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴⁰⁷ President Bush Delivers Graduation Speech at West Point [Электронный ресурс] // The White House President George W. Bush. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html> (Дата обращения 24.10.2023)

диктаторские. Теория демократического мира использовалась авторами как иллюстрация конструктивной роли американской гегемонии⁴⁰⁸.

Все указанные концепции отчетливо были выражены в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в сентябре 2002 г. Ее преамбула гласила, что по итогам XX века единой устойчивой моделью национального успеха стали «ценности свободы, демократии и свободного предпринимательства». Распространение этих ценностей открывает путь к тому, чтобы сделать мир «лучше и безопаснее для всех»⁴⁰⁹. Американские политологи К. Либер и Р. Либер выделили четыре основных принципа указанной стратегии: упреждающие удары, достижение военного превосходства, новый унилатерализм (несмотря на заявления в приверженности Вашингтона многостороннему управлению миропорядком, указано: «США без колебаний будут действовать в одиночку, если это необходимо для защиты национальных интересов и безопасности») и распространение демократии⁴¹⁰.

Последний аспект в риторике администрации Буша-младшего все больше стал увязываться непосредственно с идеей американской исключительности. В стратегии национальной безопасности 2002 г. указано, что США участвуют в «борьбе идей», цель которой помочь иностранцам, особенно в мусульманском мире, узнать и понять Америку. Стратегия обязывала Соединенные Штаты «активно работать над тем, чтобы принести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и свободную торговлю во все уголки мира»⁴¹¹. Эта цель, как отмечали К.

⁴⁰⁸ *Dermer R., Sharansky N.* The Case for Democracy. The Power of Freedom to Overcome Tyranny and Terror. NY: Public Affairs, 2004. Pp. 40–41.

⁴⁰⁹ National Security Strategy 2002 [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 27.09.2023).

⁴¹⁰ *Lieber K., Lieber R.* The Bush National Security Strategy [Электронный ресурс] // USinfo. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20081113134434/http://usinfo.state.gov/journals/itps/1202/ijpe/pj7-4lieber.htm> (Дата обращения 28.10.2023)

⁴¹¹ National Security Strategy 2002 [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 27.09.2023).

Либер и Р. Либер, была обусловлена убеждением, что фундаментальная причина радикального исламского терроризма заключалась в недостаточном развитии демократических институтов, преобладании авторитаризма, а также отсутствии возможностей в арабском мире.

Таким образом идея Лейка об экспорте демократии, основанной на теории демократического мира, радикализовалась. При новой администрации подобная политика должна была не только служить доказательством стабилизирующей роли США и соответствовать идеалам вильсонизма но и непосредственно укреплять американскую национальную безопасность. Любая недостаточно демократическая страна (за очевидными исключениями в виде, например, Саудовской Аравии) должна была восприниматься в Вашингтоне не просто как слабое звено миропорядка, но как непосредственная угроза. Контент-анализ речей представителей администрации Буша, проведенный бразильскими исследователями, показывает, что если в рамках первого срока 43-го президента США безопасность американских граждан связывалась с упреждающими ударами по террористам, то на втором сроке 39% выступлений содержали ссылки на зависимость между построением демократии в государствах-изгоях и американской безопасностью⁴¹².

Обращает на себя внимание, что эксперты РНАС встретили публикацию стратегии национальной безопасности 2002 г. меморандумом под названием «Доктрина Буша», в рамках которого выделены три составляющие этой доктрины: Активное американское глобальное лидерство, концепция смены режимов и продвижение либерально-демократических принципов. Авторы меморандума отмечали: «Доктрина Буша примечательна и тем, чем она не является. Это не клинтоновская

⁴¹² *De Castro Santos M. H., Teixeira U. T. The essential role of democracy in the Bush Doctrine: the invasions of Iraq and Afghanistan // Rev. Bras. Polit. 2013. №56. P. 131-156.*

многосторонность; президент не обращался к ООН, не исповедовал веру в контроль над вооружениями и не возлагал надежд на какой-либо “мирный процесс”. И это не реализм баланса сил, который предпочитал его отец. Это, скорее, подтверждение того, что прочный мир и безопасность должны быть завоеваны и сохранены путем утверждения как военной мощи США, так и американских политических принципов»⁴¹³.

В открытом письме от 23 января 2003 г. по поводу принятия новой Стратегии национальной безопасности сотрудники РНАС предлагали существенное увеличение военного бюджета ввиду предстоящей необходимой Иракской кампании: «Американская сила — ключ к построению нового мира, который вы себе представляли. Победа над талибами в Афганистане стала важным первым шагом в стабилизации этой хаотичной страны и уничтожении террористической сети “Аль-Каиды”. Международное сообщество и подавляющая военная коалиция теперь готовы положить конец угрозе режима Саддама Хусейна в Ираке»⁴¹⁴.

Концепция США как сильного и справедливого гегемона, способного в одностороннем порядке вести превентивные военные действия против угрожающих мировой безопасности диктаторских режимов для защиты либеральных ценностей и установления демократии получила наиболее яркое отражение в рамках войны в Ираке 2003-2011 гг. Перед началом операции «Иракская свобода» Дж. Буш-младший заявил, что, когда С. Хусейн будет свергнут, «другие режимы получают четкое предупреждение о том, что поддержка террора недопустима. Без этой внешней поддержки терроризма палестинцы, находящиеся на пути к реформам и демократии,

⁴¹³ The Bush Doctrine [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030618015854/http://newamericancentury.org/bushdoctrine-013002.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴¹⁴ Open letter to the President George W. Bush [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2003. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030629225317/http://newamericancentury.org/Bushletter-012303.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

будут в лучшем положении для выбора новых лидеров, стремящихся к миру»⁴¹⁵. Таким образом, Иракская война должна была олицетворять стабилизирующую роль американской гегемонии. После войны Буш подтвердил свою веру в то, что «свободный Ирак может стать примером реформ и прогресса для всего Ближнего Востока»⁴¹⁶.

Однако быстрая военная победа после первоначального вторжения и свержения режима С. Хусейна вскоре уступила место длительному периоду оккупации, когда Ирак в течение многих лет балансировал на грани гражданской войны. Как отмечал американский политолог Р. Джервис, широкое распространение межконфессионального насилия между суннитскими и шиитскими вооруженными группировками, подъем Аль-Каиды, усиление стратегических позиций Ирана в регионе и неспособность обнаружить какие-либо следы иракского оружия массового поражения, призванного подвергнуть сомнению легитимность первоначального обоснования превентивной войны, нанесли ощутимый удар по репутации доктрины Буша и Соединенных Штатов в целом⁴¹⁷.

Г. Лоффман добавлял, что разочарование в провале амбиций США в Ираке напрямую способствовали успешному выдвижению кандидатуры Б. Обамы, который сделал критику этой войны центральным элементом своей президентской кампании в 2008 г. Обама, как считал Лоффман, противопоставлял свою критическую позицию как его сопернику по выдвижению от Демократической партии Х. Клинтон, так и его возможному оппоненту-республиканца Дж. Маккейну, давним членам

⁴¹⁵ George W. Bush in American Enterprise Institute (The Future of Iraq) [Электронный ресурс] // Presidential Rhetoric. РЕЖИМ ДОСТУПА: 2003. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/02.26.03.html> (Дата обращения: 25.10.2023)

⁴¹⁶ The President's News Conference with Prime Minister Tony Blair of the United Kingdom July 17, 2003 [Электронный ресурс] // Public Papers. 2003. P. 884. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2003-book2/pdf/PPP-2003-book2-doc-pg883.pdf> (Дата обращения 13.11.2023)

⁴¹⁷ Jervis R. Why the Bush Doctrine Cannot Be Sustained // Political Science Quarterly. 2005. №120. P. 351-377.

вашингтонского истеблишмента, которые поддерживали решение Буша об интервенции⁴¹⁸.

Аргументами теории гегемонистской стабильности после начала активной фазы войны в Ираке пользовалась бывшая «осторожный реалист» К. Райс, занимавшая в 2003 г. пост советника по национальной безопасности. В ее выступлениях американская интервенция в Ирак расценивалась как выполнение балансирующей миссии гегемона: «Стратегия национальной безопасности призывает Америку использовать нашу позицию непревзойденной силы и влияния для создания баланса сил, благоприятствующего свободе, — чтобы создать, по словам президента, “условия, в которых все нации и все общества могут выбирать для себя награды и вызовы политической и экономической свободы”». Она указывала, что нестабильность на Ближнем Востоке якобы представляла прямую угрозу для безопасности Америки. Райс в духе теории демократического мира утверждала: «Мир явно заинтересован в распространении демократических ценностей, потому что стабильные и свободные страны не порождают идеологии убийства. Они поощряют мирное стремление к лучшей жизни. И есть обнадеживающие признаки стремления к свободе на Ближнем Востоке». По ее мнению, от американской интервенции в конце концов выигрывало все международное сообщество⁴¹⁹.

Однако реакция в мире на события Войны в Ираке была совершенно иной. В работе британского исследователя Р. Хиннебуша «Война в Ираке и международные отношения: последствия для малых государств» (2006)⁴²⁰

⁴¹⁸ *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since ‘9/11’ // *International Politics*. 2023. №3. P. 1-22.

⁴¹⁹ Dr. Condoleezza Rice Discusses Foreign Policy [Электронный ресурс] // *Georgewbush-whitehouse.archives.gov*. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030807-1.html> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴²⁰ *Hinnebush R.* The Iraq War and International Relations: Implications for Small States // *Cambridge Review of International Affairs*. № 19(3). P. 451-463.

рассматривается резко негативный отклик на эту войну со стороны международного сообщества. В частности, Хиннебуш трактовал Иракскую войну как провал либеральной трактовки теории гегемонистской стабильности. Причиной провала было то, что гегемон выступил с агрессивных позиций, внося нестабильность и увеличив общую интенсивность конфликтности в мире. Нарушение режима международной безопасности осложнилось также общей нелегитимностью американских интервенций ввиду отсутствия санкций Совета безопасности ООН⁴²¹.

Как отмечал американский политолог Ш. Лом, Иракский конфликт обнажил пределы гегемонии США, вынудив американские вооруженные силы участвовать в долговременной оккупации, спровоцировав нестабильность на всем Ближнем Востоке и значительно усилив позиции Ирана. Кроме того, как считал исследователь, война запятнала имидж продвижения западной демократии, поскольку связала в сознании многих жителей Глобального Юга западные ценности с американской военной оккупацией⁴²².

По мнению Лома, односторонняя региональная политика Вашингтона маскировала глубокий двухпартийный консенсус в отношении того, что авторитарные режимы на Ближнем Востоке представляли собой экзистенциальную угрозу национальным интересам США. В экспертном сообществе того времени царил убеждение, что диктатуры воспитывали недовольных граждан, которых можно было соблазнить пропагандой террористических организаций. Также для американской элиты того времени было важным доверить дружественным демократиям Вашингтону защиту Израиля и разработку нефтяных запасов региона. Таким образом,

⁴²¹ Там же.

⁴²² *Lom S. G. Hegemony, Democracy, and the Legacy of the Iraq War* [Электронный ресурс] // Foreign Policy Research Institute. 2023. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2003-book2/pdf/PPP-2003-book2-doc-pg883.pdf> (Дата обращения 13.12.2023)

если бы Соединенным Штатам удалось спровоцировать волну демократизации Ближнего Востока, тогда благодарные народы и избранные ими новые правительства якобы с радостью помогли бы достичь долгосрочных целей американского истеблишмента⁴²³. Следует отметить, что подобная логика сохранилась в период президентского срока Б. Обамы, однако методы сменились с прямого военного вмешательства на провоцирование цветных революций в рамках т. н. «Арабской весны».

Обращает на себя внимание, что согласно американскому исследователю Т. Смигу представители неоконсервативного подхода, в том числе и аналитики PNAC, стремились привести к власти иракского политика А. Чалаби без проведения каких-либо свободных выборов. Политолог считал, что они рассматривали его приход к власти как способ быстрого вывода американских войск, что было важнее, чем демократизация Ирака, потому что основная задача по проверке и реформе американских вооруженных сил уже была выполнена. Однако, как отмечал Смит, Дж. Буш-младший отказался от этой инициативы по причине недоверия к Чалаби в Белом доме, слабости его авторитета в Ираке, а также из-за его связей с Ираном⁴²⁴.

В этот период в мировых СМИ начинают появляться многочисленные критические материалы о PNAC, обвинявшие «Проект» в контроле над администрацией Дж. Буша-младшего. Ответить на них должен был меморандум Р. Кейгана «Реакция на “Реальную цель Буша в Ираке”». В рамках меморандума Кейган отвечает на статью Дж. Букмана «Реальная цель президента в Ираке»⁴²⁵: «В статье в прошлое воскресенье было сделано замечательное открытие: доклад под названием

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ *Smith T.* A Pact with The Devil: Washington's Bid for World Supremacy and the Betrayal of the American Promise. NY: Routledge, 2007. 255 p.

⁴²⁵ Bookman J. The president's real goal in Iraq [Электронный ресурс] // The Atlanta Journal-Constitution. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://ratical.org/ratville/CAH/RRinIraq.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

“Восстановление обороноспособности Америки”, написанный для Проекта Новый американский век, “похоже, стал планом внешней и оборонной политики Буша”. Я был сопредседателем этих усилий, и мне жаль, что я не знал в сентябре 2000 г., когда был опубликован доклад, что наша работа будет настолько влиятельной, потому что до сих пор я понятия не имел, что она вообще имела какой-либо эффект... Я считаю, что события, произошедшие с тех пор, в полной мере оправдали озабоченность, выраженную нами в нашем докладе, и сделали необходимость выполнения наших рекомендаций более насущной, чем когда-либо. Я сожалею, что администрация Буша не отнеслась к ним более серьезно перед нападениями, и надеюсь, что они окажут некоторое влияние сейчас»⁴²⁶.

Кроме того, с момента начала Иракской войны ряд представителей проекта «Новый американский век» начали утверждать, что их организация якобы была отстранена от процесса принятия решений даже во время предвыборной кампании. «Обычно у кандидата в президенты — неважно, республиканец он или демократ — есть узкая группа советников и целая куча людей из центров и университетов, которые пишут различные меморандумы и докладные записки... У Буша все было по-другому. У него была узкая группа советников, а на всех остальных ему было наплевать. Буш и примерно восемь человек, принимавших решения, просто игнорировали весь широкий процесс принятия решений... Они думали, что все смогут сделать сами, и, как мы сейчас видим, они не смогли», — писал впоследствии участник РНАС Г. Шмит. С критикой администрации Буша после начала Иракской кампании выступили Р. Перл и К. Адельман⁴²⁷. В 2004 г. У. Кристал, один из основателей РНАС заявил, что министр

⁴²⁶ Reaction to 'Bush's Real Goal in Iraq [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2003. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030618063816/http://newamericancentury.org/defense-100602.htm> (дата обращения: 09.02.2024).

⁴²⁷ Parry N. NEO CULPA [Электронный ресурс] // Vanity Fair. 2007. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://archive.vanityfair.com/article/2007/1/neo-culpa> (дата обращения: 11.03.2022).

обороны Д. Рамсфелд не был «министром обороны, которого Буш хотел бы иметь до конца своего второго срока». Эксперты указывали на недостаточное количество войск, посланных американским министром обороны в Ирак, и призывали американскую администрацию выбрать иные стратегии по послевоенному устройству страны (в частности, указанную выше стратегию поддержки Чалаби). В 2007 г. Адельман заявлял об администрации Буша: «Они оказались одной из самых некомпетентных команд в послевоенную эпоху»⁴²⁸.

Тем не менее в начале второго срока Буша-младшего в обновлении Стратегии национальной безопасности 2006 г. был отражен ряд идей РНАС и положений теорий гегемонистской стабильности. Это проявилось, в частности, в следующем фрагменте, демонстрирующем претензии Вашингтона на исключительное право наносить превентивный удар: «Обстановка в области безопасности, с которой сегодня сталкиваются Соединенные Штаты, радикально отличается от той, с которой мы сталкивались раньше. Тем не менее, первая обязанность правительства Соединенных Штатов остается тем, чем она всегда была: защищать американский народ и американские интересы. Неизменным американским принципом является то, что эта обязанность обязывает правительство предвидеть и противодействовать угрозам, используя все элементы национальной мощи, прежде чем угрозы могут нанести серьезный ущерб. Чем больше угроза, тем выше риск бездействия – и тем убедительнее доводы в пользу принятия упреждающих мер для самозащиты, даже если остается неопределенность относительно времени и места нападения противника. Есть несколько более серьезных угроз, чем террористическая атака с применением оружия массового поражения. Чтобы предотвратить

⁴²⁸*Kristol W.* The Defense Secretary We Have [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2004 РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2004/12/15/the-defense-secretary-we-have/72a04e19-2343-44e5-96a7-af1413e102f4/> (дата обращения: 27.02.2024).

или предотвратить такие враждебные действия со стороны наших противников, Соединенные Штаты будут, в случае необходимости, действовать упреждающе в осуществлении нашего неотъемлемого права на самооборону. Соединенные Штаты не будут прибегать к силе во всех случаях для предотвращения возникающих угроз. Мы предпочитаем, чтобы невоенные действия увенчались успехом. И ни одна страна никогда не должна использовать упреждение в качестве предлога для агрессии»⁴²⁹.

В 2004-2006 гг. после усиления критических оценок, связанных с затягиванием Иракской кампании, проект «Новый американский век» продолжал свою деятельность уже в значительно меньших масштабах. В эти годы одной из основных тем для него стала критика руководства Российской Федерации. Опубликованное на фоне террористического акта в Беслане, 28 сентября 2004 г., «Письмо 100 о демократии в России» содержало призыв изменить политику Вашингтона в отношении Москвы и приступить к сдерживанию России⁴³⁰.

Кроме того, сотрудники РНАС выступали с активной поддержкой Гонконга и критикой китайской внешней политики. Одним из последних важных документов становится Письмо конгрессу об увеличении сухопутных сил, опубликованное 28 января 2005 г.⁴³¹. Однако в этот период инициативы «Проекта» уже не находили поддержки в администрации Дж.

⁴²⁹ The National Security Strategy 2006. Section 5 [Электронный ресурс] // [georgewbush-whitehouse.archives.gov](https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/print/sectionV.html) РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/print/sectionV.html> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴³⁰ An Open Letter to the Heads of State and Government of the European Union and NATO [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2004. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20071113200708/http://www.newamericancentury.org/russia-20040928.htm>

⁴³¹ Letter to Congress on Increasing U.S. Ground Forces [Электронный ресурс] // Library of Congress Web Archives. 2005. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20071113200551/http://www.newamericancentury.org/defense-20050128.htm>

Буша, озабоченной вероятным поражением на следующих промежуточных выборах и непопулярностью Иракской кампании⁴³².

В 2006 г. Г. Шмитт, бывший сотрудник PNAS, заявил: «Когда проект начинался, он не был предназначен для вечности. Вот почему мы закрываем его. Нам пришлось бы потратить слишком много времени на сбор денег для него, и он уже сделал свою работу, то есть “воскресил политику Рейгана” для Соединенных Штатов»⁴³³.

Проект «Новый американский век» нельзя считать аналитическим центром, созданным специально для идейного обеспечения администрации Дж. Буша, как об этом заявляли западные исследователи, в частности Р. Рейнольдс, Д. Вейсс. Руководство проекта поддерживало кандидатуру Дж. Маккейна на праймериз, критиковало администрацию Дж. Буша еще до Иракской кампании за вывод войск из Боснии. Также сама администрация неоднократно обращалась к другим мозговым центрам — Фонду «Наследие» и «Совету по международным делам». Однако невозможно согласиться и с заявлениями У. Кристола и Г. Шмитдта, что PNAS не имел никакого влияния, а его идеи игнорировались. Это можно трактовать как попытку реабилитировать идеи «Проекта», абстрагировавшись от непопулярной в США Иракской войны. Можно наблюдать, что практически все идеи, сформулированные членами PNAS в 1990-е гг., были

⁴³² Подробнее см. *Третьяков А. Д.* Деятельность аналитического центра "Проект За Новый американский век в Контексте Внешней Политики США (1997-2006) // Исторический Журнал: Научные Исследования, №. 1. 2023. С. 37–49.

⁴³³ *Reynolds P.* End of the Neo-Con Dream [Электронный ресурс] // BBC News. 2006. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/6189793.stm (дата обращения: 07.03.2023).

реализованы на практике в период президентства Б. Клинтона и Дж. Буша⁴³⁴.

Смена режима в Ираке, изложенная в «доктрине Вулфовица», давление на Сирию, изложенное в докладе «Чистый прорыв», четвертое расширение НАТО, выход из Договора о противоракетной обороне, восприятие Китая как вероятного противника, перенос американского внимания в Юго-Восточную Азию, идея приоритета американского лидерства над ООН, критическое восприятие России как угрозы американской гегемонии — все эти тезисы и проекты нашли свое реальное воплощение во внешней политике США.

В период с 1997 по 2006 г. вокруг PNAC сформировалась обширная сеть бывших и действующих чиновников высшего уровня, сотрудников спецслужб, аналитиков и журналистов, продвигавших неоконсервативную повестку и во многом реально формировавших видение будущего администрации Дж. Буша-младшего. Новаторство PNAC заключалось в том, что концепция агрессивного американского доминирования участники Проекта излагали открыто, вызвав этим негативную реакцию американского общества на фоне непопулярной Иракской кампании. Идеи гегемонии США были восприняты политическими элитами, но попытка сделать их идеологией широких масс провалилась на фоне военно-политических и экономических неудач Вашингтона. Тем не менее концепция «Американского века» не стала частью истории, а до сих пор определяет мировоззрение определенной части истеблишмента США. Даже в настоящий момент, несмотря на кризисный период американского

⁴³⁴ Подробнее см. *Третьяков А. Д.* Деятельность аналитического центра "Проект За Новый американский век в Контексте Внешней Политики США (1997-2006) // Исторический Журнал: Научные Исследования, №. 1. 2023. С. 37-49.

глобального лидерства, наследие проекта «Новый американский век» продолжает влиять на международную политику.

Теория гегемонистской стабильности в ее неоимперском варианте, продвигаемом PNAC, оказала значительное воздействие на формирование доктрины Буша, что отражено, в частности, в Стратегии национальной безопасности 2002 г. и работах идеологов политики 43-го президента США, таких как Дж. Йу, Р. Дермер, У. Кристал. В стратегических документах этого периода отчетливо прослеживается идея конструктивной роли Соединенных Штатов в качестве сильнейшей державы, способной в одностороннем порядке поддерживать устойчивость мировой системы, что соответствует реалистическому подходу к ТГС.

Тем не менее назвать теорию гегемонистской стабильности ключевой идейной основой доктрины Буша-младшего можно в меньшей степени, чем основой доктрины Клинтона. Это связано с тем, что экономический аспект политики 43-го президента США отличался от положений ТГС. Хотя администрация Буша поддерживала риторику об открытой и свободной международной торговле, она продвигала протекционистскую политику в области сельского хозяйства, а также тариф на сталь 2002 г. Сельскохозяйственный вопрос стал также одной из нерешенных проблем в рамках Дохийского раунда ВТО, что обозначило границы возможностей гегемона по стимулированию открытой международной торговли. Усилившийся дефицит текущего счета, возникший в результате значительного превышения импорта над экспортом, а также двукратного увеличения

В отношении КНР политика США на первом сроке Дж. Буша-младшего была в основном успешной. Пекин, обозначенный в Вашингтоне как «ответственное заинтересованное лицо» (responsible stakeholder), должен был по замыслу администрации Буша сдерживать Пхеньян и

продолжать интеграцию в «открытую мировую экономику». С учетом роста двусторонней торговли и частичной поддержки американских усилий на Ближнем Востоке, Поднебесная на время перестала восприниматься большинством экспертного сообщества США как главная угроза гегемонии.

Экономист П. Блюштейн впоследствии продвигал тезис о том, что вступление КНР в ВТО, государственная поддержка экспортных отраслей, а также заниженный курс Юаня позволили Пекину не просто успешно конкурировать на мировом рынке, но и нанесли существенный ущерб американской экономической гегемонии. Это явление было названо «китайским шоком» (The China Shock). Администрация Буша, по мнению Блюштейна, не осознавала данную опасность и упустила шанс сдержать экономическое развитие Китая⁴³⁵.

Кроме того, анализируя доктрину Буша-младшего с точки зрения теории гегемонистской стабильности американский политолог М. Ригстад пришел к выводу, что односторонние интервенции в Ирак и Афганистан стали примером т. н. «гегемонистской самоуверенности»⁴³⁶. Они ослабили собственный авторитет Соединенных Штатов, обеспечили многолетнюю нестабильность на Ближнем Востоке и, следовательно, противоречили основной цели гегемона с точки зрения ТГС.

При этом президентский срок Дж. Буша-младшего стал периодом максимально открытого использования гегемонистского дискурса со стороны американского внешнеполитического истеблишмента. Как показывают работы М. Ригстада, Ч. Дэвида, О.П. Иванова, публичное использование подобной риторики нанесло определенный урон

⁴³⁵ *Blustein P.* The Untold Story of How George W. Bush Lost China [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2019. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://foreignpolicy.com/2019/10/04/the-untold-story-of-how-george-w-bush-lost-china/> (дата обращения: 07.03.2024).

⁴³⁶ *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2009. № 12(3). С. 377-398.

моральному авторитету американской гегемонии. Можно сделать вывод о том, что, несмотря на периодические ссылки авторов и сторонников доктрины Буша на теорию гегемонистской стабильности, ее практическое воплощение в корне противоречило положениям указанной теории. Указанный тезис во многом совпадает с позициями большей части экспертного сообщества, рассуждающего о доктрине Буша с позиций ТГС. В период после завершения активных боевых действий и начала партизанской войны в Ираке значительная часть американских аналитиков отметила ослабление авторитета США, несмотря на победу на поле боя. Сторонники доктрины Буша, такие как Дж. Йу, Н. Дермер, Н. Щаранский и др. постепенно теряли свои позиции. В пользу этого свидетельствуют, в частности, критические высказывания против Иракской кампании представителей Проекта «Новый американский век», которые считались одними из идеологов доктрины.

Тем не менее, согласно Г. Лоффману, часть целей доктрины Буша-младшего остаются элементом большой стратегии США в настоящее время⁴³⁷. Этот парадоксальный вывод можно объяснить с помощью концепции американского политолога Дж. Монтена, согласно которой политика «виндикационизма», подразумевающая гегемонию посредством прямого одностороннего применения силы, при Б. Обаме лишь формально маскировалась возвратом к либеральному гегемонистскому дискурсу «лидерства посредством примера»⁴³⁸. При этом начали происходить глобальные изменения в международном балансе сил, на которые американская элита не успевала реагировать. Ошибка «гегемонистской самоуверенности» не была должным образом осмыслена, в результате чего

⁴³⁷ *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since 9/11 // *International Politics*. 2023. №3. P. 11.

⁴³⁸ *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U.s. Strategy // *International Security*. 2005. № 29. P. 123.

интервенция НАТО в Ливии привела к новому витку дестабилизации мировой системы.

По итогам президентского срока Дж. Буша-младшего состояние американской гегемонии изменилось. На этот процесс, по оценкам ряда экспертов, оказали влияние экономический кризис 2008 г. («Великая рецессия»), отсутствие достижений по итогам кампаний в Ираке и Афганистане, а также общее падение морального авторитета США.

В докладе американского эксперта Р. Халсмана «Сбор вишен: Предотвращение возникновения постоянного франко-германо-российского союза» (2003) момент окончания первой фазы войны в Ираке, в 2003 г. обозначался как первая угроза «однополярному моменту» США. По мнению Халсмана, американской гегемонии угрожал союз Франции в лице президента Ж. Ширака, который резко выступил против интервенции в Ирак, Германии в лице Г. Шредера и Российской Федерации в лице В. В. Путина. В докладе подобный союз иронично назван «Друзья Дорроти», чтобы отразить слабость всех участников по отдельности, но возможную угрозу их в совокупности для американского доминирования⁴³⁹.

Однако, как отмечал Халсман, благодаря стратегии Вашингтона эта угроза была оперативно устранена. Администрация Буша сделала ставку на более лояльные США восточноевропейские государства, которые Д. Рамсфелд в своей оговорке назвал «новой Европой». В 2004 г. произошло «пятое расширение НАТО», в результате которого в Североатлантический альянс вошли Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. Это закрепило союз Вашингтона с Восточной Европой, а также усилило влияние этих стран на вопросы атлантической безопасности. Подобный шаг создал очередной конфликтный фактор в российско-

⁴³⁹ *Hulsman J. Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance // The Heritage Foundation Backgrounder. № 1682. 2006. P 4.*

американских отношениях, став причиной дальнейшей дестабилизации мировой системы.

Важным событием в этом контексте стала речь Президента России В. В. Путина на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности, в которой подверглась критике односторонняя политика Соединенных Штатов, расширение НАТО, концепция гуманитарных интервенций и игнорирование российских интересов. Р. Гейтс, занявший в тот момент пост министра обороны США, впоследствии в своих мемуарах признавал справедливость претензий: «Чего я не сказал президенту, так это того, что, по моему мнению, отношения с Россией после 1993 г. развивались неправильно. Соглашения США с правительствами Румынии и Болгарии о ротации войск на базах в этих странах были «излишней провокацией. Попытка принять Грузию и Украину в НАТО была по-настоящему опрометчивой и представляла собой безрассудное игнорирование того, что россияне считали своими жизненно важными национальными интересами»⁴⁴⁰.

Тем не менее в 2008 г. на саммите Североатлантического Альянса в Бухаресте США вместе со странами Восточной Европы выступили за включение Украины и Грузии к Плану действия по членству в НАТО. Этот шаг, заблокированный Францией и Германией, по сути, означал отказ США от принятия во внимание российской позиции. В декларации по итогам саммита было заявлено, что «НАТО приветствует евроатлантические устремления Украины и Грузии к членству в Альянсе. Мы договорились, что эти страны станут членами НАТО»⁴⁴¹. Американские исследователи Р. Менон и У. Ругер в своей работе отмечают, что правящая элита США

⁴⁴⁰ Gates R. Duty. *Memoirs of a Secretary at War*. London: Ebury Publishing, 2014. Pp. 157–158.

⁴⁴¹ Bucharest Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008 [Электронный ресурс] // НАТО. 2008. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2008/04/03/bucharest-summit-declaration> (Дата обращения 13.12.2024)

предпочитала игнорировать опасения России, воспринимая ее как незначительную угрозу. В свою очередь, расширение НАТО давало Вашингтону контроль над Европой и позволяло предотвратить появление соперника в регионе⁴⁴².

В то же время вопрос ослабления морального авторитета гегемона, поднятый в результате затягивания Иракской кампании, стал еще более острым в конце второго срока Дж. Буша-младшего. Согласно данным опросов Германского фонда Маршалла, в регионе ЕС «желательность лидерства США» упала с 64 до 36% в период с 2002 по 2008 гг. В те же годы рейтинги поддержки президента Буша упали с 38 до 20%. Согласно опросам исследовательского центра Pew и Управления исследований Государственного департамента США, имидж Соединенных Штатов ухудшился почти повсеместно: в период с 2000 по 2007 г. благоприятные взгляды на США снизились с 78 до 30% в Германии, с 52 до 9% в Турции, с 50 до 16% в Аргентине, с 75 до 29% в Индонезии⁴⁴³.

Значительно изменилась и позиция американских граждан. Иракская кампания, первоначально поддержанная общественностью, потрясенной событиями 11 сентября и охваченной обещанием преобразовать Ближний Восток, становилась крайне непопулярной. По данным Gallup, процент американцев, считающих военную интервенцию в Ираке ошибкой, вырос с

⁴⁴² Menon R., Ruger W. *NATO enlargement and US grand strategy: a net assessment* // International politics. 2020. № 57. Pp. 371–400.

⁴⁴³ Global Public Opinion in the Bush Years (2001-2008) [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2009. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-https://www.pewresearch.org/global/2008/12/18/global-public-opinion-in-the-bush-years-2001-2008/> (Дата обращения 13.12.2023)

23% до 63% в период с 2003 по 2008 г. (в случае с Афганистаном сдвиг был менее значительным — с 9% до 28%)⁴⁴⁴.

Важным фактором в контексте анализа американской гегемонии стал российско-грузинский конфликт 2008 г., крайне скудно освещенный в западной научной литературе по международным отношениям. Как пишет в своей работе «Балансирование в однополярном мире: Пример российско-грузинского конфликта 2008 года» австралийский исследователь русского происхождения А. Королев, американское доминирование в мире перестало быть абсолютным после того, как сторона, формально поддержанная США потерпела поражение, а Россия победила в военном конфликте вопреки гегемону. По мнению автора произошла разбалансировка однополярного мироустройства, которая лишь усугубилась с продолжением возвышения Китая⁴⁴⁵.

Доклад американского военного аналитика, полковника Дж. Чики, опубликованный вскоре после рассматриваемых событий, подтверждал тезис Королева и демонстрировал обеспокоенность Вашингтона, вызванную успешным для РФ исходом конфликта. Автор доклада указывал на недостаточный авторитет США в регионе, призывал постсоветские страны переориентировать свои вооруженные силы на отражение угрозы со стороны России, а также, уже в 2009 г., отмечал целесообразность для США принятия в НАТО Финляндии и Швеции⁴⁴⁶. Эксперты американских аналитических центров пришли к выводу о том, что Вашингтон не обладал реальными инструментами влияния на Москву и не смог заставить

⁴⁴⁴ Fewer in U.S. View Iraq, Afghanistan Wars as Mistakes [Электронный ресурс] // Gallup. 2015. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://news.gallup.com/poll/183575/fewer-view-iraq-afghanistan-wars-mistakes.aspx> (Дата обращения 13.12.2023)

⁴⁴⁵ Korolev A. Balancing in a Unipolar World: The Case of the 2008 Russian-Georgian Conflict // Civilitas. 2011. № 3. Pp. 58–88.

⁴⁴⁶ Chicky J. The Russian-Georgian War: Political and Military Implications for U.S. Policy [Электронный ресурс] // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2009. [Электронный ресурс]. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.files.ethz.ch/isn/99825/jc09russiageorgia__2_.pdf (дата обращения: 30.04.2024).

российскую сторону пойти на уступки⁴⁴⁷. Политолог и специалист в области международной безопасности С. Бланк добавлял, что Белый дом готовился к конфликту и был предупрежден российской стороной о его вероятности, но ничего не предпринял ни во время боевых действий, ни впоследствии⁴⁴⁸. Он призывал рассматривать данный конфликт наряду с Иракской кампанией как ключевое политическое поражение администрации Буша⁴⁴⁹.

Хотя в западных исследования по теории международных отношений российско-грузинскому конфликту 2008 г. и его последствиям не уделяется должного внимания, представляется, что именно его можно рассматривать как одну из завершающих точек «однополярного момента». Так, согласно идее Краутхаммера, «однополярный момент» был состоянием, в рамках которого США обладали единоличным правом на принятие глобальных политических решений и, тем более, на ведение военных конфликтов. События августа 2008 г. ярко показали, что эта формула более не актуальна. Гегемон получил значительный репутационный урон в глазах постсоветских элит и более не смог в единоличном порядке выстраивать военно-политический аспект международной системы.

Мировой финансовый кризис 2008 г., получивший в западной историографии наименование «Великая рецессия» нанес еще более существенный урон сторонникам ТГС, но уже в экономической сфере. Обращает на себя внимание, что кризис начался с самого гегемона, государства, призванного укреплять стабильность мировой экономики. В своей статье «Соединенные Штаты проваливают теорию гегемонистской стабильности» (2009) американский экономист Д. Дрезнер утверждал, что

⁴⁴⁷ Charap S., Welt C. A New Approach to the Russia-Georgia Conflict [Электронный ресурс] // Center for American Progress. 2009. [Электронный ресурс]. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.americanprogress.org/article/a-new-approach-to-the-russia-georgia-conflict/> (дата обращения: 30.05.2024).

⁴⁴⁸ Blank S. America and the Russo-Georgian War // Small Wars & Insurgencies. 2009. № 20 (2). P. 426.

⁴⁴⁹ Там же. P. 443.

если Вашингтон действительно все еще является гегемоном на момент кризиса, то он должен был обеспечивать резервы ликвидности, стабилизацию рынка проблемных товаров и долгосрочное циклическое кредитование. Эти инструменты сдерживания кризисных явлений США применяли во время Азиатского финансового кризиса, но им не удалось сделать это в 2008 г.⁴⁵⁰

С ним соглашался британский экономист Л. Эллиот, который полагал, что «Великая рецессия» достигла значительных масштабов вследствие отказа США от роли финансового стабилизатора, которую они брали на себя в ходе предыдущих кризисов. Он полагал, что рассматриваемый кризис свидетельствует об ослаблении Вашингтона и может привести к новой войне за гегемонию с ключевой державой-конкурентом, т. е. с Китаем⁴⁵¹. П. Блюштейн полагал, что экономический кризис 2008 г. во многом дискредитировал западную модель экономического развития в глазах китайского руководства⁴⁵². Уже позднее, в 2021 г. известный теоретик международных отношений Ф. Фукуяма отметил, что «однополярный момент», провозглашенный Ч. Краутхаммером, продлился чуть менее 20 лет, с падения Берлинской стены в 1989 г. до финансового кризиса 2007-2009 гг.⁴⁵³.

Американский исследователь К. Лейн отмечал, что до осени 2007 г. большинство представителей американского внешнеполитического

⁴⁵⁰ *Drezner D.W.* The United States flunks hegemonic stability theory [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2009. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://foreignpolicy.com/2009/03/09/the-united-states-flunks-hegemonic-stability-theory/> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴⁵¹ *Elliot L.* Crash course: what the Great Depression reveals about our future [Электронный ресурс] // The Guardian. 2017. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.theguardian.com/society/2017/mar/04/crash-1929-wall-street-what-the-great-depression-reveals-about-our-future?CMP=fb_gu (дата обращения: 30.04.2024).

⁴⁵² *Blustein P.* The Untold Story of How George W. Bush Lost China [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2019. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://foreignpolicy.com/2019/10/04/the-untold-story-of-how-george-w-bush-lost-china/> (дата обращения: 07.03.2024).

⁴⁵³ *Fukuyama F.* Francis Fukuyama on the end of American hegemony [Электронный ресурс] // The Economist. 2021. August. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony> (дата обращения: 30.04.2024).

истеблишмента по-прежнему считали само собой разумеющимся, что первенство США сохранится в далеком будущем. Экспертные круги Соединенных Штатов по-прежнему были озабочены дебатами о перспективах «американской империи» и возможностях односторонних силовых акций после интервенции в Ираке и Афганистане. Однако, как указывал Лейн, к концу 2007 г. усилилось обсуждение возможности упадка американской экономики, а также сомнений по поводу долгосрочных перспектив доллара как резервной валюты международной системы⁴⁵⁴.

При этом Лейн считал, что с экономической точки зрения уже сомнительно, что Соединенные Штаты по-прежнему остаются гегемоном⁴⁵⁵. Он отмечал, что на саммите «Большой двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г. Президент США Б. Обама признал, что Вашингтон больше не способен сыграть эту роль и мир все чаще смотрит на Китай, Индию и другие государства с формирующимся рынком, как на локомотивы глобального восстановления⁴⁵⁶.

С Лейном отчасти соглашался американский политолог и бывший заместитель министра обороны Г. Элисон. Оценивая последствия «Великой рецессии», он выдвинул радикальное предположение о том, что начавшийся за кризисом период станет временем гегемонистского перехода и даже гегемонистской войны. Основываясь на работах Фукидида, Элисон предполагал, что США и КНР будут оспаривать гегемонию в новых условиях мировой нестабильности и подъем Китая неизбежно вызовет агрессивную реакцию Соединенных Штатов. Опираясь на предположения Ли Куан Ю, эксперт утверждал, что Пекин будет стремиться занять

⁴⁵⁴ *Layne K.* The Waning of U.S. Hegemony—Myth or Reality? A Review Essay // *International Security*. 2009. № 34 (1). P. 147–172.

⁴⁵⁵ Там же. P. 170.

⁴⁵⁶ *Sänger D. E., Landler M.* In Europe, Obama Faces Calls for Rules on Finances [Электронный ресурс] // *New York Times*. 2009. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2009/04/02/world/europe/02prexy.html> (дата обращения: 30.04.2024).

положение регионального гегемона в Азии. Он считал, что открытый конфликт двух стран вероятен вследствие наличия у обеих держав устойчивых нарративов о собственной исключительности. Хотя, по мнению Элисона, войну можно предотвратить, он указывал на неспособность американских властей донести до страны важность азиатских проблем и мысль о необходимости уступок в этом регионе⁴⁵⁷.

Однако экономисты М. Бизон и А. Брум предположили, что вместо того, чтобы сигнализировать об утрате мощи США, кризис 2008 г. на самом деле свидетельствовал о потенциале гегемонов генерировать системную нестабильность, перекладывая бремя адаптации на другие страны⁴⁵⁸. Этот аргумент представляется релевантным, в связи с тем, что Соединенным Штатам удалось сохранить основные инструменты своей гегемонии — материальную мощь государства, экономические институты и доллар в качестве основной резервной валюты, военные союзы, а также часть ценностного лидерства. Тем не менее, хотя тезис Бизона и Брума подтверждал сохранение гегемонии США, он четко противоречил теории гегемонистской стабильности и свидетельствовал о том, что гегемон перестал выполнять свою стабилизирующую функцию.

В целом «Великая рецессия» стала поводом для многочисленных работ с новой критикой теории гегемонистской стабильности⁴⁵⁹. Начал постулироваться тезис об угрозе экономической нестабильности вследствие привязки мировой экономики к американскому внутреннему

⁴⁵⁷ Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 383 p.

⁴⁵⁸ Beeson M., Broome A. Hegemonic instability and East Asia: Contradictions, crises, and US power // *Globalizations*. 2010. № 7(4). С. 507–523.

⁴⁵⁹ Gavris M. Revisiting the fallacies in Hegemonic Stability Theory in light of the 2007–2008 crisis: the theory's hollow conceptualization of hegemony // *Review of International Political Economy*. 2019. № 28(3). P. 739–760. Ipek P. Hegemony and Crisis in Global Political Economy: The Importance of Legitimacy [Электронный ресурс] // *Perceptions. Journal Of International Affairs*. 2013. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://sam.gov.tr/pdf/perceptions/Volume-XVIII/winter-2013/Pinar_Ipek.pdf (дата обращения: 30.04.2024). Heather B. Hegemonic instability: complex interdependence and the dynamics of financial crisis in the contemporary international system // *European Journal of International Relations*. 2017. № 27 (2). Pp. 369-402.

рынку. Постепенная утрата легитимности гегемонии была осознана американским руководством и в период президентства Б. Обамы. Как отмечал исследователь П. Рудольф, произошло возвращение к вильсоновско-клинтоновской традиции либерального мягкого гегемона. Дистанцируя свою администрацию от наихудших проявлений «войны с террором», президент Б. Обама попытался восстановить общую основу общих интересов и ценностей между США и теми странами, которые, как ожидается, последуют за американским руководством, особенно традиционные союзники США⁴⁶⁰. Тем не менее, пример операции в Ливии свидетельствовала о продолжении поддержки идеи целесообразности гуманитарных интервенций в мировоззрении американского истеблишмента.

Однако, несмотря на сохранение США своих ключевых гегемонистских атрибутов — военного и экономического первенства, системы союзов и глобальных институтов, закончилась эпоха «однополярного момента», которая характеризовалась рядом исследователей как «новая эпоха гегемонистской стабильности». Гегемон в лице Вашингтона стал причиной военно-политической нестабильности в ближневосточном регионе, а также во многом сам стал причиной экономического кризиса, который должен был предотвращать. Как представляется, исторический шанс Соединенных Штатов на осуществление «благожелательной гегемонии» был упущен, однако период с 1991 по 2009 гг. стал причиной серьезного осмысления возможности и целесообразности однополярного мироустройства в американском экспертном сообществе. Идеи и тезисы, высказываемые в то время, когда для реализации политики США существовали минимальные преграды,

⁴⁶⁰ *Rudolf P.* Liberal Hegemony and US Foreign Policy under Barack Obama [Электронный ресурс] // Swp-berlin. 2008. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C40_rdf.pdf (дата обращения: 26.04.2021).

наложили значительный отпечаток на всю американскую стратегическую культуру.

Как представляется, высокая степень взаимопроникновения экспертных кругов и истеблишмента США обеспечила знакомство американской политической элиты с ключевыми положениями данной теории, которая стала важным аргументом в их стремлении к единоличной власти над миром. В 2012 г. американский политолог К. Лейн выразил это следующим образом: «сохранение гегемонистской роли Соединенных Штатов в однополярном мире было важнейшей стратегической целью каждой администрации после холодной войны, от Дж. Буша-старшего до Б. Обамы»⁴⁶¹.

Стратегические документы, статьи и речи американских политиков демонстрируют использование аргументации ТГС в разных вариантах. Период первого срока У. Клинтона можно расценивать как продвижение либерального варианта теории гегемонистской стабильности, основанного на псевдо-многостороннем подходе, ценностном лидерстве и внимании к международным институтам. Политика администрации Дж. Буша-младшего продемонстрировала реалистический подход к ТГС, когда гегемон стремится к переустройству мира с опорой на свои материальные возможности. Несмотря на существенные издержки и формальную смену подхода, теория гегемонистской стабильности сохранила свою значимость для стратегической культуры Соединенных Штатов.

⁴⁶¹ *Layne C.* This time it's real: The end of unipolarity and the «Pax Americana» // *International Studies Quarterly*. 2012. № 56 (1). P. 204.

Глава 3. Осмысление экспертным сообществом США гегемонистской стабильности в постбиполярном мире

По оценкам ряда исследователей, в частности экономиста Б. Коэна, теория гегемонистской стабильности в 1990-е гг. считалась частью американского экспертного сообщества, разделяющей глобалистский (либерально-интернационалистский, вильсоновский) подход, устаревшим предметом дебатов в рамках международной политической экономики⁴⁶². ТГС воспринималась ими как потерявший актуальность спор об ослаблении американского лидерства в 1980-е гг., а также о причинах мировой экономической стабильности в период Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы. После окончания холодной войны эта теория казалась многим исследователям международных отношений недостаточно современной и слабо соответствующей новым условиям, в которых оказались Соединенные Штаты после самоустранения их основного конкурента — Советского Союза.

Однако экономическое возрождение США при администрации У. Клинтона, которое привело к тому, что ежегодный дефицит федерального бюджета в 1998-2001 гг. уступил место профициту, стало причиной возрождения интереса к теории гегемонистской стабильности. Сторонники конструктивной роли американской гегемонии утверждали, что американская экономика достаточно надежна, а усилия Вашингтона, согласно основным положениям ТГС, делают международную торговлю более свободной и предотвращают масштабные военные конфликты между государствами. В начале 2000-х гг. многие американские эксперты приняли ТГС в качестве теории с высоким объяснительным потенциалом, которая

⁴⁶² *Cohen B.* International Political Economy: An Intellectual History. New Jersey: Princeton University Press. 2008. P. 68.

давала понятную трактовку продолжающемуся доминированию Соединенных Штатов⁴⁶³.

В этот период в ходе дебатов в американском экспертном сообществе, обсуждались следующие вопросы: «Можно ли зафиксировать наличие глобальной гегемонии США и однополярный характер мировой системы? На что опирается американская гегемония? Играет ли она конструктивную роль, поддерживая международную стабильность? Ослабнет ли она со временем и какие причины могут на это повлиять?» В данном исследовании на основе указанных вопросов выделяются шесть подходов, которые характеризовали позиции ведущих американских аналитиков в период с 1991 по 2009 гг. (См. Приложение 1).

3.1. Позиции сторонников ТГС

В рамках данной работы в качестве первого подхода американских экспертов к теории гегемонистской стабильности в постбиполярную эпоху представляется целесообразным рассмотреть взгляды исследователей-реалистов, поддерживающих ТГС. В то время, как большинство аналитиков, оценивающих трансформацию международных отношений после окончания холодной войны с позиций реализма, считали «однополярный момент» краткосрочным явлением и предполагали рост сопротивления гегемонии США, ряд исследователей придерживались альтернативного видения происходящего. Реалисты из числа сторонников ТГС во многом опирались на труды Р. Гилпина, С. Краснера и М. Уэба, постулируя необходимость державы-гегемона для обеспечения мировой стабильности. В частности, С. Брукс и У. Уолфорт ввели понятие

⁴⁶³ *Vanderputten F., Rood J., Meijnders M. Great powers and global stability. Hague: Clingendael Monitor, 2016. P. 7.*

«однополярной стабильности», которое подчеркивало особое, никем не оспариваемое положение Вашингтона в постбиполярную эпоху.

Взгляды реалистов-сторонников ТГС отличает их тезис об отсутствии силового и финансового противовеса американской гегемонии, что объясняется выгодами в области безопасности и экономики от ее наличия. Ссылаясь на теорию баланса угроз, представители этого направления утверждали, что Соединенные Штаты свели на нет контргегемонистское балансирование путем принятия адаптивной политики, которая якобы смягчила страхи других стран перед американским доминированием. Подобная позиция, идущая вразрез со взглядами большинства представителей неореализма (К. Уолтц, К. Лейн) и классического реализма (Дж. Миршаймер, П. Кеннеди), получила значительную популярность в американском экспертном сообществе в 1990-е гг. и в начале XXI века⁴⁶⁴.

Одними из первых американских исследователей, вернувшихся к активному обсуждению не только проблемы американской гегемонии, но и конкретно теории гегемонистской стабильности, стали профессор Дартмутского колледжа М. Мастандуно и профессор Колумбийского университета М. Шитц. В 1997 г. в своей работе «Обсуждение однополярного момента» они четко связали порядок, сложившийся после холодной войны, с ТГС. Ученые отмечали, что стратегия США, соответствует «ожиданиям теории гегемонистской стабильности более полно, чем стратегии других стран. Они также указывали на то, что прогнозы реалистов-скептиков о тщетных попытках Вашингтона удержать

⁴⁶⁴ Подробнее см. *Сидоров А. А., Третьяков А. Д.* Взгляды американских реалистов на теорию гегемонистской стабильности в постбиполярный период (1991–2009 гг.) // Клио. 2025. № 6. С. 115–123.

свою гегемонию не сбылись, в то время как положения ТГС реализовывались на практике⁴⁶⁵.

В частности, М. Мастандуно характеризовал сложившуюся после холодной войны международную систему как «однополярную» и утверждал, что «Соединенные Штаты являлись страной отдельной категории»⁴⁶⁶. По его мнению, Вашингтон стремился сохранить свое доминирующее положение среди союзников и интегрировать противников эпохи холодной войны «в международный порядок, с центром в США»⁴⁶⁷. Как отмечал Мастандуно, более точное описание поведения гегемона, соответствующее теории гегемонистской стабильности, было трудно найти. Как признавал исследователь, погоня за первенством побуждала Соединенные Штаты быть «стабилизатором последней инстанции»⁴⁶⁸.

Обращает на себя внимание позиция Мастандуно, согласно которой при ослаблении государства-гегемона их способность и стремление поддерживать систему ослабевает. Приходящие в упадок гегемоны пытаются сократить свою долю затрат на обеспечение общественных благ, налагая бремя на союзные страны и больше заботясь о своих узких интересах даже под угрозой стабильности системы.

Рассматривая политику США в 1990-е гг., М. Шитц ссылаясь на работы Мастандуно и полемизировал со сторонниками теории баланса сил, которые считали невозможным долгое удержания гегемонии и указывали на рациональное стремление могущественных государств к равновесию. Шитц, в свою очередь, ссылаясь на трактовку ТГС Р. Гилпина и утверждал, что гегемония, вероятно, не падет сама по себе, а будет разрушена только в

⁴⁶⁵ *Mastanduno M. Sheetz M. Correspondence: debating the unipolar moment // International Security. 1997. № 22/3. P. 168–169.*

⁴⁶⁶ Там же. P. 169.

⁴⁶⁷ *Mastanduno M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and U.S. Grand Strategy after the Cold War // International Security. 1997. № 21 (4). Pp. 66.*

⁴⁶⁸ Там же. P. 87.

результате гегемонистской войны. Внешнеполитический курс Вашингтона, по мнению исследователя, демонстрировал стремление к расширению своих функций в мировой системе, что выражалось в усилиях по расширению НАТО⁴⁶⁹ (которые через два года после публикации статьи были реализованы), а также к готовности к конфронтации с КНР в рамках поддержки Тайваня⁴⁷⁰. Интервенцию Соединенных Штатов в Боснии, по мнению Шитца, также нельзя было объяснить ни теорией баланса сил, ни теорией баланса угроз, по той простой причине, что здесь не было ни соответствующих сил, ни угрозы, которую можно было бы сбалансировать. Однако такие инициативы объяснялись теорией гегемонистской стабильности как усилия гегемона сохранить статус-кво.

В ходе анализа экономической политики Соединенных Штатов Шитц отмечал угрозы экономического возмездия и попытки заставить другие страны разделить с Вашингтоном бремя поддержания мирового порядка. Он указывал на то, что теория гегемонистской стабильности в изложении Р. Гилпина трактовала такое поведение гегемонов, как попытку свести к минимуму бремя лидерства, взимая дань с зависимых государств⁴⁷¹. При этом ассиметричные торговые отношения США с Китаем и Японией объяснялись Шитцем как готовность гегемона оплачивать затраты на коллективные блага для поддержания стабильного либерального экономического режима. Соединенные Штаты, по их мнению, действовали как рынок последней инстанции, предоставляя доступ к своему большому

⁴⁶⁹ Здесь Мастандуно полемизирует с Шитцем, указывая на то, что расширение НАТО можно трактовать как нарушение гегемоном статуса-кво, что не соответствует логике ТГС.

⁴⁷⁰ *Mastanduno M. Sheetz M. Correspondence: debating the unipolar moment // International Security. 1997. № 22/3. P. 172.*

⁴⁷¹ *Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 2010. P. 139, 169, 188, 233.*

внутреннему рынку в целях поддержания свободной торговли и подавления протекционистских импульсов.

Шитц пришел к выводу, что теория гегемонистской стабильности не только дает единственное объяснение политике безопасности и экономическому курсу США после холодной войны, но также показывает причины ряда аномалий, не очевидных с точки зрения теорий баланса угроз и баланса сил. Эксперт считал, что ТГС представляет собой превосходное объяснение политики США после распада СССР⁴⁷². Таким образом, во второй половине 1990-х гг. исследователи возродили активное обсуждение теории гегемонистской стабильности среди представителей реалистического подхода к международным отношениям.

Свое мнение в контексте роли американской гегемонии в постбиполярную эпоху высказал в 1992 г. бывший президент США Р. Никсон. Он указал на то, что Соединенные Штаты после окончания холодной войны являлись единственной сверхдержавой в мире, а их внешняя политика должна была адаптироваться к «радикально новой среде». Никсон также подчеркнул, что ответом многих левых и правых на тот момент могла быть склонность к изоляционизму. Это была бы, по мнению политика, безрассудная реакция. Вместо этого он заявил, что «американское мировое лидерство будет незаменимо в ближайшее десятилетие», как показали «американские горки» событий, произошедших после. Никсон выступал против «трех мифов»: «мифа о конце истории», выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой, «мифа о неуместности военной мощи» и «мифа об упадке Америки».

В качестве большой стратегии Никсон предлагал прибегнуть к реалистической иерархии национальных интересов («жизненно важных,

⁴⁷² Mastanduno M. Sheetz M. Correspondence: debating the unipolar moment // International Security. 1997. № 22/3. P. 172.

критических и второстепенных»). Он заявлял: «Наша общая стратегия безопасности должна сопоставить то, что мы будем делать для защиты интересов, с их стратегической важностью». Следовательно, ценности Соединенных Штатов и их непреходящие интересы должны были служить руководством к трем жизненно важным интересам: «выживанию демократических государств», а также «экономическому процветанию посредством свободной торговли» и «поддержке демократических политических режимов». Все эти интересы должны были сдерживаться издержками и рисками, связанными с их реализацией, осознанием пределов американской мощи⁴⁷³. Несмотря на готовность Никсона признать определенные ограничения американского влияния, его позиция отражает принятый в американском истеблишменте тезис о том, что национальные интересы США после холодной войны якобы должны были включать в себя контроль над глобальной системой. В соответствии с этим тезисом государства, не принимавшие американскую модель развития, при администрации Буша-мл. уже рассматривались как угроза американской национальной безопасности.

Профессор Дартмутского колледжа У. Уолфорт считал, что «однополярный момент», наступивший в 1990-е гг. является уникальной гегемонистской системой⁴⁷⁴. Он отмечал, что Европа не испытывала панъевропейской гегемонии со времен падения Рима, а мир во времена *Rex Britannica* был скорее многополярным, чем гегемонистским, и характеризовался активным соперничеством держав, а не стабильностью⁴⁷⁵. Отвергая идею о ранних гегемонах, таких как Нидерланды, Испания и Португалия, он утверждал, что степень их доминирования была даже

⁴⁷³ *Nixon R.* Seize the moment: America's challenge in a one-superpower world. NY: Simon & Schuster. 1992. P. 24, 21, 33, 37.

⁴⁷⁴ *Wohlfort W.* The Stability of a Unipolar World // *International Security*. 1999. № 24 (1). P. 5-41. № 24 (1). P. 37.

⁴⁷⁵ Там же. P. 26.

меньше, чем у Великобритании. Эксперт отмечал, что Соединенные Штаты обладают гораздо большим преимуществом над следующим по силе государством или, по сути, всеми другими великими державами вместе взятыми, чем любое ведущее государство за последние два столетия. Таким образом, по мнению Уолфорта, США после окончания холодной войны получили уникальный исторический шанс на создание стабильной международной системы с единым центром. Для этого Вашингтон имел решающий перевес над любыми конкурентами в военном, экономическом, технологическом и геополитическом аспектах.

В своей статье «Стабильность однополярного мира» (The Stability of a Unipolar World) (1999), перефразируя название работы классика неореализма К. Уолтца «Стабильность биполярного мира» (1964), Уолфорт подчеркнул особое значение концепции гегемонии и конкретно теории гегемонистской стабильности. Уолфорт также указал на обоснованность концепции однополярного мира: «В 1990 г. два государства могли быть оценены как два полюса. Одного больше нет. Никакого нового полюса не появилось: $2 - 1 = 1$. Система однополярна»⁴⁷⁶.

Уолфорт приводил ряд статистических данных, чтобы доказать этот тезис (См. Таблицу 2). Он отмечал, что относительная мощь США в конце 1990-х гг. сравнивается с мощью Британии на пике ее развития, а также с самими Соединенными Штатами в биполярный период. Экономическое превосходство Вашингтона сопоставимо только с его собственным доминированием в начале холодной войны — когда, как указывал Уолфорт, экономика любой другой крупной державы была либо истощена, либо физически разрушена недавней мировой войной, — а военное

⁴⁷⁶ Там же. Р. 10.

превосходство США затмевало достижения любого ведущего государства в мире.

Валовой внутренний продукт в процентах от «гегемона»								
Год	США	Великобритания	Россия	Япония	Австрия	Германия	Франция	Китай
1870 г.	108	100	90	нет	29	46	75	нет
1950 г.	100	24	35	11	нет	15	15	нет
1985 г.	100	17	39	38	нет	21	18	46
1997 г. (ППС)	100	15	9	38	нет	22	16	53
1997 г. (Обменный курс)	100	16	5	50	нет	25	17	10
Военные расходы в процентах от «гегемона»								
Год	США	Великобритания	Россия	Япония	Австрия	Германия	Франция	Китай
1870 г.	68	100	120	нет	44	65	113	нет
1950 г.	100	16	107	нет	нет	нет	10	нет
1985 г.	100	10	109	5	нет	8	8	10
1997 г.	100	13	26	17	нет	14	17	13
Силовые возможности (Power Capabilities, COW) как % от «гегемона» ⁴⁷⁷								
Год	США	Великобритания	Россия	Япония	Австрия	Германия	Франция	Китай
1870 г.	50	100	50	нет	27	50	60	нет
1950 г.	100	37	103	нет	нет	3	21	нет
1985 г.	100	22	167	56	нет	28	22	156
1997 г.	100	14	43	36	нет	21	18	118

Таблица 2. Сравнение гегемона с его потенциальными конкурентами.

Источник: Wohlfort W. The Stability of a Unipolar World // International Security. 1999. № 24 (1). С. 11.

Даже сводный индекс проекта «Корреляты войны» (COW), который отдает предпочтение государствам с особенно большой численностью населения и промышленно развитой экономикой, показывал улучшение относительного положения Соединенных Штатов с середины 1980-х гг. При этом обращает на себя внимание, что в 1985 г. СССР якобы на 67 %

⁴⁷⁷ Индекс COW объединяет следующие показатели с равными весами: общая численность населения, городское население, потребление энергии, производство железа и стали, военные расходы и военный персонал.

превосходил США по данному показателю. Но к 1997 г. Москва уже более чем в два раза уступала Вашингтону.

Уолфорт выдвигал тезисы, соответствующие теории гегемонистской стабильности. В частности, он полагал, что колоссальное преимущество США в военном, экономическом, технологическом и геополитическом аспектах должно было максимально усложнить попытки других государств оспорить создаваемый ими миропорядок. При этом роль Вашингтона в качестве системного лидера, а также создаваемые им правила, должны были свести на нет потенциальные региональные конфликты.

Также, по мнению Уолфорта, гегемония США должна была отличаться стабильностью и просуществовать как минимум не меньше, чем существовала биполярная система. Он полагал, что в течение многих десятилетий ни одно государство, вероятно, не будет в состоянии конкурировать с Соединенными Штатами в любом из основных элементов власти. При этом Вашингтон, отделенный двумя океанами от всех других крупных государств, сможет сохранять свои преимущества, в то время как для потенциальных конкурентов — Японии, Китая, Германии и России можно будет создать региональные противовесы задолго до того, как будут способны бросить вызов США⁴⁷⁸.

Уолфорт прогнозировал, что политика Вашингтона в качестве гегемона будет носить гораздо более интервенционистский характер, чем у его предшественников. Он объяснял это якобы имевшимся спросом глобального сообщества на американское лидерство, которое возникло сначала в Европе и Восточной Азии после Второй мировой войны, а затем, в постбиполярную эпоху, якобы распространился на весь мир. Уолфорт считал, что если Соединенным Штатам не удастся воплотить свой потенциал гегемона, сделать бесполезными попытки контргегемонии и

⁴⁷⁸ Там же. Р. 9.

обеспечить порядок во всех проблемных регионах мира, тогда борьба великих держав за власть возобновится раньше. При этом исследователь предполагал, что из-за военного превосходства американской стороны, потенциальные конкуренты не будут стремиться соперничать с США в этой сфере, что должно обеспечить относительно низкие затраты на гегемонию как со стороны самого доминирующего государства, так и его ближайших союзников⁴⁷⁹.

Впоследствии, в своей работе «Разбалансированный мир: международные отношения и вызов американского превосходства» (*World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*) (2008) Уолфорт совместно с политологом С. Бруксом продолжил продвигать свой тезис об устойчивости однополярного мира и гегемонии США⁴⁸⁰. Авторы соглашаются с тезисом М. Шитца и М. Мастандуно о том, что теории баланса сил и баланса угроз неспособны объяснить политику Вашингтона в постбиполярную эпоху. Согласно Бруксу и Уолфорту, все законы балансирующего поведения (то есть попытки ограничить американского гегемона) со стороны других государств якобы стали неактуальными, учитывая беспрецедентный уровень концентрации власти в США, невиданный за последние три столетия.

По их мнению, при той степени влияния Вашингтона на международную систему, которая имела место к 2008 г., как жесткое, так и мягкое балансирование обходилось бы потенциальным конкурентам слишком дорого, чтобы стать системным ограничением политики Соединенных Штатов. Они утверждали, что другие государства могут выступать за «многополярность» риторически, но они одновременно стремятся воспользоваться преимуществами сотрудничества с США и,

⁴⁷⁹ Там же. Р. 40.

⁴⁸⁰ *Brooks S. J. Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. New Jersey: Princeton University Press, 2008, 226 p.*

следовательно, не будет выступать против американской гегемонии на деле⁴⁸¹. Их аргумент был основан на тезисе об альтернативных издержках. Брукс и Уолфорт опирались на идеи Р. Гилпина и его работу «Война и изменения в мировой политике» и утверждали: «В конце концов, сдерживание Соединенных Штатов — не единственная мотивация других государств. Они стремятся к экономическому росту, обеспечению своей безопасности и другим целям, которые могут быть поставлены под угрозу попытками ослабить Вашингтон, особенно если эти попытки провоцируют возмездие»⁴⁸².

Таким образом, как считали Уолфорт и Брукс, отсутствие серьезного балансирующего поведения со стороны растущих держав было не временным затишьем, а постоянным свойством новой гегемонистской системы. Они скептически относились к перспективам Китая и отвергали идею о том, что КНР может стать жизнеспособным противовесом гегемонии Соединенных Штатов в течение какого-либо значимого периода времени⁴⁸³.

Авторы критиковали либеральный подход и считали, что концепции сложной взаимозависимости Кеохейна и Ная, а также идея важности репутации в международных институтах также не стали сдерживающим фактором для ряда односторонних действий Белого дома в период президентского срока Дж. Буша-младшего. Поскольку Соединенные Штаты уделяли гораздо меньше внимания системным ограничениям, чем обычно предполагали сторонники либерального подхода, Уолфорт и Брукс предлагали размышлять о том, как Соединенные Штаты могли бы

⁴⁸¹ Там же. Р. 62–63.

⁴⁸² Там же. Р. 63.

⁴⁸³ Там же. Р. 40–45.

использовать свою мощь, чтобы изменить элементы международной системы в своих долгосрочных интересах.

Эксперты отмечали, что Соединенные Штаты как гегемон стремятся не только к поддержанию своего влияния и мировой стабильности, но и к установлению демократических политических режимов во всем мире. Это, с точки зрения американской элиты, приверженной теории демократического мира и теории гегемонистской стабильности, должно было увеличить устойчивость системы с помощью общности ценностей. При этом в конце своего исследования Брукс и Уолфорт критиковали подход администрации Дж. Буша-младшего как недостаточно дальновидный и предлагали уделять больше внимания союзникам США. В итоге исследователи предполагали, что усилия Вашингтона по продвижению демократии могут увенчаться успехом и стать основой стабильной международной системы.

Авторы считали, что у Соединенных Штатов есть как возможность, так и стимул использовать свою гегемонию для конструктивного изменения международной системы путем совершенствования «международных институтов, стандартов легитимности и экономической глобализации»⁴⁸⁴. В однополярном мире Вашингтон якобы мог улучшать международную систему по своему усмотрению, не опасаясь контргегемонистской реакции других государств⁴⁸⁵. Ссылаясь на Э.Х. Карра, Брукс и Уолфорт утверждали, что США следовало воспользоваться «двадцатилетней возможностью», которая у них теперь есть, чтобы радикально изменить

⁴⁸⁴ Там же. Р. 209.

⁴⁸⁵ Там же. Р. 216.

международную систему, сделав ее устойчивой и оптимальной для продвижения своих интересов и видения мировой безопасности⁴⁸⁶.

Американские теоретики международных отношений Дж. С. Леви и У. Томпсон, проводящие анализ как с позиций мир-системного подхода, так и с позиций реализма, предлагали свои объяснения гегемонистской стабильности в постбиполярную эпоху. До начала 2000-х гг. исследователи придерживались основной реалистической парадигмы, согласно которой гегемонистская стабильность теоретически невозможна, поскольку другие государства будут уравнивать ее⁴⁸⁷. Однако к концу десятилетия оба занялись поиском причин нынешней гегемонистской стабильности⁴⁸⁸. В их понимании отсутствие балансирующей коалиции, бросающий вызов США связано с неправильным пониманием теории баланса сил. Последняя, по мнению исследователей, применима только к Европе как к замкнутой региональной системе. Также они считали, что ведущие морские державы отличаются от ведущих континентальных держав своими целями, стратегиями и поведением, а также реакцией, которую они вызывают у других ведущих государств.

Ученые полагали, что против Соединенных Штатов будет развиваться «мягкое уравнивание», выраженное не в открытом военном союзе, а в наборе скрытых или неявных действий, направленных на ослабление американской гегемонии. При этом, ссылаясь на работы политологов Ч. Глейзера⁴⁸⁹ и Ч. Майера⁴⁹⁰ они утверждали, что многогранный и исторически беспрецедентный характер преимуществ

⁴⁸⁶ Там же. P. 218.

⁴⁸⁷ *Levy J. Thompson W. Balances and balancing: concepts, proposition and research design / Realism and the Balancing of Power: A New Debate. New Jersey: Prentice Hall, 2003. P. 37, 131, 133.*

⁴⁸⁸ *Levy J. Thompson W. Balancing on land and at sea: do states ally against the leading global power // International Security. 2010. № 35 (1). P. 8.*

⁴⁸⁹ *Glaser C. Realists as Optimists: Cooperation as Self-Help // Security Studies. 1996. № 5 (3). Pp. 122–163.*

⁴⁹⁰ *Maier C. In Search of Stability: Explorations in Historical Political Economy. Cambridge University Press. 1987. 291 p.*

США в материальных возможностях позволял Вашингтону оказывать свое влияние, не угрожая жизненно важным интересам других государств. Стабильный и не представляющий угрозы характер американской гегемонии подкреплялся, по их мнению, географической изоляцией Соединенных Штатов и отсутствием стремления Вашингтона к территориальным приобретениям.

Американский политолог Р. Джервис, внесший значительный вклад в изучение психологического аспекта международных отношений, выступал с умеренной критикой политики 43-го президента США. Однако он считал, что односторонний подход к национальной безопасности являлся якобы лучшим способом содействия глобальной безопасности. С его точки зрения, это было оптимальным политическим курсом, поскольку США во всех аспектах являлись государством-гегемоном и должны были выполнять роль мирового полицейского. Также он полагал, что идея смены режимов и экспорта демократии связана с глубокими укорененными американскими традициями, провозглашенными В. Вильсоном. Он считал, что любое могущественное государство воспринимает свои ценности как универсальные, а их распространение как миссию, полезную для всего мира⁴⁹¹. Таким образом, по мнению автора, оправдание американской исключительности заключалось в безусловной, для любого гегемона, вере в свою правоту. В 2005 г. Джервис писал, что точно так же, как Вильсон стремился «научить страны Латинской Америки выбирать хороших людей», так и Буш принесет свободные рынки и свободные выборы в государства, где их нет⁴⁹². Таким образом, Джервис указывал на то, что доктрина Буша-младшего имеет гораздо более глубокие корни, чем теория

⁴⁹¹ *Jervis R. Why the Bush Doctrine Cannot Be Sustained // Political Science Quarterly. 2005. №120. P. 365.*

⁴⁹² *Jervis R. Understanding the Bush Doctrine // Political Science Quarterly, № 118 (3). 2003. P. 366.*

гегемонистской стабильности, хотя научнообразные аргументы ТГС о стабилизирующей роли гегемона усиливали ее.

В контексте взглядов реалистов-оптимистов представляется целесообразным упомянуть работу американского историка П. Шредера «Мираж империи против обещания гегемонии» (2004). В ней он систематически сравнивал концепции империи и гегемонии. Империя понималась им как доминирование, основанное на односторонних действиях и нарушении суверенитета как союзников, так и противников, что впоследствии коррелировало с подходом ряда неоконсерваторов. Империя также предполагала политический контроль имперского государства над населением других стран, чаще неформальный, чем прямой. Гегемония, с точки зрения Шредера, напротив, это «признанное лидерство и преобладающее влияние одной державы в сообществе политических единиц, не подчиненных единой власти». Империи нацелены на правление, а гегемонии на управление. Решения первых императивны, а вторых просто незаменимы. Кроме того, гегемония, по его мнению, полностью совместима с современной международной системой, состоящей из автономных государств, юридически равных по статусу, хотя и не по силе, тогда как империя не совместима с ней⁴⁹³.

Кроме того, реалисты из числа сторонников теории гегемонистской стабильности активно полемизировали со своими коллегами по вопросу жизнеспособности американской гегемонии. В частности, американский политолог Б. Тайер стремился доказать отсутствие упадка однополярной системы и конструктивную роль Вашингтона в ней. В 2006 г. в своей работе «В защиту первенства» (*In Defense of Primacy*) Тайер отмечал процесс «стабилизации мира», возражая критикам политики США. Исследователь

⁴⁹³*Schroeder P.W. The Mirage of Empire Versus the Promise of Hegemony / Systems, Stability, and Statecraft Essays on the International History of Modern Europe. London: Palgrave Macmillan, 2004. P. 297–305/*

указывал на то, что из 192 стран-членов ООН 84 являются верными союзниками Америки, при этом в их число входят почти все развитые экономики мира. Совокупное соотношение ВВП американских союзников и самих Соединенных Штатов по сравнению с остальным миром по подсчетам Тайера составляло почти 17 к 1, что являлось большим изменением по сравнению с периодом холодной войны, когда то же соотношение составляло примерно 1,8 к 1. Политолог считал, что никогда прежде в истории ни одна страна не имела такого количества союзников, что свидетельствовало в пользу стабилизирующей роли американского гегемона. При этом именно государственная мощь Соединенных Штатов якобы являлась гарантом эффективности и востребованности либеральных международных институтов⁴⁹⁴.

Обращает на себя внимание, что Тайер выделял в качестве потенциального контргегемонистского альянса т. н. «банду пяти» (Gang of Five) — Китай, Кубу, Иран, Северную Корею и Венесуэлу. При этом он считал, что Пекин получал выгоды от американоцентричного миропорядка, а в случае смены режима в Тегеране, Гаване и Пхеньяне эти страны снова будут лояльны Вашингтону. Хотя политолог отмечал слабость этой гипотетической коалиции, он предупреждал о потенциальной «войне великих держав» и указывал на то, что США как мировой полицейский предотвращают этот, самый разрушительный вид конфликтов. Кроме того, Вашингтон был также «мировым спасателем», о чем, по мнению Тайера, свидетельствовали объемы американских усилий по ликвидации

⁴⁹⁴ *Thayer B.* In defense of primacy // *National Interest*. 2006. № 86. P. 34.

последствий землетрясения в Юго-Восточной Азии в 2004 г. и в Кашмире в 2005 г.⁴⁹⁵.

По мнению Тайера, сокращение иностранных обязательств Вашингтона было бы глубокой стратегической ошибкой, привело бы к гораздо большей нестабильности мире, поставило бы под угрозу американскую безопасность и лишило бы Соединенные Штаты и их союзников преимуществ первенства. Исследователь настаивал на том, что отказ США от гегемонии вновь усилит анархические тенденции в системе международных отношений, которые, как он считал, были сглажены после окончания холодной войны. Возможность подавления и сдерживания противников вдалеке от американских границ существенно снижала затраты на демонстрацию силы для Соединенных Штатов и их союзников⁴⁹⁶. Политолог явно выражал свою приверженность реалистической трактовке ТГС, отмечая: «Все, о чем мы думаем, когда рассматриваем нынешний международный порядок — свободная торговля, надежный денежно-кредитный режим, растущее уважение к правам человека, растущая демократизация — напрямую связаны с мощью США»⁴⁹⁷.

Теория гегемонистской стабильности получила второе рождение в среде исследователей-реалистов после окончания холодной войны. Значительная часть экспертов задействовали наследие Р. Гилпина, М. Уэба и С. Краснера, стремясь продемонстрировать возросшую актуальность ТГС в условиях «однополярного момента». Их основной аргумент заключался в отсутствии скоординированных попыток сбалансировать влияние Вашингтона со стороны других великих держав. Из этого исследователи выводили тезис о том, что гегемония США была более выгодна для мировой

⁴⁹⁵ Там же. С. 36.

⁴⁹⁶ Там же. С. 33.

⁴⁹⁷ Там же. С. 34.

системы в целом. Ряд экспертов этого направления, в частности У. Уолфорт, ввели термин «однополярная стабильность», указывая на беспрецедентный уровень доминирования Соединенных Штатов, несравнимый с гегемонами прошлого, за исключением разве что Римской империи. В соответствии с реалистической традицией исследователи указывали на экономический, политический и военный потенциал американского государства как на основу гегемонии и причину относительной стабильности мира в постбиполярную эпоху. При этом для экспертов этого направления был характерен оптимистический настрой в отношении длительности существования подобной системы, обусловленный слабостью контргегемонии. Обращает на себя внимание, что даже после войны в Ираке, экономического кризиса 2008 г. и других исторических событий, выходящих за исторические рамки данной работы, ряд исследователей, в частности У. Уолфорт, продолжали отстаивать тезис о конструктивной роли Вашингтона в качестве гегемона.

В контексте реалистического подхода к изучению ТГС следует добавить еще одно исследование, основанное на количественных методах. Американский политолог Дж. Хаббард дополнил исследования Э. Шпизио, Т. Волги и Л. Иммоула данными о конфликтах в постбиполярную эпоху. Его работа «Теория гегемонистской стабильности: Эмпирический Анализ»⁴⁹⁸ (2010) использовала сводный индекс национального потенциала проекта «Корреляты войны». Указанный индекс представлял собой статистическую меру мощи государства, которая усредняла шесть различных показателей для получения одного числа между 0 и 1. Использовались данные о населении страны, о проценте городских жителей, производстве угля и стали, числе военнослужащих, потреблении

⁴⁹⁸Hubbard J. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Analysis [Электронный ресурс] // ISRJ. American University's undergraduate SIS journal. 2010. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://isrj.wordpress.com/2010/05/28/hegemonic-stability-theory/> (дата обращения: 30.04.2024).

первичной энергии и военных расходах. Государство, обладающее всей мощностью в международной системе, получило бы оценку 1, тогда как государство, не обладающее абсолютно никакой мощностью ни в одном измерении, получило бы 0^{499} .

Дж. Хаббард справедливо критиковал критерии выборки конфликтов в работе Э. Шпизо, так как это позволяло выделять множество якобы бесконфликтных периодов, не являвшихся таковыми. Автор в своей работе определял конфликт как угрозу, демонстрацию или использование военной силы и, таким образом, получает более 2000 конфликтов за период Британской и Американской гегемоний, с 1815 по 1999 г., исключая периоды Первой и Второй мировых войн. Проведя анализ корреляции интенсивности конфликтов в пятилетние периоды и показателей сводного индекса национального потенциала гегемона, Хаббард стремился подтвердить обратную зависимость могущества гегемона и интенсивности конфликтов в мире. Его данные демонстрировали, что несмотря на частные случаи, например Крымскую войну, частота конфликтов сильно повышалась в конце гегемонистского цикла, когда совокупный потенциал гегемона снижался ниже 20% от мирового⁵⁰⁰. Аналогичные выводы были сделаны и относительно американского периода гегемонии. По данным Хаббарда в 1990-е гг., несмотря на развал Советского Союза, число и интенсивность конфликтов резко уменьшалось вплоть до 1999 г. - интервенции в Югославию. При этом отрезок с 1990 по 1995 гг. был наименее конфликтным в XX веке.

Однако данные Хаббарда не позволили целиком подтвердить положения теории гегемонистской стабильности. Периоды, когда гегемон

⁴⁹⁹ Correlates of War Project [Электронный ресурс] // correlatesofwar.org. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁵⁰⁰ Hubbard J. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Analysis. Электронный ресурс // ISRJ. American University's undergraduate SIS journal. 2010. [РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://istj.wordpress.com/2010/05/28/hegemonic-stability-theory/>](дата обращения: 30.04.2024).

сам активно участвовал в вооруженных конфликтах, характеризовались и общим повышением конфликтности в мировой системе. Это опровергало тезис о том, что вооруженная активность гегемона способствует стабилизации системы. Хаббард стремился объяснить это противоречие тем, что, когда гегемонистское государство имеет перевес сил в международной системе, соперники с большей вероятностью разрешают свои разногласия, не прибегая к вооруженному конфликту. Логика этого утверждения проста – более разумно бросать вызов более слабому гегемону, чем более сильному. Этот тезис, по мнению эксперта, мог помочь объяснить сильную положительную корреляцию между военными конфликтами, в которых участвует гегемон, и конфликтом в целом. По мнению Хаббарда вовсе не обязательно, что военное вмешательство гегемона провоцирует дальнейший конфликт в международной системе. Скорее, это военное вмешательство может быть признаком более слабого положения гегемона, что является истинной причиной более высокого уровня конфликтности в международной системе.

Кроме того, эксперт отмечал, что военная мощь в долгосрочной перспективе зависит от экономической мощи. Таким образом, вполне возможно, что по мере того, как гегемоны теряют относительную экономическую мощь, другие страны испытывают искушение бросить им вызов, даже если военный потенциал лидера остается существенным. Это помогло бы объяснить некоторые различия, обнаруженные между экономическими и военными данными. В целом выводы Хаббарда в отношении теории гегемонистской стабильности довольно однозначны. Он критиковал предыдущие работы в области количественного анализа за узкую и недостаточную выборку и демонстрировал, что привлечение более широкого спектра данных могло усилить результаты, подтверждающие некоторые положения теории. Противоречия своих данных положениям

теории он стремился объяснить таким образом, чтобы сохранить вывод о стабилизирующей роли гегемона.

Количественное исследование Дж. Хаббарда отчасти демонстрировало лишь то, что гегемон способен выполнять стабилизирующую функцию до того момента, когда сам не начинает активно применять силу. Хаббард стремился объяснить это тем, что гегемон теряет свое влияние и стремится его сохранить. Однако его трактовка данных подразумевает якобы имевшее место ослабление гегемонии США, которое должно было происходить в 1990-е гг. В реальности этого ослабления не происходило, однако сам гегемон начал агрессивное вмешательство в войны по всему миру, от Югославии до Ирака и Афганистана, что вызвало дальнейший всплеск конфликтности в мировой системе. Подобная трактовка не встречается у Хаббарда, но представляется более реалистичной на основе апостериорного знания.

Следующей группой сторонников ТГС являлись т.н. сторонники неоимперской концепции. Они отказывались от ценностно-идеалистического понимания природы национальных интересов и «квазинаучных» математических расчетов, характерных для школы американского реализма. Согласно их теории, государства «современные» и «постсовременные» несут моральную ответственность за страны, находящиеся в своем развитии в стадии «досовременной», и должны привести их к модерну и постмодерну даже насильно. При этом, они не отвергали элементов «реализма», таких как военная сила и мощь, но понимали их инструментально, как средство формирования либерального миропорядка⁵⁰¹. Американский политолог Т. Смит добавлял к этому в

⁵⁰¹ Блохин К. В. Внешнеполитическая концепция американского неоконсерватизма и ее реализация в отношении СССР и России: 1945-2012 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.15 / Блохин Константин Владимирович; [Рос. ун-т дружбы народов]. Москва, 2013. 26 с

качестве признаков «неоимперского подхода» восприятие зарубежной миссии США как цены за преодоление «упадка Запада», необходимость гегемонии для обеспечения исключительно мирного соперничества демократических стран, а также признание силового воздействия как законного инструмента внешней политики⁵⁰². Т. А. Шаклеина оценивала стратегию глобального лидерства представителей этого подхода как стремление к «жесткой гегемонии» с опорой на государственный потенциал США⁵⁰³.

Уже в середине 1990-х гг. неоконсервативный эксперт З. Халилзад связывал возможное ослабление американской гегемонии с новым витком мировой нестабильности. Он заявлял: «Лидерство США будет более благоприятным для глобальной стабильности, чем биполярная или многополярная системы»⁵⁰⁴. Халилзад указывал на ошибочность тезиса о повышении неопределенности в системе международных отношений после окончания холодной войны. По мнению эксперта, доминирование Соединенных Штатов открывало возможность создания наиболее предсказуемого и регулируемого правилами миропорядка за всю историю человечества. Он отмечал, что готовность США поддерживать свою глобальную гегемонию позволит максимально распространить американские ценности, координировать ресурсы всех государств для решения мировых проблем и урегулирования локальных конфликтов, а также поможет предотвратить появление конкурента, способное привести к новой мировой войне. Халилзад предлагал укреплять и расширять «зону мира», объединяющую либеральные демократии, предотвращать

⁵⁰² *Smith T.* A Pact with The Devil: Washington's Bid for World Supremacy and the Betrayal of the American Promise. NY: Routledge, 2007. 255 p.

⁵⁰³ *Шаклеина Т. А.* Лидерство и современный мировой порядок: нужен ли миру лидер? // Международные процессы. 2015. №4. С. 6-19.

⁵⁰⁴ *Khalilzad Z.* Losing the moment? The United States and the world after the cold war // The Washington Quarterly. 1995. № 18 (2). P. 94.

появление «региональных гегемоний» в критически важных регионах, препятствовать «реимпериализации» России и Китая, а также сохранять военное и экономическое превосходство Соединенных Штатов⁵⁰⁵.

Одним из самых важных тезисов Халилзада стало утверждение о том, что главной задачей США в постбиполярный период должно было стать предотвращение появления региональных гегемонов, способных оспорить глобальное лидерство Вашингтона. Он объяснял американскую политику на Ближнем Востоке, в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе через призму этой задачи. С точки зрения Халилзада, Вашингтону было необходимо сдерживать Ирак, Иран, Германию, Россию, Японию и Китай, не позволяя им занять доминирующее положение в своих регионах. Для этого, во-первых, были необходимы системы альянсов, ограничивающие американских союзников с гегемонистским потенциалом (Германия и Япония). В отношении государств с ядерным оружием (Россия и Китай), следовало применять меры экономического давления и противопоставлять их соседним странам. В некоторых случаях для предотвращения региональной гегемонии Вашингтону, по мнению Халилзада, была необходима военная интервенция (эксперт полагал, что она возможна против Ирака и Ирана). Автор заключал: «Сохранение позиции мирового лидера и предотвращение появления другого мирового конкурента на неопределенное будущее является лучшей долгосрочной целью для Соединенных Штатов»⁵⁰⁶. Обращает на себя внимание, что последующая политика США в целом соответствовала указанным задачам и направлениям.

Не менее ярко теория гегемонистской стабильности была выражена в идеях основателей проекта «Новый американский век» У. Кристола и Р.

⁵⁰⁵ Там же. Р. 88.

⁵⁰⁶ Там же. Р. 106.

Кейгана. В их понимании США были призваны «выполнить историческую миссию по глобальному преобразованию мира в соответствии с западной либеральной традицией». Вашингтон должен был осуществлять «гуманную глобальную гегемонию» (англ. *benevolent global hegemony*) или «благожелательную империю»⁵⁰⁷ во всем мире на основе своего международного влияния и авторитета, а также военного, экономического и политического потенциала. Эксперты предлагали императив «моральной ясности» действий (*moral clarity*), согласно которому Белый дом должен был, не дожидаясь появления угроз, активно распространять во всем мире американские политические принципы — демократию, рыночную экономику и уважение к свободе⁵⁰⁸.

Критикуя положения реалистов-скептиков о недолговечности гегемонии Вашингтона, Р. Кейган, в частности, указывал на то, что американцы якобы никогда не принимали европейский принцип порядка — баланс сил (союзы и договоры), а отдавали предпочтение силе, рассматривали ее как основное средство для распространения либеральных принципов государственного устройства и либерального мирового порядка. США, по мнению Кейгана, стремились к установлению стабильной международной системы. Однако этого, как он считал, можно было добиться только с использованием мощи Вашингтона, который, являясь гегемоном, имел право определять общую миссию и действовать как в одиночку, так и в составе коалиции⁵⁰⁹.

Односторонние действия Соединенных Штатов объяснялись Кристолом и Кейганом как необходимость, вызванная мессианской исторической традицией, а также слабостью и нерешительностью

⁵⁰⁷ *Kagan R. The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998. № 111. P. 24–35*

⁵⁰⁸ *Kagan R. Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. July/August. P. 18–32.*

⁵⁰⁹ *Kagan R. Power and Weakness [Электронный ресурс] // Policy Review. 2003. № 113. Режим доступа: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2014/10/power-and-weakness.pdf> (Дата обращения: 20.04.2024)*

союзников, препятствующих распространению либеральных идеалов. Отвечая на критику политики Дж. Буша-младшего, эксперты утверждали, что идея превентивных силовых акций и продвижения демократии всегда присутствовали в американской политике и, следовательно, доктрина Буша-младшего не представляла из себя ничего нового, а являлась исторически сложившейся большой стратегией Вашингтона.

Обращает на себя внимание, что они указывали на единство глобальной стратегии США на втором сроке У. Клинтона и при Дж. Буше-младшем, выраженное в идее продвижения демократии как гарантии безопасности Соединенных Штатов и стабильности всего мира. Разница, по их мнению, заключалась только в том, что республиканцы выражали эти цели более откровенно и резко, а также были готовы активнее применять силу для их достижения. При этом общим местом оставалось стремление Вашингтона опережать негативное развитие событий и нейтрализовать угрозы превентивными ударами. Американская гегемония, как считали Кристол и Кейган, делает США приоритетной целью террористов и государств-изгоев, в связи с чем удары на опережение могут быть оправданы.

Автор концепции «однополярного момента» Ч. Краутхаммер, также отчасти разделявший идеи неоимперского подхода, указывал на уязвимость либерального варианта гегемонии, выраженного в политике администрации У. Клинтона. Он определял ее как «напористый» интернационализм и стремление переделать международную систему по образцу американского гражданского общества, в основе которого будет находиться комплексная взаимозависимость. Краутхаммер считает, что такая стратегия вынудила США связать себя излишними обязательствами перед международными

институтами и якобы способствовало европейскому стремлению к контролю американской мощи⁵¹⁰.

Эксперт считал, что сопротивление гегемонии США в лице региональных держав и террористических организаций, а также части американского истеблишмента может привести к прекращению «однополярного момента». В результате, по мнению Краутхаммера, мир должен был развиваться или «по бумажному принципу» или «по силовому». В первом случае мировая система должна была регулироваться при помощи международного права, что не исключало силовых методов. Во втором случае право сильного становилось абсолютным. Чтобы повести мир по первому пути, Соединенные Штаты должны были выиграть войну с исламским терроризмом, а также сохранить собственную империю⁵¹¹.

Неоконсервативный политолог и военный специалист С. П. Роузен, рассуждая в контексте ТГС, как и Краутхаммер отмечал необходимость гегемонии Вашингтона для обеспечения глобальной стабильности и выполнения гуманитарной задачи демократического строительства⁵¹². Для обозначения роли Соединенных Штатов в мире он использовал термин «империя» и считал, что только США способны проводить «имперскую политику в мировом масштабе». В мировоззрении Роузена, глобальная политика империи направлена на создание иерархической системы отношений между государствами и управление ею при монополии на использование военной силы. Ближайшие союзники гегемона обозначены Роузеном как «метрополия». Имперская держава должна следить за высоким уровнем экономического развития в метрополии, что

⁵¹⁰ *Krauthammer C.* The Real New World Order. The American empire and the Islamic challenge // *The Weekly Standard*. 2001. November 12. P. 26.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² *Rosen S.* An Empire, If You Can Keep It // *The National Interest*. 2003. P. 51–61.

впоследствии позволит ей разделить с ними часть затрат на гегемонию и создать глобальную имперскую элиту.

Как указывала Т. А. Шаклеина, Роузен считал, что в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. задача по свержению недемократических режимов и демократическому строительству являлась основной и попутно с ее выполнением выстраивалась новая иерархическая структура под контролем гегемона. Использование ресурсов других держав, участвующих в проведении операций по выполнению первой задачи, а также контроль США в глобальных финансовых организациях и международная роль доллара могли рассматриваться как способы покрытия расходов по поддержанию империи. Влияние на элиты государств, входящих в империю, осуществлялось в процессе глобализации, где американская культура занимает лидирующие позиции по скорости (и наступательности) распространения на другие страны и воздействия на другие культуры, а США оставались самой популярной страной, где получают высшее образование представители элит почти всех стран мира⁵¹³.

Соединенные Штаты, как считал эксперт, менее откровенно при демократах и более откровенно при республиканцах разрабатывали и вводили в действие новые принципы отношений, заставляя другие государства подчиняться им. Страны, входящие в «американскую империю», получали определенные гарантии безопасности, но при этом теряли часть суверенитета (полный контроль над системой безопасности страны, являющийся прерогативой государства-нации)⁵¹⁴. С. Роузен, как и либеральный мыслитель Дж. Оуэн (о котором будет сказано далее), продвигал тезис об элитном консенсусе, являющимся одной из опор

⁵¹³ Шаклеина Т. А. Идейное обеспечение внешней политики администрации Буша. М.: Институт США и Канады РАН. 2003. С. 28.

⁵¹⁴ Там же. Р. 53–54.

гегемонии. Также крайне ценны его откровенные воззрения на жесткую иерархическую систему, выстраиваемую Вашингтоном, в которой ближайшие союзники хотя и получали определенные выгоды от своего положения, лишались существенной части суверенитета.

В той же парадигме, что и С. Роузен, рассуждал британо-американский консервативный историк Н. Фергюсон. Хотя он напрямую не был связан с представителями неоимперского подхода, им разделялись некоторые их представления о США как о глобальной империи, выстраивающей иерархическую систему на основе своей государственной мощи (что противоречит как реалистической, так и либеральной трактовке ТГС). В своей работе «Колосс. Взлет и падение американской мощи» (2004) он рассматривал историю становления американского могущества и достижения однополярного мира, отказываясь от слов «гегемония» или «лидерство» и, как и С. Роузен, принимая термин «империя». «Американская либеральная империя» для Фергюсона являлась самым благоприятным вариантом устройства мировой системы, а вторжение в Ирак могло стать стабилизирующим фактором и частично решить «проблему Юга». Он призывал Вашингтон сотрудничать с Брюсселем и Пекином и активизировать свое вмешательство в дела развивающихся стран ради глобального процветания. При этом Фергюсон соглашался со сторонниками имперской концепции и реалистами-оптимистами в том, что ООН и другие международные институты играли второстепенную роль в усилиях по стабилизации мира⁵¹⁵.

По мнению историка, распад Советского Союза стал поворотным моментом для американской империи, которая, в результате, стала носить глобальный характер. В этом контексте он подтверждает тезис некоторых сторонников ТГС о том, что полноценной гегемонии США добились

⁵¹⁵ *Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American empire. New York: Penguin Books. 2005. 386 p.*

именно после холодной войны. Одновременно с этим, неудачи в предотвращении конфликтов в Руанде и Югославии, в которых Фергюсон обвиняет ЕС и ООН, вынудили Вашингтон прибегать к односторонним «коалициям желающих» (Coalition of the willing), которые, в свою очередь, якобы доказали свою эффективность. Фергюсон считал, что США должны сделать все для выполнения возложенных на них историей обязательств по «стабилизации мира», однако полагал, что американская империя рано или поздно придет в упадок, что будет сопровождаться хаосом и «отсутствием полярности», а не установлением многополярного мира⁵¹⁶.

Принципиально важной работой для неоимперского подхода к теории гегемонистской стабильности стала статья американского юриста Дж. Йу «Использование силы». Автор выдвигал тезис, схожий с позицией Фергюсона, согласно которому неудачи гуманитарных миссий ООН в Руанде и Сомали связаны с анархическим характером системы международных отношений, которая, по его мнению, не имела механизма для легитимации подобных действий. Эксперт считал, что было необходимо законное право мирового лидера на военные операции в других странах, направленные на предотвращение гуманитарных кризисов. Йу полагал, что США как единственная сверхдержава должны были решить эту проблему, целиком реализовав свой потенциал глобального гегемона. Это, по его мнению, позволило бы мировому сообществу более гибко реагировать на угрозы, а Вашингтону распределять и координировать превентивные усилия по предотвращению гуманитарных кризисов. Автор ссылаясь на англосаксонскую философию утилитаризма и утверждал, что действия гегемона способствовали общему благополучию системы⁵¹⁷. В этом аспекте он также опирался на положения ТГС в изложении Р.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ *Yoo J. Using Force // University of Chicago Law Review. 2004. № 7. P. 39.*

Кеохейна и был одним из немногих представителей неоимперского подхода, кто прямо ссылался на данную теорию в своих рассуждениях⁵¹⁸.

Объясняя целесообразность создания так называемой «коалиции желающих», организованной США для интервенции в Ирак, Дж. Йу использовал термин «гегемонистский союз», описывая его как эффективную структуру, направленную на решение конкретных задач. Он не отрицал инструментальный характер этой коалиции и превалирование в ней интересов Вашингтона. Более того, Йу отсылал к исследователю международных отношений Д. Снидалу, сформулировавшему одно из самых радикальных утверждений теории гегемонистской стабильности. Йу утверждает, ссылаясь на Снидала, что, корыстные и односторонние действия доминирующего государства зачастую приносят пользу мировому сообществу в целом, так как укрепляют мировую иерархию и вынуждают другие государства выбирать кооперативные, а не конкурентные стратегии поведения⁵¹⁹.

Американские юристы Э. Познер и А. Сайкс, анализируя политику Дж. Буша-младшего, отмечали, что присвоение статуса «изгоев» другим государствам является прерогативой гегемона. Однако, по их мнению, использование моральной или нормативной риторики в международных отношениях являлось лишь стратегическим средством содействия рациональному «равновесию» и взаимовыгодному сотрудничеству, которому мешали «изгой». Гегемон, с согласия союзников, принуждал «изгоев» к миру и сотрудничеству на своих условиях⁵²⁰. При этом авторы также хотели опровергнуть утверждение классических реалистов о том, что нормативная и моральная риторика в международных отношениях служит исключительно для маскировки силовой политики. Они полагали, что

⁵¹⁸ Там же. Рр. 40–41.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ *Posner E. Sykes A. Optimal War and Jus Ad Bellum // The Georgetown Law Review. 2004. № 93. P. 1014.*

гегемон, использующий указанную риторику в долгосрочной перспективе, потеряет доверие своих союзников, что, безусловно, невыгодно Вашингтону. США, как дальновидный лидер, якобы не пойдут на снижение эффективности сотрудничества с ведущими странами и будут вынуждены выполнить свои обязательства, обеспечив стабильность мировой системы⁵²¹.

Следующий сторонник неоимперской теории, З. Бжезинский, являлся, возможно, самым известным популяризатором ТГС, однако редко упоминается в контексте этой теории. В его работе «Великая шахматная доска» (1997) американское доминирование трактуется как «консенсуальная гегемония» в традициях Р. Кеохейна, однако средством ее поддержания Бжезинский, как реалист, видит экономическую и военную мощь. Ценными являются его размышления о противостоянии потенциальному антигегемонистскому союзу в лице России, Китая и Ирана. Также Бжезинский описывал позицию европейских «безбилетников» — стран, которые получают выгоды от американского военного присутствия, но не всегда поддерживают США, отказываясь вносить вклад в поддержание их гегемонии⁵²².

Следует отметить, что, хотя взгляды Бжезинского во многом отличались от подходов большинства либеральных исследователей, его позиция в большей степени расходилась как с реалистами-оптимистами, так и с либералами-оптимистами. В частности, он выступал против «Войны в Заливе» 1991 г., указывая на то, что США могут утратить свой моральный авторитет в Арабском мире, значительно увеличившийся после распада Советского Союза⁵²³. По этим же причинам Бжезинский активно

⁵²¹ Там же. Р. 1017.

⁵²² Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). Междунар. отношения, 1998. Р. 243.

⁵²³ Brzezinski Z. Out of control: global turmoil on the eve of the twenty-first century. NY: Touchstone Books. 1995. 240 p.

критиковал вторжение США в Ирак в 2003 г. и доктрину Буша в целом. Тем не менее эксперт выступил в поддержку бомбардировок НАТО Сербии в 1999 г., где, по его мнению, США могли, наоборот, укрепить свой авторитет.

В своей работе «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (2004) Бжезинский отмечал возможность скорого упадка гегемонии США: «Гегемония тоже является преходящей исторической фазой. В конечном счете, пусть даже не очень скоро, американское глобальное доминирование пойдет на убыль. Поэтому для американцев было бы своевременным попытаться представить, какое наследие оставит эта гегемония»⁵²⁴. Однако внезапная утрата американского первенства, по мнению эксперта, вероятно, ввергнет мир в хаос. В связи с этим Бжезинский считал, что Вашингтон должен организовать «постепенное и контролируемое рассредоточение власти, способное привести к становлению все более формализованного глобального сообщества, сплоченного общими интересами». Иными словами, перейти от «одностороннего доминирования» к «консенсусному лидерству».

В другой работе Бжезинского — «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (*Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower*) автор развивал заявленную тремя годами ранее тему перехода Америки от гегемонии к лидерству. Книга в основном посвящена критике внешней политики президентов США У. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Бжезинский уважительно оценивал лишь действия Буша-старшего. Политику У. Клинтона он охарактеризовал как «бессилие благих намерений», а политику Дж. Буша-младшего как «катастрофическое руководство». При этом он парадоксальным образом полагал, что США

⁵²⁴ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2005. С. 268.

следуют правильным путем, создавая более справедливую международную систему⁵²⁵.

Несмотря на критическое отношение к американской внешней политике в постбиполярный период, Бжезинского все же целесообразно отнести к сторонникам ТГС. Как в своей знаменитой работе «Великая шахматная доска», так и в более поздних, критических трудах, он однозначно увязывал главенствующее положение США со стабилизацией миропорядка. Бжезинский, подобно реалистам усматривал причину этой стабильности в военной и экономической мощи Вашингтона. В частности, Бжезинский описывал роль Соединенных Штатов как «главного арбитра между евразийскими государствами»⁵²⁶. Однако значительное внимание, особенно в своих поздних работах, эксперт уделял ценностному лидерству (выраженному в массовой культуре), а также, в меньшей степени, международным институтам. В связи с этим общий тон его рассуждений в контексте ТГС, особенно в контексте активной поддержки Б. Обамы, можно связать с либеральным подходом. Тем не менее Бжезинский выделяется среди других его представителей, имея сходство с реалистической и неоимперской позицией в своем мировоззрении.

В связи с противоречивой классификацией Бжезинского следует отметить, что многие представители либерального подхода в международных отношениях солидаризировались с со сторонниками неоимперской концепции в поддержке политике Дж. Буша-младшего. Они положительно оценивали односторонние действия его администрации и указывали на необходимость европейских союзников смириться с самостоятельными действиями Вашингтона. Кроме того, они связывали

⁵²⁵ Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар. отношения, 2010. 192 с.

⁵²⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). Междунар. отношения, 1998. С. 11.

американскую гегемонию в первую очередь с военной и экономической мощью Соединенных Штатов, что позволяет, хотя и условно, объединить их со сторонниками неоимперской концепции в контексте теории гегемонистской стабильности.

Так, американские эксперты М. Макфол и Д. Брамберг указывали на преемственность политики Соединенных Штатов в постбиполярную эпоху и ее конструктивную направленность. В частности, Макфол считал, что ближневосточный курс 43-го президента США якобы был адекватным ответом на террористические акты. Анализируя односторонние действия гегемона, он выдвинул т. н. «доктрину свободы», в рамках которой целью американской внешней политики становилось распространение «ценностей свободы», только теперь препятствием являлся не коммунизм, а терроризм, также имеющий идеологическую основу. Согласно его точке зрения, современный мировой порядок не мог удовлетворить США, так как не позволял им в полном объеме осуществить глобальную стратегию и претворить в жизнь предложенную им «доктрину свободы». Макфол призывал Белый дом к активным действиям по изменению мирового порядка, чтобы доделать то, что не успел сделать Р. Рейган. По мнению политолога, эта борьба могла стать такой же долгой как и почти вековая борьба с коммунизмом⁵²⁷. Указанные идеи Макфола демонстрируют лихорадочные поиски противника в постбиполярном мире со стороны части американского истеблишмента. По всей видимости, формирование нового образа врага было одним из важнейших направлений работы для американского экспертного сообщества после окончания холодной войны.

Другой исследователь, находящийся на стыке неоимперского и либерального подходов, Д. Брамберг, в свою очередь полагал, что гегемония США в постбиполярном мире была обусловлена неготовностью

⁵²⁷ *McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. 2002. №. 112. Pp. 1–24.*

других государств взять на себя бремя ответственности. Он отмечал идейную преемственность доктрины Клинтона и доктрины Буша-младшего, указывая на выраженную односторонность действий обеих администраций. Брамберг считал, что готовность США действовать в одиночку в борьбе с международным терроризмом позволила снизить угрозу распространения оружия массового поражения⁵²⁸.

Обращает на себя внимание, что представители неоимперского подхода (и ряд мыслителей, которые объединены с ними в рамках данной работы из-за схожести позиций), редко напрямую ссылались на теорию гегемонистской стабильности в качестве идейного базиса своих рассуждений. Отчасти это обусловлено тем, что большинство их текстов носили в основном публицистический характер, либо касались юридической проблематики, в связи с чем ссылки на малоизвестную за пределами экспертных кругов концепцию, вероятно, казались неуместными. Тем не менее в идеях представителей неоимперского подхода к ТГС рассматриваемая теория проявлялась в наиболее яркой и жесткой форме. Эксперты, разделяющие неоимперские идеи, однозначно признавали существование американской гегемонии в постбиполярный период, а также наличие однополярной системы международных отношений. Более того, некоторые из них характеризовали сложившееся положение как империю, намекая на иерархическую систему, которую выстраивает доминирующее государство. При этом первостепенной опорой складывающейся системы являлось американское государство, а международные институты, в их понимании, играли второстепенную, или вовсе деструктивную роль. Также эксперты этого направления однозначно считали конструктивной и стабилизирующей роль Соединенных Штатов. Следует отметить, что большинство исследователей при этом полагали, что

⁵²⁸ *Brumberg D. Hegemony or Leadership? // Harvard International Review. 2003. № 25 (1). Pp. 5–6.*

американская гегемония в ближайшем будущем ослабнет, что, по их мнению, будет носить однозначно негативный характер для мировой системы. В качестве причин ослабления выделялось в основном не имперское перенапряжение или балансирующая коалиция, а внутривнутриполитические противоречия, усилия международных террористов, а также излишние обязательства перед союзниками и международными институтами, мешающие гегемону выполнять свою роль.

Третье направление в экспертном сообществе США, активно использовавшее теорию гегемонистской стабильности в своем анализе, можно условно обозначить как либеральный интернационализм. Сторонники указанного направления опирались на либеральный (идеалистический) подход к теории международных отношений, задействовали наследие американского вильсонизма и постулировали тезис о принципиальном значении глобализации для изменения мировой политики.

Исследователи-глобалисты в основном утверждали, что Соединенные Штаты добились успеха, потому что проводили «доброжелательную» политику. Гегемония США, в их представлении, основывалась не столько на могуществе самого американского государства, сколько на согласии ведущих стран мира с лидерством Вашингтона. «Мягкая» политика Соединенных Штатов, их ценностная и культурная привлекательность, конструктивные особенности создаваемых ими политических и экономических институтов стали причиной вовлечения других государств в орбиту влияния гегемона.

При этом некоторые либеральные интернационалисты задействовали тезис Р. Кеохейна о том, что для устойчивой гегемонии, опирающейся на признанные и эффективные международные структуры, совсем не обязательно наличие одного доминирующего государства. Продвижение

демократических и либеральных ценностей, создание «демократического мира», где будут минимизированы конфликты и должна преобладать открытая рыночная экономика, в долгосрочной перспективе якобы позволяли реализовать конструктивную функцию гегемона без обязательной опоры на военное превосходство США.

Критика реалистического подхода к гегемонии как атавизма холодной войны стала общим местом для многих представителей либерального подхода. Еще в 1993 г., в самом начале постбиполярной эпохи профессор Университета Южной Каролины Ч. Кегли предложил концепцию «неоидеалистического момента» (Neoidealist Moment) в качестве будущего развития международной системы. Он отметил, что число вооруженных конфликтов в мире существенно снизилось после окончания холодной войны, а события в сфере международных отношений вышли за пределы понимания реалистического подхода, получившего популярность на фоне противостояния США и СССР. По мнению Кегли, идейное наследие В. Вильсона, в сочетании с некоторыми наработками политического реализма могли бы позволить достоверно спрогнозировать события предстоящего периода временной стабильности перед очередным глобальным кризисом⁵²⁹.

Профессор Колумбийского университета Дж. Снайдер поддерживал тезис Кегли о неадекватности реализма в приложении к постбиполярному мировому порядку. Он считал, что имперское мышление у представителей республиканской администрации (и также у части демократов) являлось наследием холодной войны. Неоконсерваторы в администрации Дж. Буша-младшего, как отмечал Снайдер, опасались проявления слабости по отношению к врагам либеральной идеологии, что отражалось в идиоме

⁵²⁹ *Kegley C. W. The Neoidealist Moment in International Studies? Realist Myths and the New International Realities: ISA Presidential Address March 27, 1993 Acapulco, Mexico // International Studies Quarterly. 1993. № 37 (2). Pp. 131–146.*

«ошибка Мюнхена» — то есть уступки или бездействие, которые потенциальный противник может воспринять как слабость и мотивацию к агрессии⁵³⁰.

Снайдер указывал на то, что агрессивная политика США в начале XXI века во многом поспособствовала развитию антиамериканских позиций во многих странах, которые поддерживали гегемонию Вашингтона в 1990-е гг. Он критиковал откровенные заявления представителей администрации Дж. Буша-младшего, в частности К. Райс, о готовности США уничтожить государства, стремящиеся к обладанию ядерным оружием. При этом идея продвижения демократии, формально воспринятая республиканской элитой, по оценке Снайдера, заняла менее важное место в риторике Белого дома в сравнении с открытым признанием своего доминирования и милитаристскими лозунгами.

Дж. Снайдер оценивал такую смену риторики как «искушение силой» в результате осознания Вашингтоном своего всестороннего превосходства. Он видел выход в подходе, который предлагали сторонники либерального интернационализма. Гегемон, согласно этому подходу, должен был сохранять и развивать международные институты, а также стремиться расширять круг союзников, способных разделить с ним затраты на гегемонию.

В самом начале постбиполярного периода, в условиях неясности контуров будущей международной системы, идея конструктивной роли США в качестве мирового гегемона активно продвигалась рядом либеральных аналитиков без прямой привязки к ТГС. В частности, Дж. Най, разошедшийся во взглядах на перспективы американского первенства со своим учителем Р. Кеохейном, в 1990-е гг. продолжал развивать концепцию гегемонии, основанной на международных режимах и глобальном

⁵³⁰ *Snyder J. Imperial Temptations // The National Interest. Spring 2003. P. 29–40.*

консенсусе. В своей работе «Обреченные на лидерство: изменчивый характер американской мощи» (1990) он выступил против исследователей, предсказывающих ослабление Америки как мировой державы. Эксперт утверждал, что в 1970-е гг. США лишь вернулись к модели доминирующего положения 1932 г. Он указывал на то, что в 1989 г. ни одна страна не была в состоянии бросить вызов Соединенным Штатам в борьбе за глобальное лидерство. Най считал, что гегемония США основывалась не только на военном и экономическом доминировании. По его мнению, играл роль третий фактор, которым являлась его концепция «мягкой силы». Най утверждал, что именно за счет культурной привлекательности и репутации в международных структурах Соединенные Штаты не уступали свое лидерства, несмотря на различные динамические процессы в экономике. Он прогнозировал, что первенство Вашингтона сохранится в двадцать первом столетии⁵³¹.

Поддерживая модель международных режимов Дж. Най пришел к выводу о том, что ослабление американской гегемонии привело бы и к ослаблению международной системы, основанной на консенсусе, от которого в итоге проиграли бы все государства. При этом ученый подчеркивал значение транснациональных структур и, в соответствии, с либеральной трактовкой ТГС, отождествлял гегемона не только с доминирующим государством, но и с этими структурами.

Най также предостерегал от активного использования «британской аналогии», указывая на ее неприменимость к реалиям конца XX века. По его мнению, Британия не играла той роли, которую США возложили на себя в постбиполярный период. Эксперт считал, что отказ Вашингтона от международных обязательств не изменил бы высокую степень зависимости американского рынка от транснациональных игроков. По его мнению,

⁵³¹ Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. NY: Basic Books, 1990. P. 324.

проблемой для власти США в двадцать первом веке будут не новые претенденты на гегемонию, а новые вызовы транснациональной взаимозависимости. Най предполагал, что наиболее предпочтительным видением мира для США будет полиархия, тип международной системы, связанный с диффузией власти и отсутствием центра, в рамках которой гегемонистские функции США возьмут на себя глобальные структуры управления.

Важность мягкой силы и ценностного лидерства для американской гегемонии, постулируемую Дж. Наем, подтверждал американский политолог Г. Нау. В своей работе «Миф об упадке Америки: лидерство мировой экономики» (1990) он отмечал, что в 1990-е гг. основой американской гегемонии должен был стать процесс продвижения политического и экономического либерализма, активизировавшийся в 1980-е гг. Он считал, что позитивное восприятие идей демократии и рыночной экономики в посткоммунистической Восточной Европе является показателем продолжающейся американской культурной гегемонии⁵³². Нау стремился дополнить подход Ная и указывал на необходимость для США развития в ключевых странах мира «конвергентных национальных идентичностей» на основе либерализма⁵³³.

Впоследствии Дж. Най в работе «Парадокс американской мощи: почему единственная в мире сверхдержава не может справиться с этим в одиночку»⁵³⁴ (2002), написанной совместно с Дж. Айкенберри, продолжал свою мысль о необходимости для США увеличения доли мягкой силы в своей системе международного влияния. После теракта 11 сентября 2001 г.

⁵³² *Nau H. R.* The Myth of America's Decline: Leading the World Economy into the 1990s. Oxford University Press, 1990. 448 p.

⁵³³ *Nau H.* At Home Abroad: Identity and Power in American Foreign Policy. NY: Cornell University Press, 2002. 336 p.

⁵³⁴ *Ikenberry J.G., Nye J.S.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2003. 240 p.

он подчеркивал опасности для американской гегемонии в лице мирового терроризма, а также потенциальных новых сверхдержав — России, Китая, Индии и Евросоюза. Най повторял тезис о необходимости развития и укрепления сотрудничества США с союзниками, при этом в поздних работах предпочитал отказываться от слова гегемония, хотя все также продолжал утверждать конструктивную роль Вашингтона в международной системе.

В 2004 г. Най в работе «Мягкая сила: Средства для успеха в мировой политике» отстаивал концепцию гегемонии, основанной, в первую очередь, на ценностном лидерстве. Он отмечал: «Страна может достичь результатов, которых она хочет в мировой политике, потому что другие государства готовы восхищаться ее ценностями, подражать ее примеру, стремиться к соответствующему уровню процветания и открытости, а, следовательно, подражать ей»⁵³⁵. Исследователь признавал, что общества часто принимали американские ценности и культуру, но сопротивлялись внешней политике США. Однако в контексте глобалистского подхода к ТГС идея Найа заключается в том, что гегемонистская стабильность в такой же степени зависит от завоевания сердец и умов, как и от победы в войнах и доминирования на рынках.

Помимо Дж. Найа, одним из самых влиятельных представителей либерального подхода к ТГС в постбиполярную эпоху можно назвать американского политолога из Джорджтаунского университета Дж. Айкенберри. Как отметила российский американист Т. А. Шаклеина: «Позиция таких экспертов, как Айкенберри, удерживала администрацию Клинтона от принятия окончательного решения по режиму контроля над вооружениями без согласия России. Согласно Айкенберри, отношения США с остальным миром должны строиться на основе двух

⁵³⁵ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs, 2004. P. 5.

договоренностей (сделок): Соединенные Штаты делают свою мощь безопасной для остального мира, а остальной мир дает согласие жить в порядке, в основе которого “американская система”, сформированная в годы холодной войны и включающая ведущие западные державы и институты»⁵³⁶.

Важнейшей работой Айкенберри в контексте ТГС стала книга «После победы: институты, стратегическая сдержанность и восстановление порядка после крупных войн» (2001). В ней предлагалось подробно рассмотреть рецепты достижения гегемонии со стороны США. Основным фактором, по мнению исследователя, было создание устойчивых политических и экономических институтов, от Лиги Наций и ООН до Международного валютного фонда, которые ограничивали и одновременно укрепляли власть гегемона. Вторым по важности фактором была интеграция и поддержка бывших врагов в лице Германии и Японии, ставших в новой системе верными союзниками США. Аналогичную операцию Айкенберри предлагал провести в отношении стран бывшего Советского Союза. Айкенберри, как и многие исследователи либерального направления, неохотно использовал слово гегемония, называя существующее на момент написания работы положение вещей «конституционным порядком». В рамках конституционного порядка гегемон добровольно ограничивает свою власть и, в то же время, снимает с себя ряд издержек, возлагая их на союзников и международные институты⁵³⁷.

В сборнике «Непревзойденная Америка: Будущее баланса сил» Айкенберри вместе с другими авторами-единомышленниками утверждал,

⁵³⁶ Шаклеина Т. А. Идейное обеспечение внешней политики администрации Буша // М.: Институт США и Канады РАН. 2003. С. 10.

⁵³⁷ Ikenberry G.J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. New Jersey: Princeton University Press, 2000. 320 p.

что Вашингтон может избежать судьбы гегемоний прошлого, так как большинство государств выигрывает от существующего порядка, а возможное ослабление США не приведет к снижению влияния созданных им международных институтов. Сам исследователь в своем эссе полагал, что основа успеха Америки — это самоограничения во внешней политике и институционализируемая дипломатия. Несмотря на отход от этих методов в период администрации Дж. Буша-младшего, Айкенберри выражал уверенность, что либеральный характер большой стратегии США продолжит делать американскую мощь менее провокационной или угрожающей другим странам, тем самым снижая шансы на контргегемонию. При этом у американской гегемонии, по его мнению, оставалась нерешенная задача — интеграция двух крупнейших азиатских стран, Китая и Индии, с сохранением лояльности Японии. В этом случае мировой порядок должен был стать по-настоящему устойчивым, так как была бы создана «критическая масса», в основе которой находились отношения партнерства, принципы кооперационной безопасности и лидерство США⁵³⁸.

Айкенберри определил 1990-е гг как период неопределенности во внешнеполитическом самопозиционировании Соединенных Штатов, концом которого стал террористический акт 11 сентября 2001 г. По его мнению, террористические акты оказали отрезвляющее действие на американских политиков и специалистов по международным отношениям, на их видение мирового порядка и роли США в нем. Американскому руководству, прежде всего республиканцам, приходилось признать, что не только мир нуждается в США в качестве лидера, но и Соединенные Штаты

⁵³⁸ *Ikenberry J. Democracy, Institutions, and American Restraint / Ikenberry J. America Unrivaled. N.Y: Ithaca, Cornell University Press. 2002. Pp. 213–238.*

нуждаются в поддержке других стран для реализации глобальной стратегии⁵³⁹.

Дж. Айкенберри как сторонник институциональной модели мирового порядка не отрицал необходимость пересмотра организационных принципов международной системы. По его мнению, США и другим ведущим игрокам необходимо выработать совместные подходы к решению проблем терроризма, распространения оружия массового поражения, использованию силы и общие экономические правила в век глобализации. Айкенберри выступал с критикой администрации Буша, которая своей неоимперской стратегией угрожала разрушить существующую инфраструктуру международных отношений. Стратегия Буша, как считал Айкенберри, была обречена на провал и усилила глобальные антиамериканские настроения⁵⁴⁰.

Айкенберри отмечал, что США не будут добиваться решения проблем безопасности на основе реалистической стратегии, взаимодействуя с другими державами, не будут они действовать и в соответствии с либеральной стратегией, опираясь на демократические институты и нормы. Америка постарается закрепить свой отрыв от остального мира в военной сфере, используя финансовые и технологические возможности, с тем чтобы ни одно государство или группа государств не смогли бы оспорить США в роли лидера, защитника, судьи. В этом контексте Айкенберри ссылаясь на слова Дж. Буша-младшего: «Америка является самой могущественной военной державой и будет поддерживать свою мощь на недостижимом для других уровне. Это делает

⁵³⁹ *Ikenberry J.* American Grand Strategy in the Age of Terror // *Survival*. 2001. № 43 (4) Pp. 19–34.

⁵⁴⁰ *Ikenberry G.J.* *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. New Jersey: Princeton University Press. 2000. 320 p.

гонку вооружений бессмысленной, и соперничать с Америкой можно будет в торговле и в устремлениях к миру».

Ключевой тезис Айкенберри в контексте ТГС заключался в том, что Соединенным Штатам следует продолжать активно участвовать в международных делах, играя стабилизирующую роль в критических регионах и оставаться доброжелательным гегемоном (*benevolent hegemon*). При этом, если Вашингтон действует агрессивно, в одностороннем порядке (как, администрация Буша в Ираке), он подрывают источник собственного успеха и ослабляет гегемонию.

Продолжая этот тезис в своей совместной работе с профессором Джорджтаунского университета и сотрудником американского «Совета по международным отношениям» (Council on Foreign Relations) Ч. Купчаном Айкенберри указывал на то, что легитимность Америки как глобальной державы зависит, прежде всего, от возможности Соединенных Штатов «уважительно господствовать над другими странами». Исследователи считали, что другие нации якобы видят в США державу, справедливо трактующую международные принципы и нормы. Легитимность Вашингтона должна была увеличиваться в том случае, если американцы преследуют не свои узко понимаемые национальные интересы, а коллективные интересы всего мирового сообщества. В этом случае действия Соединенных Штатов должны были и в дальнейшем получать поддержку, а международная система – импульс, позволяющий всем странам доверять и сотрудничать друг с другом⁵⁴¹.

В одной из позднейших работ, немного выходящей за рамки исследуемого периода — «Либеральный левиафан: происхождение, кризис и трансформация американского мирового порядка» (2011) Айкенберри, совместно с Дж. Майерс, вступал в полемику с реалистами и сторонниками

⁵⁴¹ *Ikenberry J. Kupchan C. Liberal Realism // The National Interest. 2004. Fall. P. 45.*

неоимперского подхода, утверждавшими тождество империи и гегемонии в качестве характеристик американского доминирования. Исследователь считал, что гегемония отличается договорным характером, в котором субъект гегемонии предоставляет услуги и рамки для сотрудничества, а взамен просит участия и поддержки объектов гегемонии — более слабых и второстепенных государств. США оформляли международный порядок и господствуют в нем, гарантируя при этом поступление прибыли другим государствам, которым эта прибыль обеспечена их согласием. В противоположность империи, такой договорной порядок зависел от соглашений касательно правил системы между ведущим государством и всеми другими. Однако опыт Иракской войны показывал, что на периферии мирового порядка гегемон может действовать иным образом. Айкенберри подвергал жесткой критике ближневосточную политику администрации Дж. Буша-младшего, называя ее уже «нелиберальной гегемонией». Он отмечал, что унилатерализм, подразумевающий односторонние действия гегемона, стал одной из основ доктрины Буша⁵⁴².

При этом Айкенберри, по сути, оставался последователем либеральной версии теории гегемонистской стабильности, хотя и отрицал необходимость гегемонии для сохранения устойчивого международного режима. Он высказывал аргументы об отсутствии альтернативы лидерству Вашингтона и отмечал увеличение числа союзников США по сравнению с периодом холодной войны в качестве аргумента в пользу стабильности гегемонии. Исследователь также трактовал любые ослабления американского влияния, характеризуя их как понятный динамический процесс. Айкенберри считал, что Соединенные Штаты как гегемон желали сохранить свое доминирующее положение, не платя при этом издержки

⁵⁴² *Ikenberry G.J., Myers J.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. New Jersey: Princeton University Press, 2012. 392 p.*

принуждения, поэтому они стремятся создать систему, в которой могут ограничить негативные последствия потери власти (проигравший не теряет все), а также обязуется предотвращать попытки других держав занять господствующее положение. Это делается с помощью институтов, которые являются «липкими» (sticky) (структуры, которые удобнее продолжать использовать, чем обновлять). Эти институты благоприятствуют интересам гегемона, но обеспечивают защиту и стабильный мировой порядок для остального мира. Чем более открыт этот мировой порядок, тем меньше вероятность того, что появится претендент на лидерство⁵⁴³.

Еще одним важным исследователем, развивавшим ряд положений ТГС, являлся профессор Виргинского университета, политолог Дж. Оуэн. Он дополнял аргумент либеральных интернационалистов о важности коллективной поддержки гегемона своим тезисом об элитном консенсусе, лежащим в основе гегемонистской системы. Оуэн считал, что представители политических элит в большинстве стран мира считали выгодным для себя разделять американские ценности и либеральные взгляды. Исследователь отмечал, что «либеральные элиты во всем мире склонны искать совпадение интересов между своей страной и другими либеральными странами. Они интерпретируют Соединенные Штаты как безобидного гегемона и не уделяют ресурсы для противодействия им. В свою очередь, руководство США обычно относительно благосклонно к подобным элитам»⁵⁴⁴. По мнению Оуэна, либеральные элиты «отождествляют себя с успехами друг друга» и, следовательно, поддерживают Соединенные Штаты как ведущую либеральную страну. Их беспрецедентная мощь «порождает у большинства неамериканских

⁵⁴³ *Ikenberry J.* Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // *International Security*. 1999. № 23 (3). Pp. 43–78.

⁵⁴⁴ *Owen J. M.* Transnational Liberalism and U.S. Primacy // *International Security* № 26 (3) 2001. P. 121.

либералов не страх, а молчаливое согласие (реальное или риторическое)»⁵⁴⁵.

Также исследователь полагал, что только у США есть возможность быть мягким гегемоном, в то время любой их потенциальный конкурент лишен такого потенциала, применяя таким образом классический аргумент сторонников ТГС о высоких затратах на контргегемонию. Вашингтон, как считал Оуэн, обогащался за счет своей эффективной экономической политики, попутно обогащая другие страны. Гегемон якобы применял свою власть не для подчинения, а для установления и поддержания порядка через институты, которые со временем принесут всеобщую выгоду. Оуэн пришел к выводу о том, что если антилиберальные игроки исчезнут с лица земли, то доминирование США в системе международных отношений также утратит свой смысл. Гегемония станет атрибутом эффективных транснациональных институтов, лишенных национальных и государственных привязанностей⁵⁴⁶.

Профессор Университета Джонса Гопкинса М. Мандельбаум, рассуждая в русле либерального подхода и, отчасти, в русле идей З. Бжезинского, противопоставлял лидерство и гегемонию, поддерживая в этом также Дж. Айкенберри. Несмотря на то, что Мандельбаум активно критиковал военные расходы администрации Дж. Буша-младшего, в своих работах он в целом поддерживал стремление США к гегемонии в ее либеральном варианте. При этом, по мнению политолога, главной задачей американской политики в XXI веке являлась защита мира, демократии и свободной международной торговли, что соответствовало положениям ТГС. Для выполнения этой задачи, как считал Мандельбаум, возможностей США как сильнейшего и богатейшего государства будет недостаточно.

⁵⁴⁵ Там же. Р. 151.

⁵⁴⁶ Там же. Р. 152.

Исследователь видел в основе концепции лидерства, противопоставляемой жесткой гегемонии, признание важности уже существующих международных институтов и механизмов, действующих в сфере безопасности и экономики. В контексте критики политики Дж. Буша-младшего он считал, что Вашингтон как справедливый лидер должен заняться их поддержанием и усовершенствованием, а не разрушением. Также Мандельбаум указывал на важность взаимодействия с другими ведущими государствами в решении задач распространения демократии и рыночной экономики, прежде всего в России и Китае, затем в арабском мире, так как в одиночку решить их США не смогут⁵⁴⁷.

В своей работе «Дело Голиафа: Как Америка действует в качестве мирового правительства в XXI веке» (2005 г.). Мандельбаум еще более последовательно отстаивал идею о конструктивной роли гегемонии США. Он считал, что после распада Советского Союза, США, в качестве «гаранта глобальной безопасности и менеджера мировой экономики», действовали как «фактическое правительство международной системы». Эксперт отмечал особую роль Вашингтона в нераспространении ядерного оружия и экономической стабилизации мировой системы, предлагая присудить американскому государству нобелевскую премию мира за соответствующие усилия. Также он указывал на высокие затраты Соединенных Штатов на поддержание мирового порядка, которые отказываются нести другие его выгодополучатели из числа американских союзников. Мандельбаум, в русле либерального подхода, критиковал администрацию Дж. Буша-младшего за пренебрежение получением глобального одобрения перед военным вмешательством, за недостаточную роль в контроле нефтяного рынка и за отсутствие усилий по борьбе с глобальным потеплением. При этом он подчеркивал, что самые

⁵⁴⁷ *Mandelbaum M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. 2002. № 81 (5) P. 61–73.*

цивилизованные страны мира пренебрегали международным правом, как это сделали США, вторгнувшись в Ирак, когда это отвечало их интересам.

Исследователь постулировал необходимость единого стабилизатора для устойчивости мировой системы. Он отвергал в этом качестве Организацию Объединенных Наций, характеризуя ее как «торговую ассоциацию государств». Евросоюз определен Мандельбаумом как «мировое общество», находящееся в «подчиненно-симбиотических» отношениях с «мировым правительством» в лице Соединенных Штатов и, соответственно, не претендующее на статус гегемона. В полном соответствии с положениями ТГС он пришел к выводу, что миру требуется лидерство на международном уровне, обеспечивающее безопасность, защищающее торговлю и политическую свободу. По мнению Мандельбаума, самые существенные угрозы американской гегемонии находятся внутри США и представляют собой изоляционистские тенденции, которые начинает разделять часть американской элиты. Автор прогнозировал, что страны, критикующие Вашингтон за его роль в качестве мирового правительства, продолжат принимать минимальное участие в поддержании стабильного миропорядка, продолжат критиковать Соединенные Штаты и будут впоследствии ностальгировать по американской гегемонии⁵⁴⁸.

Американский политолог А. Ливен значительно более критично воспринимал курс Вашингтона. Он считал, что политика Соединенных Штатов в постбиполярную эпоху порождает серьезные вызовы, как для США, так и для остального мира. Они заключались в перспективах использования американского военного доминирования, которое было использовано в период руководства Дж. Буша-младшего, а также в

⁵⁴⁸ *Mandelbaum M.* The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century. NY: Public Affairs, 2005. 230 p.

вероятности сопротивления ему. Ливен полагал, что «квази-имперская» политика Вашингтона вызовет противодействие, и рано или поздно силы, противостоящие гегемону, найдут эффективные средства для борьбы с ним.

Однако Ливен может быть отнесен к либералам-оптимистам. Эксперт действительно выступал с активной критикой неоконсервативного понимания теории демократического мира, в рамках которого США вынуждены вести долгосрочные войны против любых стран, высказывающих неповиновение. Однако Ливен указывал на то, что стремления неоконсерваторов, совпадающие со взглядами отдельных представителей администрации Буша, не следовало воспринимать как окончательную внешнеполитическую стратегию США после окончания холодной войны. Неоконсервативные взгляды, по его мнению, были наложены на вильсонианское наследие, а также на конструктивную стратегию, разработанную при администрации Клинтона, которую автор обозначил как «либеральная гегемония». Исследователь считал, что концепция «демократического мессианства» прочно коренится в сознании американцев и в американской идеологии («американское кредо»). Кроме этого, политические элиты США, по мнению Ливена, испытывали чувство скептицизма относительно способности других стран создать свою форму демократии. В связи с этим критикуемые им агрессивные действия администрации Буша представлялись Ливену временным явлением, которое, вероятно, будут сменяться новым циклом либерального подхода к гегемонии США, полезной для всего мира⁵⁴⁹.

Важной работой в контексте либерального понимания теории гегемонистской стабильности стала книга американско-индийского исследователя международных отношений Ф. Закарии «Постамериканский мир» (2008). В ней автор признавал распространенный в тот период в

⁵⁴⁹ *Lieven A. A Trap of Their Own Making. Policy Review // London review of books. 2003. № 25 (9). P. 1.*

экспертном сообществе США тезис о возрастании потенциала Китая и Индии, а также о возможности развития их в качестве конкурентов Соединенным Штатам⁵⁵⁰. Тем не менее, входя в противоречие с названием своей работы, он отрицал упадок американской гегемонии. Закария считал, что усиление указанных выше стран означает лишь потерю некоторой доли глобального влияния США, но, по его мнению, этот процесс будет совсем не похож на падение Великобритании в XX веке. Исследователь полагал, что Америка будет оставаться страной с жизнеспособной, динамично развивающейся экономикой, а также находиться на переднем крае следующих научно-технологических революций до тех пор, пока она сможет принимать стоящие перед ней вызовы и приспосабливаться к ним⁵⁵¹.

В контексте теории гегемонистской стабильности он отмечал особую роль международных институтов в том, что потенциальные конкуренты мирового лидера избрали стратегию мирной конкуренции и встраивания в систему, а не противодействия и разрушения ее основ. Индия и Китай, как считал Закария, стремились стать «привлекательным партнером» в мире, где Соединенные Штаты рассматривались как «властный гегемон»⁵⁵². В рамках либерального подхода Закария утверждал, что Вашингтон сможет сохранить большую часть своего международного политического влияния, а проблемы, с которыми сталкивалась экономика США (чрезмерное потребление, низкие сбережения, дефицит бюджета, зависимость от иностранных кредиторов), якобы могли быть решены в краткосрочной перспективе⁵⁵³. При этом Вашингтон, по его мнению, успешно продвигал свое видение мира в вопросах модернизации, глобализации, защиты прав

⁵⁵⁰ Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М: Европа. 2009. С. 21.

⁵⁵¹ Там же. С. 182.

⁵⁵² Там же. С. 127.

⁵⁵³ Там же. С. 210–214.

человека и продвижения демократии. В связи с этим США, как благожелательный гегемон, будут способны оставаться ключевым игроком в более богатом, динамичном и захватывающем мире⁵⁵⁴. Для этого Белому дому необходимо было отказаться от жесткой линии администрации Дж. Буша-младшего и вернуться к поддержке многосторонних институтов, выполняя функции лидера системы, на которые в мире существует «экономический и идеологический спрос»⁵⁵⁵.

Значительная часть представителей либерального подхода к ТГС, подобно Ф. Закарии, подвергали критике администрацию Дж. Буша-младшего за необдуманные действия, разрушающие международный режим и подрывавшие легитимность устанавливаемого Вашингтоном миропорядка. В частности, американский политолог Дж. Монтен в своей работе «Корни доктрины Буша: власть, национализм и продвижение демократии в стратегии США» обвинял неоконсерваторов из числа соратников 43-го президента США в провале идеи продвижения демократии, выдвигаемой Вашингтоном со времен У. Клинтона для обоснования своей гегемонии. Автор утверждал, что концепция продвижения демократии за рубежом считалась американским руководством из обеих партий жизненно важной идеей для успеха Соединенных Штатов в создании стабильной мировой системы и виделась одной из причин успешного для Вашингтона завершения холодной войны⁵⁵⁶. Она также была ключевой целью большой стратегии американского истеблишмента по расширению политического и

⁵⁵⁴ Там же. С. 219.

⁵⁵⁵ Там же. С. 234.

⁵⁵⁶ *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U.s. Strategy // *International Security*. 2005. № 29. P. 112.

экономического влияния Соединенных Штатов на глобальном уровне и замещению международных институтов.

Монтен, отсылая к Г. Киссинджеру («Америка как маяк» и «Америка как крестоносец»), рассматривал два конкурирующих подхода к долгосрочному продвижению демократии: 1. «образцовость» (exemplarism) или лидерство посредством примера; 2. «виндикационизм» (vindicationism), или прямое использование ресурсов Соединенных Штатов, включая применение военной силы⁵⁵⁷. По его мнению, в период У. Клинтона якобы преобладал первый подход, а виндикационизм стал предпочтительной стратегией администрации Буша-младшего. Монтен считал виндикационизм ошибочным подходом, хотя и являющимся частью поведения любого государства-гегемона. Его доминирование в американской внешней политике начала XXI века трактовалось как временное явление, связанное с асимметричным преобладанием Вашингтона над потенциальными конкурентами. В этом смысле США, долгое время являвшиеся мировым лидером, меняли подходы к гегемонии в зависимости от наличия сопоставимых по силе конкурентов и поддержки союзников. В рамках ближневосточной политики Дж. Буша-младшего, как отмечает Монтен, поддержка союзников была незначительной, в связи с этим Белый дом был вынужден проводить одностороннюю политику в духе виндикационизма⁵⁵⁸. Дж. Монтен наиболее отчетливо формулирует тезис либеральной школы ТГС в постбиполярную эпоху, подчеркивая различия в политике У. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Либералы стремились к тому, чтобы провалы США в Ираке и Афганистане не запятнали американскую гегемонию в целом, поэтому противопоставляли политику двух

⁵⁵⁷ Там же. Р. 123.

⁵⁵⁸ Там же. Р. 147.

президентов, оценивая Б. Обаму как продолжателя якобы конструктивной политики Клинтона.

Еще одним важным голосом среди сторонников ТГС был исследователь международных отношений Ч. Купчан. С 1991 г. эксперт ожидал скорого конца гегемонии США, а в 2003 г. соглашался с тем, что эта гегемония является основой относительной стабильности постбиполярной эпохи⁵⁵⁹. При этом он считал, что реальной опасностью для США является ошибочная оценка изменений, происшедших в мире и разительное несовпадение американской позиции с видением будущего порядка у остального мира. При этом Купчан критиковал односторонние действия администрации Дж. Буша-младшего и указывал на то, что его политика может привести не только к разгрому «Аль-Каиды», но и к полному уничтожению институтов, норм и союзов, составляющих основу мира и процветания современной международной системы⁵⁶⁰.

Позднее Купчан выступил с более критических и весьма оригинальных позиций. Он предложил делегировать часть ответственности Соединенных Штатов концерту великих держав. Смит считал, что односторонность и изоляционизм, вероятно, станут постоянными атрибутами американской политики с учетом демографических и экономических изменений⁵⁶¹. В связи с этим эксперт полагал, что новой борьбы за гегемонию удастся избежать, если американское глобальное превосходство будет заменено консенсусом ведущих государств, в котором каждая страна играет роль стабилизатора в своем регионе. Эти полномочия должны быть обеспечены общим признанием либеральных норм и практик,

⁵⁵⁹ *Kupchan, C. The End of the American Era: US Foreign Policy and Geopolitics in the Twenty-First Century. NY: Vintage Books, 2003. P. 28, 57-58.*

⁵⁶⁰ *Kupchan C. Misreading September 11th // The National Interest. Fall 2002. Pp. 29-30.*

⁵⁶¹ *Kupchan C. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. NY: Knopf, 2002. P. 28, 119-159.*

включая стратегическую сдержанность, членством в международных институтах и стремлением к транснациональной интеграции⁵⁶².

Обращает на себя внимание, что Купчан рассуждая с точки зрения либеральной трактовки ТГС, полагал неизбежность передачи гегемонистской власти от США другим акторам. Уникальность его позиции заключалась в промежуточном этапе, когда эта власть будет разделена Вашингтоном с концертом великих держав. Тем не менее, финальная точка в виде распределенной гегемонии остается у Купчана ярким маркером принадлежности его к либеральному интернационализму.

Эксперты из числа либеральных сторонников ТГС однозначно признавали наличие американской гегемонии в постбиполярном мире. При этом большинство из них противопоставляло гегемонию (понимаемую как жесткое доминирование) термину лидерство. Также представители этого подхода в основном не поддерживали концепцию однополярности, указывая в качестве источника гегемонии международные режимы, глобальные институты и, что представляется особенно важным, согласие сильнейших государств мира. Американская либеральная гегемония, с точки зрения этой группы исследователей, однозначно выполняла свою стабилизирующую функцию. При этом некоторые из мыслителей полагали, что гегемония могла бы сохраниться даже в случае ослабления Соединенных Штатов, опираясь на либеральные институты при консенсусе ведущих демократических государств. Несмотря на критику политики Дж. Буша-младшего, большинство исследователей полагали, что США удастся преодолеть «искушение силой» и перейти к «образцовому лидерству» (По

⁵⁶² Там же. Р. 33-34, 65, 247-303

Дж. Монтену), вернув американскому государству ценностную привлекательность.

Можно заключить, что значительная часть американских экспертов, разделявших разные подходы к международным отношениям, после окончания холодной войны прогнозировали конструктивную роль американской гегемонии для мировой системы. Несмотря на различия в отношении к политике У. Клинтона и Дж. Буша-младшего, общим местом для их рассуждений была позитивная роль США в формирующемся постбиполярном миропорядке, а также относительная долгосрочность их гегемонии. В зависимости от подхода предлагались способы для закрепления доминирующей роли Соединенных Штатов: противостояние контргегемонистской коалиции, агрессивное продвижение демократии или укрепление мягкой силы и международных институтов. По всей видимости, именно подобные «оптимистичные» экспертные оценки будущего гегемонии США нашли поддержку в рядах американского истеблишмента и стали важным аргументом в формировании внешней политики Вашингтона в рассматриваемый период. Неудачи Соединенных Штатов в роли мирового лидера и стабилизатора системы объяснялись представителями элит исключительно недостаточными усилиями самих США или сопротивлением противников Америки, а не изначально ошибочным положением о стабильности гегемонистской системы.

3.2. Позиции противников теории гегемонистской стабильности в экспертном сообществе США

Как показывает предшествующий анализ, теория гегемонистской стабильности являлась важной частью мировоззрения значительного числа американских внешнеполитических экспертов, а также оказала

существенное влияние на формирование внешнеполитического курса Вашингтона в постбиполярную эпоху. Однако многие исследователи международных отношений, разделяющие реалистический и либеральный подходы, сохраняли скептическое отношение к тезису о стабильности системы, в которой доминирует одно государство, даже если этим государством будут являться родные для них Соединенные Штаты.

Так, основатель структурного реализма К. Уолтц в своей работе «Формирующаяся структура международной политики» (1993 г.) полемизировал с теорией гегемонистской стабильности и теорией демократического мира. Он опровергал тезис о том, что демократические государства не воюют друг с другом, указывая на примеры британо-американской войны 1812 г., Гражданской войны в США, а также на демократический характер Германской империи в период Первой мировой войны. По мнению Уолтца, недемократический характер постфактум приписывался ряду проигравших государств победителями по итогам войн, а сама теория во многом основана на исторических спекуляциях. Относительно перспективы американской гегемонии в 1993 г. исследователь полагал, что Германия и Япония, вероятно, будут наращивать свою экономическую и политическую мощь в постбиполярную эпоху, снижая относительное превосходство США. Однако Уолтц признавал, что важнейший ядерный компонент может обеспечить Вашингтону достаточно долгое доминирование⁵⁶³. Хотя впоследствии Уолтц отмечал перспективы американской гегемонии и слабость антигегемонистских союзов⁵⁶⁴, большинство структурных реалистов в 1990-е гг. настаивали на том, что другие крупные державы достаточно

⁵⁶³ *Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // International Security. 1993. № 18 (2). С. 44–79.*

⁵⁶⁴ *Waltz K. The United States: Alone in the World / Zartman W. Imbalance of Power: US Hegemony and International Order. Boulder: Lynne Rienner, 2009. P. 29.*

быстро сформируют балансирующие коалиции против Соединенных Штатов.

Уолтц пересмотрел их прогнозы в своей работе «Структурный реализм после холодной войны» (2002). Ученый еще более подробно рассматривал и критиковал теорию демократического мира, приводя множество примеров того, как демократические и даже либерально-демократические государства были готовы к вооруженному конфликту друг с другом. Уолтц ссылаясь на аргумент К. Лейна о том, что не политический режим, а внешние факторы, вполне согласующиеся с теорией структурного реализма, мешали им начать войну. Также исследователь полемизировал с концепцией комплексной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная, указывая на наличие ярко выраженного неравенства в большинстве созависимых отношений государств, которое может стать важным фактором для конфликта. Уолтц, ссылаясь на свои более ранние работы, утверждал, что эта концепция является «идеологическим постулатом, используемым американцами, чтобы замаскировать огромное влияние, которым пользуются Соединенные Штаты в международной политике, создавая впечатление, что сильные и слабые, богатые и бедные страны одинаково запутались в густой паутине взаимозависимости». Отсылая к работе С. Стрендж «Отступление государства: диффузия власти в мировой экономике» (1996)⁵⁶⁵, он показывал, что гегемонистский порядок, возникший после холодной войны, привел к новой волне концентрации экономических ресурсов в руках богатейших государств и, в особенности, в руках самого гегемона. По мнению Уолтца, никогда, со

⁵⁶⁵ *Strange S.* The Retreat of the state: the diffusion of power in the world economy. New York: Cambridge University Press, 1996. 218 p.

времен Римской империи, мощь не была столь сконцентрирована в одном государстве⁵⁶⁶.

Уолтц также указывал на неверность предположений о скорой замене власти государств властью международных институтов. Он приводил в пример НАТО как международную организацию, пережившую свою цель, но сохранившуюся в качестве инструмента поддержания доминирования США во внешней и военной политике европейских государств⁵⁶⁷. В этом контексте Уолтц активно критиковал якобы конструктивную роль американской гегемонии в мировой системе. Он писал: «История американской внешней политики после Второй мировой войны изобилует примерами того, как Соединенные Штаты использовали свой превосходящий экономический потенциал для продвижения своих политических интересов и интересов безопасности»⁵⁶⁸.

Важной частью его работы являлась критика доктрины Клинтона и концепции расширения демократии как стабилизирующего фактора. Уолтц отмечал: «Часто напоминают, что Соединенные Штаты являются не просто доминирующей мировой державой, но и либеральной доминирующей державой. Действительно, мотивация инициаторов экспансии – президента Клинтона, советника по национальной безопасности Э. Лейка и других – заключалась в том, чтобы возвращать демократию в молодых, хрупких и многострадальных странах. Однако можно задаться вопросом, почему это должна быть американская, а не европейская задача, а также почему военная, а не политико-экономическая организация должна рассматриваться как подходящее средство для ее выполнения. Задача

⁵⁶⁶ *Waltz K. Structural Realism After the Cold War // International Security. 2002. № 25 (1). P. 9.*

⁵⁶⁷ Там же. P. 13.

⁵⁶⁸ Там же. P. 9.

построения демократии не является военной. Военная безопасность новых членов НАТО не находится под угрозой»⁵⁶⁹.

Уолтц также указывал на недостатки ТГС как основы внешней политики США в постбиполярную эпоху, а также объяснительную ценность структурного реализма применительно к ней: «Победитель в холодной войне и единственная оставшаяся великая держава вела себя так, как обычно поступали необузданные державы (unchecked powers). В отсутствие противовесов преобладают внутренние импульсы страны, подпитываемые либеральными или другими побуждениями. Ошибка реалистических прогнозов о том, что окончание холодной войны будет означать конец НАТО, возникла не из-за неспособности реалистической теории понять международную политику, а из-за недооценки глупости Америки»⁵⁷⁰.

Ученый соглашался с наличием однополярной системы, однако видел ее как наименее прочную из международных конфигураций. Он прогнозировал, что вне зависимости от того, будут ли США злоупотреблять своей властью, державы-конкуренты рано или поздно сформируют контрgegемонистскую коалицию. При этом Уолтц отмечал, что американская политика, особенно в контексте кризиса в Югославии, была порождена не интересами мировой стабильности и безопасности, а внутренним политическим давлением и национальными амбициями. Таким образом, предполагая постепенное балансирование гегемонии Вашингтона, он указывал и на слабость постулата о его конструктивной роли⁵⁷¹.

Также важным аргументом реалистов-скептиков являлось вероятное «имперское перенапряжение» (imperial overstretch) американского государства, обусловленное чрезмерными внешнеполитическими

⁵⁶⁹ Там же. Р. 23.

⁵⁷⁰ Там же. Р. 15.

⁵⁷¹ Там же. Р. 18.

обязательствами. Автор термина, выдающийся теоретик международных отношений, британо-американский историк П. Кеннеди в своей знаменитой работе «Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты» предполагал, что это состояние затронет США, вызывая их ослабление и постепенную утрату первенства⁵⁷². В 2002 г. Кеннеди, как и Уолтц, отметил то, что американская гегемония все еще существовала, а балансирующая коалиция пока еще не появилась. Однако он более оптимистично воспринимал американскую гегемонию и перспективы ее сохранения. Он объяснял это грамотной адаптацией американской экономики, использовавшей технологическое преимущество для революции в области коммуникаций, а также сохранением значительного военного потенциала, превосходившего, по оценке Кеннеди, девять ближайших конкурентов Вашингтона.

Историк считал, что только если экономический рост Соединенных Штатов замедлится, а бюджетные и фискальные проблемы усугубятся в течение следующей четверти века, то угроза имперского перенапряжения вернется. В этом случае главной проблемой, с которой столкнется мировое сообщество, может стать возможный крах потенциала и ответственности США, а также хаос, который вероятно возникнет в результате такого сценария⁵⁷³.

Обращает на себя внимание, что основатель реалистического подхода к ТГС Р. Гилпин отрицал существование американской гегемонии в постбиполярную эпоху и никогда не применял рассматриваемую теорию к указанному периоду. В 2002 г. в своей работе «Вызов глобального капитализма. Мировая экономика в XXI веке» ученый отмечал, что США, хотя и стимулировали другие государства открывать свои рынки, обладали

⁵⁷² *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты. М:Гонзо. 2020. 848 с.

⁵⁷³ *Kennedy P.* The Greatest Superpower Ever // *New Perspectives Quarterly*. 2002. № 19 (2). Pp. 8–18

недостаточным весом в мировой экономике, чтобы осуществлять стабилизирующую функцию. Он также считал, что после окончания холодной войны, по прошествии определенного периода, глобализация может быть свернута, так как руководство ведущих держав снова сочтет выгодным возврат к протекционистским мерам, а отсутствующий гегемон не сможет этому помешать. Гилпин призывал Вашингтон к расширению Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), реформе МВФ и Всемирного банка для защиты глобализации, подкрепив это сотрудничеством с ведущими экономическими игроками мира⁵⁷⁴.

Американский юрист и последователь неореализма К. Лейн внес значительный вклад в концептуализацию ТГС. Его позиция в отношении перспектив американской гегемонии менялась, однако со временем, с учетом трансформации его мировоззрения, он может быть однозначно отнесен к экспертам-скептикам. Ранний Лейн подобно Уолтцу и Гилпину подвергал критике концепцию «однополярного момента» Ч. Краутхаммера в своей работе под названием «Однополярная иллюзия». Он считал, что внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов, основанная на своем военном и экономическом превосходстве, закрепленном после Войны в Персидском заливе 1990-1991 гг. будет недолговечной. «Однополярный момент», как считал Лейн, был всего лишь «интерлюдией» перед возникновением нового миропорядка с новыми сильными государствами, бросившими вызов гегемонии США. Он предлагал Вашингтону выработать

⁵⁷⁴ *Gilpin R.* The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the Twenty-First Century. New Jersey: Princeton University Press, 2002. 373 p.

стратегию для снижения издержек и упорядочивания будущего однополярного мира⁵⁷⁵.

В своей работе «Американская гегемония без врагов» Лейн совместно с политологом Б. Шварцем развивал свои тезисы, отмечая, что стремление сохранить свое господство ослабило Соединенные Штаты и вынудило их негативно реагировать на любые изменения в международной политике. Они критиковали слова У. Клинтона о том, что «США не могут быть просто... еще одной великой державой». Исследователи, в духе реализма, приводят цитату классика американской политологии У. Липпмана: «В реальном мире, нам придется научиться жить как великая держава, которая защищает себя и прокладывает свой путь среди других великих держав» (In the real world we shall have to learn to live as a great power which defends itself and makes its way among other great powers)⁵⁷⁶. Лейн настаивал на том, что Соединенные Штаты не смогут долгое время играть роль глобального гегемона, не вызывая при этом сильного сопротивления и не перенапрягая собственные ресурсы⁵⁷⁷.

В 2006 г. в своей работе «Бессильная власть? Пересмотр американской гегемонистской мощи» Лейн отмечал, что вторжение США в Ирак в 2003 г. вопреки согласию ООН в полной мере продемонстрировало их гегемонию. Однако он считал, что Вашингтон был гораздо эффективнее в политике сдерживания, чем в политике принуждения, которой Белый дом начал отдавать предпочтение в постбиполярную эпоху. Он расценивал неудачи курса на продвижение демократии в Ираке и Афганистане как провал гегемона в столкновении с центробежными националистическими установками. Хотя, как признавал Лейн, неспособность Америки

⁵⁷⁵ Layne C. The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise // International Security. 1993. № 17 (4). Pp. 5–51

⁵⁷⁶ Layne C. Schwarz B. America Hegemony-Without an Enemy // Foreign Policy. 1993. № 92 Pp. 5–23

⁵⁷⁷ Layne C. Offshore Balancing Revisited // Washington Quarterly. 2002. № 25 (2) Pp. 233–248

переделать другие государства, по его мнению, это не означало, что она не является гегемоном. При этом эксперт считал, что американская гегемония уже начинает ослабевать и новые великие державы находятся в процессе становления. Исследователь апеллировал к тезисам реалистов У. Липпмана, Дж. Кеннана, Г. Моргентау и К. Уолтца, которые подчеркивали опасность «искушения гегемонистской власти» (the temptations of hegemonic power) и предлагали ограничить глобальные притязания Соединенных Штатов. Лейн полагал, что в будущем Вашингтону, для того чтобы сохранить свою роль гегемона, придется либо продолжать повышение военных расходов, что дополнительно ослабит его экономические позиции, либо отказаться от этого и стать просто одной из великих держав.⁵⁷⁸

В 2009 г., в своем эссе «Уменьшение гегемонии США – миф или реальность?» он отмечал, что основным фактором международных отношений в постбиполярную эпоху стала однополярная или гегемонистская стабильность, которая заменила баланс сил в качестве основного предмета дебатов во внешнеполитическом экспертном сообществе. Лейн признавал, что «судя по развитию событий, судьба прежних гегемонов не постигла Соединенные Штаты»⁵⁷⁹.

При этом Лейн критиковал реалистов из числа сторонников ТГС У. Уолфорта и С. Брукса за то, что их аргументация основана на «замороженном» представлении о распределении возможностей в международной системе. Лейн считал, что его оппоненты-реалисты не учитывали возможные причины конца американской гегемонии и однополярного мира. Он указывал на то, что со временем научные достижения, технологии и управленческие навыки распространяются по

⁵⁷⁸ *Layne C. Impotent Power? Re-examining the Nature of America's Hegemonic Power // The National Interest. 2006. № 85. Pp. 41–47.*

⁵⁷⁹ *Layne C. The Waning of U.S. Hegemony—Myth or Reality? A Review Essay // International Security. 2009. № 34 (1). P. 150.*

всей международной экономической системе, что позволит другим государствам сократить соответствующий разрыв с США. Он отмечал, что согласно Бруксу и Уолфорту, «однополярный момент» продлится около двадцати лет. В понимании Лейна это не только слабый аргумент в пользу теории гегемонистской стабильности, но и признание того, что другие государства уже заняты созданием противовеса Соединенным Штатам, что стимулирует продолжающийся процесс мультиполяризации. Исследователь считал, что неспособность Уолфорта и Брукса указать ориентиры, которые позволили бы ученым и политикам распознать ключевые моменты перехода от однополярности к многополярности, является вопиющим упущением⁵⁸⁰.

Лейн также считал, оппонировав либеральным институционалистам из числа сторонников ТГС, что именно на арене международных институтов, возможно, будет сформирован по-настоящему постамериканский мир, где впервые будут видны последствия наступления многополярности. Исследователь полагал, что, несмотря на консенсус в американском экспертном сообществе относительно необходимости совершенствования международных институтов, импульс к их реформам исходит от Китая и других развивающихся держав. Он приводил в пример саммит стран «Группы 20» (G20) в Лондоне в апреле 2009 г., на котором представители КНР и ряда других государств указали на необходимость обновления международных институтов и прекращение доминирования в них интересов западных стран.

Кроме того, по мнению Лейна, из-за тенденции к ослаблению экономического и политического потенциала Соединенных Штатов, а также из-за подрыва престижа американского рынка в результате кризиса 2008 г., возникал реальный вопрос о том, сможет ли гегемон в лице

⁵⁸⁰Там же. Р. 162.

Вашингтона и дальше играть ведущую роль в проведении институциональных реформ. Исследователь приводил слова министра финансов США Р. Альтмана о том, что «великая рецессия» «снизила доверие к американской модели свободного рыночного капитализма» (*put the American model of free market capitalism under a cloud*)⁵⁸¹.

Лейн отмечал, что тезисы об упадке Соединенных Штатов, высказанные Р. Гилпином в 1987 г., оказались еще более верными в 2009 г.: «С учетом снижения темпов экономического роста и низкого уровня национальных сбережений, США однажды придется еще больше сократить свои зарубежные обязательства, снизить американский уровень жизни или сократить внутренние производственные инвестиции. Тем временем, американской гегемонии угрожает опасность — потенциально разрушительный финансовый кризис»⁵⁸². Лейн пользовался «британской аналогией» и утверждал, что стратегическое сокращение американских внешнеполитических обязательств позволит растущим державам существенно сузить нынешний военный разрыв между ними и Соединенными Штатами. Полемизируя со сторонниками теории гегемонистской стабильности, он указывал на то, что в XX веке британская гегемония закончилась в связи с тем, что у Лондона не хватило ресурсов для ответа на одновременно возникавшие угрозы своим интересам в Европе, Азии, и Африке. В ближайшие годы, по мнению Лейна, существует большая вероятность того, что все более перенапряженные Соединенные

⁵⁸¹ *Altman R.* The Great Crash, 2008: A Geopolitical Setback for the West // *Foreign Affairs*. 2009. № 88 (1) P. 3.

⁵⁸² *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. New Jersey: Princeton University Press, 1987. Pp. 347–348.

Штаты могут увидеть, как их гегемония будет ослаблена в результате аналогичного процесса.

Обращает на себя внимание, что Лейн, ссылаясь на экономиста Т. Фридмана⁵⁸³, признавал, что глобализация является, по сути, американизацией мира. При этом, опираясь на тезисы политолога Дж. Киршнера, он отмечал, что «глобализация не является ни непреодолимой и необратимой» в той степени, в которой она опирается на основы американской мощи. В ближайшие годы, по мнению исследователя, ход глобализации мог бы подвергнуть испытанию теорию гегемонистской стабильности. Он ставил под вопрос, смогут ли Соединенные Штаты продолжать действовать в качестве гегемонистского стабилизатора (*hegemonic stabilizer*), поскольку финансовый кризис 2008 г. вынуждал их сокращать стратегические расходы. Лейн подвергал сомнению то, что с экономической точки зрения США по-прежнему оставались гегемоном⁵⁸⁴.

С точки зрения исследователя, «великая рецессия» показала, что Вашингтон оказался неспособен выполнять функции стабилизатора мировой экономической системы. Он указал на то, что либеральная идеология, продвигаемая США, потерпела неудачу в кризисный период, так как международные институты, поддерживаемые американской стороной, не смогли обеспечить скоординированный ответ на кризис. В то же время, благодаря действиям национальных правительств, значительно усилилась роль государства в регулировании экономической политики, что в корне

⁵⁸³ *Friedman T. L.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. NY: Farrar, Straus, and Giroux. 2000. P. 9.

⁵⁸⁴ *Layne K.* The Waning of U.S. Hegemony—Myth or Reality? A Review Essay // *International Security*. 2009. № 34 (1). P. 170.

противоречит стабилизирующей функции гегемона, который, согласно ТГС, должен был способствовать либерализации мировой торговли⁵⁸⁵.

Следует отметить, что в поздних работах, выходящих за пределы рассматриваемого диссертацией периода, Лейн сделал существенный вклад в концептуализацию и уточнение теории гегемонистской стабильности. В его понимании экономическая функция мирового гегемона-стабилизатора заключалась в установлении правил для международного экономического порядка. В частности, конструктивно действующий гегемон должен был «запускать» мировую экономику во время спадов и кризисов, выступая в качестве рынка последней инстанции, то есть покупая товары других стран, поставляя ликвидность на мировые рынки, выступая в качестве кредитора и предоставляя резервную валюту. В военном отношении гегемон отвечал за стабилизацию регионов, которые жизненно важны для функционирования рассматриваемого международного экономического порядка, а также за защиту линий связи («глобального общего достояния»), от которых зависит открытая международная экономика (в частности, волоконно-оптических линий связи Интернета, морских торговых маршрутов и т.д.)⁵⁸⁶.

Значительная часть реалистов-скептиков, как и К. Уолтц, выступали не только с критикой теории гегемонистской стабильности, но также подвергали сомнению ценность стратегии расширения демократии, продвигавшуюся администрациями Клинтона и Буша-младшего. В частности, политолог Р. Арт в своей работе «Большая стратегия для Америки» (2003) призывал избежать ловушек как изоляционизма, так и вильсонского универсализма. Он предлагал иерархию национальных интересов Соединенных Штатов в постбиполярную эпоху, где «жизненно

⁵⁸⁵ Там же. Рр. 170–172.

⁵⁸⁶ *Layne K.* The US–Chinese power shift and the end of the Pax Americana // *International Affairs*. 2018. № 94 (1). P. 93.

важной» называл защиту собственной территории США, а «очень важными» оценивал мир и стабильность между великими державами Европы и Азии, а также доступ к нефти Персидского залива. Международная экономическая открытость, распространение демократии и прав человека, а также избежание экологической катастрофы хотя и считались Артом «важными», но требовали разумных затрат⁵⁸⁷. Исследователь считал, что Вашингтону следовало избегать военного вмешательства в регионы, отражающие второстепенные интересы. Он также крайне скептически относился к попыткам построить демократию с помощью вооруженных сил⁵⁸⁸.

Автор теории баланса угроз С. Уолт также внес значительный вклад в критику ТГС с реалистических позиций в постбиполярную эпоху. Он признавал однополярность мировой системы и стремился ответить реалистам-оптимистам на вопрос о том, почему не формируется балансирующая коалиция. Уолт полагал, что агрессивные действия США после обретения глобальной гегемонии с наибольшей вероятностью могут привести к возникновению такой коалиции, воспринимающей Вашингтон в качестве угрозы. В свою очередь, американское руководство, согласно концепции Уолта, стремилось сдерживать развитие потенциальных держав-конкурентов для предотвращения угроз с их стороны. Также политические элиты США стремились подчеркнуть свое первенство и якобы благотворные для мировой системы зарубежные интервенции. Это, по оценке Уолта, приводило к снижению ценностной привлекательности Вашингтона. Эксперт считал, что в условиях постбиполярного миропорядка, это объяснялось снижением предсказуемости

⁵⁸⁷ Art R. A grand strategy for America. NY: Cornell Studies in Security Affairs, 2003. P. 45–79.

⁵⁸⁸ Там же. P. 9, 41, 121–160.

внешнеполитического курса Белого дома, которое вызывало опасения у руководства многих ведущих держав⁵⁸⁹.

Уолт отмечал, что в 1990-е гг. американские политики исходили из того, что США могут проводить амбициозную политику, не требующую больших жертв и затрат. Принималось как аксиома положение о том, что мир готов следовать за Америкой и с восторгом принимает американскую модель развития и ее глобальную лидирующую роль. Однако, даже лидерство США в международной антитеррористической кампании, как считал Уолт, не давало оснований полагать, что остальной мир будет безоговорочно одобрять все действия Вашингтона и что военное и экономическое первенство США исключит критику и противоречия. По мнению политолога, администрация Буша стремилась проводить бескомпромиссный курс по отношению к остальному миру, но события сентября 2001 г. и дальнейший ход истории показали несостоятельность такой политики⁵⁹⁰.

Значительное внимание Уолт уделял проблемам формирования контргегемонистской коалиции. Он отмечал, что в условиях тотального превосходства США, подобные коалиции будут обладать высокой центробежной силой вследствие необходимости концентрации значительных ресурсов для балансирования Вашингтона на протяжении длительного времени. Это может вызывать периодический отход государств от коалиции и попытки сближения с гегемоном ради сиюминутных выгод, пока не станет ясно, что он угрожает им всем в равной степени. По мнению Уолта эти структурные препятствия будут существовать независимо от того, кто является единственной сверхдержавой. Однако контргегемонистский альянс против Соединенных

⁵⁸⁹ Walt S. *Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy*. NY: W.W. Norton, 2005. 322 p.

⁵⁹⁰ Walt S. *Beyond bin Laden // International Security*. 2002. № 26. (3) Pp. 56–78.

Штатов должен был сталкиваться с дополнительным неструктурным барьером. Этот барьер обусловлен тем, что все потенциальные державы-конкуренты находятся на евразийском континенте и создают более явные угрозы друг другу, чем ощущают их со стороны США. Это, по мнению Уолта, объясняло отсутствие жесткой контргегемонистской коалиции даже при односторонней политике Дж. Буша-младшего⁵⁹¹.

Эксперт также отмечал ограничения однополярной системы и указывал на существенные недостатки глобальной гегемонии. В первую очередь, гегемон расплывал свои силы на значительный спектр проблем, а в случае сосредоточения на одном участке давал своим соперникам существенную передышку. Уолт приводил в пример вторжение США в Ирак, которое позволило Китаю существенно расширить свое влияние в Азии, а также начать глобальную экономическую экспансию. Кроме того, эта военная интервенция привела к созданию мягкой балансирующей коалиции в лице России, Франции и Германии. Эти страны не пытались напрямую противостоять вооруженным силам США или оказывать военную поддержку Ираку, однако угрожали легитимности американской гегемонии. При этом слабые государства, согласно Уолту, будут предпринимать попытки манипулирования гегемоном, стремясь использовать его стремление к поддержанию стабильности системы в своих интересах. «Страны-изгой», ощущая себя в качестве потенциальных целей гегемона, будут стремиться наращивать свою военную мощь и стараться заполучить оружие массового поражения, чтобы получить хоть какие-то гарантии существования. Уолт считал, соглашаясь с известным американским теоретиком международных отношений Б. Позеном, что в этих условиях Вашингтону было бы целесообразно переложить ответственность на региональные державы и перейти к стратегии

⁵⁹¹ Walt S. Alliances in a unipolar world // World Politics. 2009. № 61(1). Pp. 86–97.

сдержанности, продолжая стабилизировать мир своим скрытым потенциалом⁵⁹².

Самого Б. Позена можно выделить как единомышленника Уолта и последовательного критика теории гегемонистской стабильности. Он выступал в качестве сторонника большой стратегии сдержанности (Restraint Grand Strategy), противопоставляя ее стратегии либеральной гегемонии. Позен определял либеральную гегемонию как «большую стратегию, направленную на решительное поддержание доминирования США». Он утверждал, что либеральная гегемония — это основа внешней политики Вашингтона после окончания холодной войны и охарактеризовал ее как «ненужную, контрпродуктивную, дорогостоящую и расточительную» (unnecessary, counterproductive, costly, and wasteful)⁵⁹³.

В своем эссе «Всеобщее управление: Военная основа гегемонии США» Позен признавал, что длительность американского «однополярного момента» оказалась гораздо большей, чем предполагало большинство исследователей-реалистов. Он считал, что однополярная структура системы международных отношений и гегемония США, вероятно, сохранятся еще какое-то время, хотя и предполагал, что Вашингтон может ускорить свое падение посредством «недисциплинированной и гиперактивной» внешней политики. Исследователь оценивал стратегию администрации Дж. Буша-младшего как карикатурную, одностороннюю, националистическую и ориентированную на преимущество Соединенных Штатов в военной силе. Такой подход Позен обозначал как «первенство» (Primacy). Он противопоставлял его подходу У. Клинтона, который определял как «стратегию выборочного взаимодействия» (The Strategy of Selective Engagement), отсылая к одноименной работе политолога Р.

⁵⁹² Там же. Р. 99.

⁵⁹³ Posen B. R. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. NY: Cornell University Press. 2014. 234 p.

Арта⁵⁹⁴. Позен отмечал, что хотя эта стратегия также ставила себе целью сохранение доминирования США, для демократической администрации Клинтона были важны многосторонняя поддержка американских инициатив и легитимность в международных организациях. По мнению Позена, стратегия избирательного участия должна оказаться более устойчивой, чем доктрина первенства⁵⁹⁵.

Хотя исследователь признавал маловероятным возникновение в краткосрочной или среднесрочной перспективе государства, сопоставимого с Соединенными Штатами в оборонном потенциале, он полагал, что останутся т.н. «оспариваемые зоны», в которых военная мощь Вашингтона окажется недостаточной для осуществления гегемонистских функций. Позен подчеркивал ограниченность возможностей США и называл реалистичной концепцию администрации Клинтона об одновременном ведении двух локальных войн. В свою очередь критерий военного доминирования администрации Буша, принцип «4-2-1» (сдерживание в четырех местах, контратака в двух и, при необходимости, захват столицы и полная оккупация территории противника в одном из двух вариантов) обеспечивал Вашингтону перенапряжение сил, что являлось явным доказательством нецелесообразности стратегии «первенства»⁵⁹⁶.

Важнейшей теорией для критики ТГС являлась модель «наступательного реализма», разработанная американским исследователем международных отношений Дж. Миршаймером в период с конца 90-х гг. XX века, изложенная в таких работах, как «Будущее континентальных

⁵⁹⁴ Art R. J. Geopolitics Updated: The Strategy of Selective Engagement // International Security. 1998. № 23 (3) Pp. 79–113

⁵⁹⁵ Posen B. R. Command of the Commons: The Military Foundation of the U.S. Hegemony // International Security. 2003. № 28 (1) Pp. 5–46.

⁵⁹⁶ Там же.

обязательств Америки»⁵⁹⁷ (1998), «Трагедия политики великих держав»⁵⁹⁸ (2001), и «Великая иллюзия: Либеральные мечты и международные реалии»⁵⁹⁹ (2018). Рассматриваемая концепция, изменяемая со временем, включала в себя критический взгляд на будущее той системы, которую Миршаймер называл «американской либеральной гегемонией». В рамках данной работы будут проанализированы основные положения наступательного реализма, эволюция отношения Миршаймера к мировой гегемонии, а также его критика теории гегемонистской стабильности.

Цель теории Миршаймера состоит в том, чтобы объяснить, почему отношения между современными государствами чреваты конфликтами. В этом смысле основные положения концепции наступательного реализма принципиально не менялись с 2001 г. по настоящее время. На пути к этой цели Миршаймер принимал тезисы классического реализма Г. Моргентау, во многом абсолютизируя их⁶⁰⁰.

Наступательный реализм опирается на пять основных положений, описывающих принципы функционирования международной системы. Во-первых, он утверждал анархический характер международных отношений, означающий, что невозможно создать никакой надгосударственный институт, обеспечивающий наказание преступных государств без вмешательства иных государств. Во-вторых, ни одно государство никогда не может быть абсолютно уверенным в намерениях другого государства, в частности в том, что другие государства не используют против него силу. В-третьих, выживание является основной мотивацией всех государств в мире. При этом выживание для великих держав – нечто большее, чем

⁵⁹⁷ *Mearsheimer J. J.* The future of America's Continental Commitments / No End to Alliance // London: Palgrave MacMillan. 1998. Pp. 221–242

⁵⁹⁸ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. 592 p.

⁵⁹⁹ *Mearsheimer J. J.* Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press. 2018. 320 p.

⁶⁰⁰ *Сетов Н. Р.* Теория «Наступательного реализма» Дж. Миэршеймера // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. № 7 (1). С. 54–61.

существование. Это сохранение территориальной целостности и автономия политического режима. В-четвертых, государства являются рациональными субъектами, способными выработать разумные стратегии, которые максимизируют их перспективы выживания. Здесь Миршаймер перекликался в своих идеях не только с Г. Моргентау, но и со сторонником теории рационального выбора Р. Кеохейном, стремившимся опровергнуть «дилемму заключенного». Наконец, государства всегда обладают некоторым военным потенциалом, позволяющим им наносить ущерб и дающим возможность уничтожить друг друга. Миршаймер делал вывод, что для государства самый эффективный способ гарантировать выживание в условиях анархии — это максимизировать их относительную мощь с конечной целью стать гегемоном. В силу этого происходит постоянное соперничество государств за статус гегемона, что обуславливает анархический и конфликтный характер международной системы⁶⁰¹. В целом основные положения наступательного реализма помимо теоретического наследия Кеннета Уолтца во многом строятся на фундаменте классического реализма Г. Моргентау, Р. Нибура, Э. Карра и Дж. Кеннана, а также геополитических концепциях К. Шмитта.

Особое место в теоретических построениях Миршаймера занимало понятие «великой державы». Согласно наступательному реализму – это государства, являющиеся ключевыми акторами международных отношений и обладающие таким объемом наступательных вооружений, который способен привести к взаимному уничтожению. При этом великие державы наиболее близки к достижению статуса гегемона, поэтому принимают наиболее активное участие в гегемонистских войнах. К великим державам Миршаймер относил Японию (с 1868 по 1945 г.), Германию (с

⁶⁰¹ *Mearsheimer J. J.* The false promise of international institutions // *International Security*. 1994. № 19 (3). Pp. 5–49.

1862 по 1945 г.), СССР (с 1917 по 1991 г.), Великобританию (с 1872 по 1945 г.) и Соединенные Штаты Америки (с 1800 по 1990 г.)⁶⁰².

Идеальная система международных отношений, согласно наступательному реализму — это т.н. «self-help world» (мир самопомощи). Государства, как акторы международных отношений, вынуждены быть эгоистичными и имеют только три стратегии поведения. Первая — накопление ресурсов для противостояния потенциальному гегемону. Вторая — попытка достижения гегемонии на международной арене. При этом гегемония бывает как глобальной, так и локальной, в зависимости от объема влияния гегемона. Третья стратегия — это «offshore balancers», термин, который российские исследователи переводят как «внешние стабилизаторы». Внешний стабилизатор — сильное государство, оказывающее стабилизирующее влияние на соседний регион, но не являющееся в нем гегемоном⁶⁰³.

Наиболее важным понятием для настоящей работы, а также одним из центральных терминов в концепции наступательного реализма явилось понятие гегемонии. При этом отношение Миршаймера к необходимости достижения гегемонии и к ее стабилизирующему потенциалу серьезно изменилось с 2001 по 2018 гг. Изначальную трактовку гегемонии с точки зрения наступательного реализма можно увидеть в работе «Трагедия политики великих держав». Гегемония — это «доминирование в системе, которая чаще всего интерпретируется как весь мир». Локальная гегемония, в рамках одного географического региона — более реалистичная и

⁶⁰² Mearsheimer J. J. The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company. 2014. P. 30.

⁶⁰³ Там же. P. 33.

достижимая цель. Тем не менее достижение глобальной, мировой гегемонии может стать желательной целью для великой державы⁶⁰⁴.

Глобальная гегемония практически невозможна, так как требует тотального военного превосходства гегемона в наступательных вооружениях над остальными державами. Государство – глобальный гегемон должно быть способно выдержать нападение любой конкурирующей державы и выжить, сохраняя способность продолжать свое доминирование в мире. Соответственно, глобальный гегемон должен обладать абсолютным ядерным превосходством над своими соперниками, что не удалось Вашингтону даже в период «однополярного момента». Таким образом, изначально Миршаймер считал глобальную гегемонию маловероятным сценарием, утверждая, что великие державы должны сосредоточиться на локальной гегемонии.

В условиях «несбалансированной многополярности», когда одна держава обладает значительным преимуществом над другими, возможно начало гегемонистской войны, целью которой может стать локальная или глобальная гегемония. В биполярной системе ведение гегемонистской войны является иррациональным, так как другая великая держава обладает необходимыми средствами, чтобы защитить себя и помешать гегемонистским устремлениям потенциального гегемона. Также, с точки зрения наступательного реализма, государства стремятся к гегемонии только тогда, когда выгоды перевешивают издержки. Эта позиция была обусловлена необходимостью Миршаймера отвечать на критику противоречивости его теории, отчетливо видную в ситуации, когда максимизация мощи противоречит рациональному выбору. До окончания холодной войны Миршаймер поддерживает тезис П. Кеннеди о том, что гегемонистская война никогда не была успешной. Таким образом, поиск

⁶⁰⁴ Там же. Р. 40.

определенного варианта баланса сил и стремление к региональной гегемонии предпочтительнее чем тщетные попытки достижения глобальной гегемонии для большинства великих держав⁶⁰⁵.

Державы, достигнувшие положение регионального гегемона, стремятся скорее придерживаться стратегии контргегемонии, чем идти на неоправданные риски. Именно стратегий контргегемонии Миршаймер называет внешнюю политику США в своей статье «Будущее континентальных обязательств Америки». В рамках этой работы указано на то, что США стремятся контролировать три ключевых района земного шара – Европу, Северо-Восточную Азию и регион Персидского залива для недопущения там возникновения региональных гегемонов⁶⁰⁶. В конце 1990-х Миршаймер полагал, что США сами не были мировым гегемоном и практически не стремились к этому. По его мнению, Вашингтон, являясь, лишь региональным гегемоном, не мог занять роль мирового гегемона из-за «останавливающей силы воды» — т. е. геостратегических и культурных барьеров, отделяющих Соединенные Штаты от Евразии. Эти ограничения, по мнению Миршаймера, не позволяли региональным гегемонам перемещать достаточное количество войск не театры боевых действий, расположенные в других континентах. Следовательно, достижение глобальной гегемонии было невозможным в концепции Миршаймера⁶⁰⁷.

При этом, учитывая, что американские войска оставались в Европе после окончания холодной войны, Америка все же выполняла для Европы роль внешнего стабилизатора, стремящегося не допустить в этом региона становление нового регионального гегемона. Миршаймер также отрицал существование однополярного мироустройства после холодной войны,

⁶⁰⁵ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. P. 146.

⁶⁰⁶ *Mearsheimer J. J.* The future of America's Continental Commitments / No End to Alliance. London: Palgrave MacMillan. 1998. Pp. 221–242

⁶⁰⁷ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. P. 34.

определяя существовавший на момент 2001 г. порядок как «несбалансированную многополярность»⁶⁰⁸. Подобно другим структурным реалистам, Миршаймер видел биполярный мир наиболее стабильным вариантом международной системы. В классическом варианте наступательный реализм Миршаймера являлся скорее дополнением к идеям Кеннета Уолтца.

Однако в работе «Великая иллюзия: Либеральные мечты и международные реалии», вышедшей значительно позднее временных рамок работы, в 2018 г., был представлен существенно обновленный и модернизированный концепт наступательного реализма, со значительными изменениями относительно прочтения термина «гегемония» и, в частности, относительно американской глобальной гегемонии. Несмотря на то, что тезис об «останавливающей силе воды» оставался актуальным⁶⁰⁹, Миршаймер отводил его на второй план, утверждая, что с момента окончания холодной войны Вашингтон в качестве регионального гегемона и внешнего балансира, намеревался достичь «глобальной либеральной гегемонии», стремясь оказывать влияние и осуществлять «проекты из области социальной инженерии» по навязыванию либерально-демократических политических режимов⁶¹⁰.

Стратегией США относительно государств, не находящихся в их области влияния, были три шага, которые Миршаймер называет стратегией либеральной гегемонии. Это интеграция государства в открытую мировую экономику, включение его в международные институты, в основном подконтрольные США, а также навязывание либеральной демократии. Либеральная гегемония – это амбициозная стратегия, в рамках которой

⁶⁰⁸ Там же. Р. 38.

⁶⁰⁹ *Mearsheimer J. J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press, 2018. P. 47.*

⁶¹⁰ Там же. Р. 8.

каждое государство должно превратиться в либеральную демократию и стать поддерживающим элементом на пути к продолжению распространения американской системы ценностей. И если ранее Миршаймер полагал, что гегемония предполагает концентрацию материальных возможностей в одном государстве, против которого ни одно другое государство не может вести по-настоящему масштабную войну, то теперь критерием гегемонии служит система внешних стабилизаторов и система международных институтов, находящихся в подчинении у гегемона⁶¹¹.

Конечно, помимо мирных инструментов, основным способом поддержания либеральной гегемонии являются военные операции. И здесь Миршаймер трансформировал концепцию гегемонистской войны, указывая, что она может вестись не только между великими державами. Самым ярким примером могут служить две американо-иракские войны, первую из которых Миршаймер поддержал, так как в ее основе лежала роль США как внешнего стабилизатора для предотвращения потенциальной региональной гегемонии Ирака на Ближнем Востоке. Вторую ученый строго осудил, так как с точки зрения наступательного реализма в ней не было никакой необходимости. Миршаймер также указывал, что в случае с Ираком в 2003 г. и с Югославией в 1999 г. США нарушали процедуры якобы активно поддерживаемых ими международных институтов и, таким образом, вносили дополнительную нестабильность⁶¹².

Следует отметить, что Миршаймер противопоставлял наступательный реализм неоконсерватизму, лежащему в основе доктрины Буша. С его точки зрения, американский неоконсерватизм представлял собой «зубастое вильсонизанство» (Wilsonianism with teeth), то есть

⁶¹¹ Там же. Р. 188.

⁶¹² Там же. Р. 216.

относился к идеалистическому (либеральному) подходу к международным отношениям. Он трактовал политику Дж. Буша-младшего с точки зрения теории гегемонистской стабильности в качестве стремления гегемона показать свою решительность против заведомо слабых и непопулярных противников для предотвращения любых дальнейших посягательств на его главенствующую роль. Однако, как отмечает Миршаймер, другие государства, включенные в «ось зла», только удвоили усилия по разработке оружия массового поражения, чтобы не повторить судьбу С. Хусейна. Он указывает на то, что изначально теоретики доктрины Буша полагались на революцию в военном деле и подавляющее технологическое превосходство США, которое позволило бы не задействовать значительные сухопутные силы для свержения неудобных режимов. Вынужденное использование большого по численности постоянного контингента вооруженных сил США в Ираке и Афганистане, по мнению Миршаймера, уже обозначило провал доктрины Буша⁶¹³.

Либеральная гегемония, предполагающая свержение авторитарных режимов с конечной целью создания мира, населенного исключительно либеральными демократиями, по сути стремилась радикально переделать международную систему, не считаясь с убытками, что не соответствует концепции максимизации силы и влечет за собой большие убытки, чем прибыли. Несмотря на существование либеральной гегемонии США, Миршаймер настаивал на отсутствии однополярности на любом временном отрезке после холодной войны, утверждая, что состояние мира в этот период можно назвать несбалансированной многополярностью. Причем отмечался дисбаланс в сторону от США именно вследствие попыток поддержания ими либеральной гегемонии. Вместо того, чтобы следовать

⁶¹³ *Mearsheimer J.* Hans Morgenthau and the Iraq war: realism versus neo-conservatism [Электронный ресурс] // Open Democracy – 2005 - РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/07/A0037.pdf> (Дата обращения: 20.08.2024).

естественному для наступательного реалиста курсу сдерживания Китая, как потенциального регионального гегемона в Северо-Восточной Азии, США выбрали для реализации неверную стратегию, которая, как показывает практика, с течением времени может лишит американцев мирового лидерства⁶¹⁴.

В связи с этим исследователь предлагал, для «подрыва либеральной гегемонии», создать контрэлиту, которая сможет обосновать реалистичную внешнюю политику США. Он считал, что значительная часть американского истеблишмента уже начала осознавать провал глобального эксперимента по распространению американских ценностей и понимания демократии. Миршаймер отмечал, что Б. Обама и Д. Трамп выиграли президентские выборы выступая против агрессивной политики вмешательства США за рубежом, в то время как Х. Клинтон, будучи их соперницей на праймериз и выборах, проиграла, выступая с лозунгами либеральной гегемонии. Эксперт делает вывод о том, что традиция умеренной внешней политики сильна в Соединенных Штатах и будет еще более актуальна с подъемом региональных держав, сдерживать которых Вашингтон уже будет не в состоянии⁶¹⁵.

Как мы можем заключить, Миршаймер является последовательным критиком теории гегемонистской стабильности в ее либеральном варианте, созданном Р. Кеохейном и Дж. Айкенберри. Но также в своих работах он критикует подходы реалистов-оптимистов, сторонников неоимперского подхода и, отчасти, представителей мир-системного анализа.

Либеральная концепция теории гегемонистской стабильности критикуется наступательным реализмом во всех аспектах. На основе эмпирического анализа исторического опыта Миршаймер вслед за

⁶¹⁴ *Mearsheimer J. J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press, 2018. P. 228.*

⁶¹⁵ Там же. P. 230.

остальными реалистами утверждал анархический характер международных отношений и потенциальную неосуществимость иерархии государств, тем более основанной на системе договоров и общего согласия⁶¹⁶. Идея самоограничения власти гегемона полностью нивелируется стремлением государств максимизировать свою мощь. Посвящая свою работу 2018 г. критике либеральной гегемонии, Миршаймер демонстрировал, что стремление поддерживать либеральные и демократические нормы во всем мире приводило не к стабилизации, а к дестабилизации системы, а также в потенциале к кризису демократического режима в самой доминирующей державе, вынужденной вести интервенционистскую внешнюю политику и мобилизующую ради этого все ресурсы.

В отношении реалистического подхода к теории гегемонистской стабильности Миршаймер выдвигал тезис о недостижимости абсолютной мировой гегемонии именно в том варианте, в котором ее видели реалисты-оптимисты, то есть при условии подавляющего военно-экономического превосходства доминирующей державы. Причем в этом случае, против государства, стремящегося к роли абсолютного мирового гегемона, играет и концепция «останавливающей силы воды», и стремление к максимизации своей мощи со стороны конкурирующих региональных держав. Однако даже в случае достижения государством абсолютной мировой гегемонии, с точки зрения наступательного реализма она будет недолговечной ввиду чрезвычайно быстрого прогресса в развитии наступательных вооружений, делающих невозможным для гегемона выживание в военном конфликте с потенциальными конкурентами.

Позиции сторонников неоимперской теории критикуются Миршаймером с точки зрения влияния идеологии на гегемонию. Как

⁶¹⁶ *Сетов Н. Р.* Теория «Наступательного реализма» Дж. Миршаймера // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. № 7 (1). С. 54-61.

последовательный реалист, Миршаймер утверждал, что ни одно государство не может руководствоваться другими принципами, кроме стремления к выживанию, пока у него существуют потенциальный конкуренты на международной арене. Таким образом, внешняя политика, основанная на идеологии, всегда содержит в себе большие издержки, нежели прибыли, что Миршаймер показывал на примере американской либеральной гегемонии.

Отрицая постулаты теории долгих циклов лидерства Дж. Модельски, Миршаймер отвергал как положение Британии в качестве мирового гегемона в период до Первой Мировой войны, так и положение США в качестве гегемона после окончания Второй Мировой войны. Теория Миршаймера предполагала, что лишь краткий период, завершившийся примерно с окончанием войны в Ираке, характеризовался достижением США специфической либеральной гегемонии, когда колоссальное военно-экономическое превосходство Америки опиралось на созданную ей систему внешних стабилизаторов и международных институтов и позволяло тормозить развитие конкурентов – потенциальных региональных гегемонов.

Следует отметить, что теория наступательного реализма Дж. Миршаймера позволяет охватывать и критически рассматривать практически все аспекты и подходы к теории гегемонистской стабильности. Миршаймер полностью не отвергал возможность создания гегемонии, более того, даже допускал ее существование на протяжении краткого периода времени, что позволяло проводить более предметную критику теории гегемонистской стабильности.

Множество положений Уолтца, Миршаймера и других реалистов-скептиков были подтверждены в отчете Национального совета по разведке (National Intelligence Council) «Глобальные тенденции 2025:

Трансформирующийся мир», вышедшем в 2008 г. В нем было указано, что в течение следующих двух десятилетий однополярный мир, в котором доминируют США, уступит место многополярности. Этому, согласно мнению авторов отчета, будут способствовать два причинных механизма: появление новых великих держав, а также экономические и внутривластные ограничения, подрывающие возможности Вашингтона. В качестве наиболее перспективных конкурентов для гегемона названы Китай, Индия, а также Россия, а Иран и Турция обозначены в качестве вероятных региональных держав.

В документе отмечалось, что превращение Китая и Индии в потенциальных гегемонов вернет каждой из них позиции, которые эти страны занимали два столетия назад, когда Китай производил примерно 30%, а Индия 15% мирового богатства⁶¹⁷. Этот процесс должен будет отражать глобальный сдвиг в относительном богатстве от Северной Америки и Евроатлантического мира переходит к Азии и Индо-Тихоокеанскому региону. Хотя оба государства могут столкнуться с непредвиденными препятствиями, которые могут замедлить их рост, по мнению авторов отчета, он продолжится в обозримой перспективе⁶¹⁸. При этом если Россия преодолее демографическую проблему и продолжит свое возрождение в качестве великой державы, она станет «ведущей силой, противостоящей глобальному доминированию США»⁶¹⁹.

По данным отчета, в дополнение к относительному ослаблению политического влияния Соединенных Штатов, их военный потенциал также снизится относительно потенциальных конкурентов⁶²⁰. Мягкая сила Вашингтона к 2025 г., как считали авторы, будет не столь эффективна в

⁶¹⁷ National Intelligence Council (NIC) Global Trends 2025: A Transformed World. Washington: Government Printing Office. 2008. P. 7.

⁶¹⁸ Там же. P. 29.

⁶¹⁹ Там же. P. 32.

⁶²⁰ Там же. P. 93.

противостоянии с авторитарными идеями и альтернативами. Внутриполитические конфликты и ограничения также могут существенно подорвать гегемонию США.

Хотя отчет был опубликован до наступления последствий экономического кризиса 2008 г., в нем прогнозировалось постепенное снижение роли доллара в качестве основной резервной валюты, что могло бы стать основным ударом по американской гегемонии. Авторы отмечали, что необходимость поддержания Бреттон-Вудской, а впоследствии Ямайской валютных систем и особого статуса доллара обеспечили выдающуюся роль США в мировой политике с конца Второй мировой войны. В свою очередь, падение спроса на доллар может вынудить Соединенные Штаты пойти на сложный компромисс между достижением амбициозных внешнеполитических целей и высокими внутренними издержками, связанными с поддержанием своей гегемонии⁶²¹.

Авторы пришли к выводу о том, что интерес и готовность Америки играть ведущую роль, вероятно, будет ограничена готовностью американских избирателей принимать экономические, военные и иные издержки, связанные с положением мирового лидера. В конечном счете, согласно отчету, хотя Соединенные Штаты, вероятно, будут играть ведущую роль в многополярной международной системе через двадцать лет, у них будет меньше власти — и возможностей выбора во внешней политике — чем они привыкли иметь с 1945 г.

По мнению авторов существуют факторы, которые могли бы привести к ухудшению международной обстановки, в том числе к снижению доверия к системе расширенного сдерживания США и гарантий безопасности. В частности, в многополярном мире устоявшиеся международные институты могут оказаться не в состоянии справиться с

⁶²¹ Там же. Р. 81.

проблемами, связанными с экономическими и финансовыми потрясениями, дефицитом энергии и глобальным изменением климата. В таких условиях США, потерявшие статус гегемона, будут лишены возможности возродить их⁶²².

Еще одна сравнительно небольшая часть американских экспертов, продолжая стоять на либеральных позициях, указывала на прямо деструктивную роль американского гегемона в существующей международной системе. Они были не только критически настроены в отношении будущего выстраиваемого Вашингтоном миропорядка, но и критиками теории гегемонистской стабильности.

Так, свой оригинальный анализ роли ТГС предлагал американский политолог Т. Смит. В 1990-е гг. он придерживался стойких либеральных взглядов и в своей работе «Миссия Америки: Соединенные Штаты и всемирная борьба за демократию в двадцатом веке» (1994) называл идеи вильсоновства «наиболее важным и выдающимся вкладом Соединенных Штатов в международную историю двадцатого века». Исследователь отвергал марксистский тезис, утверждающий примат экономических сил как во внешней политике, так и в международных делах. Позиция реалистов также была ему не близка. По мнению автора, классические реалисты, такие как Дж. Кеннан и У. Липпманн, не смогли понять, как внешняя политика формируется идеологией, созданной преобладающими внутренними ценностями и структурами государства⁶²³.

Смит считал, что гений В. Вильсона заключался в понимании того, что демократический мировой порядок, организованный американцами через Лигу Наций, может обеспечить прогресс и безопасность Соединенных Штатов. Признавая, что холодная война вдохновила

⁶²² Там же. Р. 81.

⁶²³ *Smith T. America's Mission: The United States and The Worldwide Struggle for Democracy In The Twentieth Century. New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 12.*

американских экспертов на «новый реализм», он восхвалял перестройку западногерманской и японской политики как дело, достойное идеалистического вильсонского наследия. По мнению исследователя, построение устойчивого либерального миропорядка было как ценностной, так и прагматической задачей США в постбиполярную эпоху⁶²⁴.

Впоследствии Смит утверждал, что либеральный интернационализм перешел из «гегемонистской фазы» при Клинтоне в «империалистическую фазу» при Буше-младшем. По мнению политолога, первый этап характеризовался сдержанным либерализмом, склонным к многосторонности и нежеланием использовать силу для продвижения демократии; второй был обусловлен односторонними действиями и продвижением демократии посредством военного вмешательства⁶²⁵. В своих работах, написанных в XXI веке, он уже гораздо более критично оценивал политику Соединенных Штатов в качестве глобального гегемона.

Смит считал, что хотя реалистический подход всегда был популярен в экспертном сообществе США, он не находил поддержки ни в американском обществе, ни в элитных кругах по причине идеологической нейтральности, не соответствующей риторической традиции Америки. Это, по мнению Смита, объясняло незначительное влияние реализма на внешнюю политику Вашингтона. Исследователь полагал, что именно либеральный подход оказывал наиболее существенное воздействие на принятие стратегических решений в Белом доме. Он объяснял это, ссылаясь на «теорию второго образа» (Second Image Theory) К. Уолтца, в рамках которой постулируется, что значительное число внешнеполитических решений государства могут быть обусловлены ее режимом, а не ее положение в международной системе. Смит отмечал, что хотя многие

⁶²⁴ Там же. P. 118.

⁶²⁵ *Smith T.* A Pact with The Devil: Washington's Bid for World Supremacy and the Betrayal of the American Promise. NY: Routledge, 2007. Pp. 78–82.

критики доктрины Буша полагали, что американская внешняя политика определялась неоконсерваторами, значительная часть их целей и, отчасти, методов разделялась представителями либерального подхода.

В этом контексте Смит ввел термин «международный либеральный гегемонизм» (*liberal international hegemonism*), означавший агрессивное продвижение демократических ценностей в качестве инструмента национальных интересов США. Исследователь указывал на истоки этого подхода в политике президента Дж. Картера, который активно задействовал в своей внешней политике концепцию прав человека. В основе «международного либерального гегемонизма», по мнению Смита, находились теория демократического мира, то есть тезис о возможности установления демократии в стране без соответствующих традиций, а также нормативное утверждение, что государства имеют право и даже обязанность нарушать суверенитет других стран в случаях грубых нарушений прав человека.

Смит указывал на то, что идея расширения демократии будет дискредитирована, если установленные после гуманитарных интервенций режимы не будут принципиально отличаться от диктаторских в лучшую сторону. Он признавал, что исследования демократизации в 1990-х гг. подчеркивали возможность построения демократии независимо от исторических особенностей страны в результате свержения тирании. При этом концепции, согласно которым изменение политического режима требовало благоприятных социальных и экономических условий, а также столетий проб и ошибок, игнорировались. Затем ряд исследователей либерального направления начал рассматривать демократию как «естественный порядок». Смит считал, что на многих экспертов и политиков произвели глубокое впечатление демократические преобразования в 1980-е и 1990-е гг. В частности, неоконсерваторы стали

ссылаться на установление демократических режимов в странах бывшего социалистического блока, а представители либерального подхода отмечали пример Южной Африки⁶²⁶.

В связи с изложенным Смит признавал, что и либералы, и неоконсерваторы, в равной степени руководствовались вильсоновским наследием продвигая тезис о том, что установление демократического мира будет способствовать устойчивости американской гегемонии. Более агрессивная внешняя политика стала маркером перехода в «империалистическую фазу» либерального интернационализма⁶²⁷. Обращает на себя внимание, что, критикуя теорию демократического мира, Смит выдвинул аргумент о том, что демократические государства не воюют друг с другом благодаря давлению гегемона, а не сходству режимов и ценностей⁶²⁸. Он также принимал утверждение о том, что вторжение в Ирак являлось не отклонением, а крайним примером вильсоновской традиции. В целом, по мнению Смита, США заключили «договор с дьяволом: гордое заявление о том, что у этой страны есть формула, которую она готова реализовать с помощью военной силы для всемирной свободы, процветания и мира». В качестве вывода он рассматривал возможность того, что «либеральный фундаментализм», который он описывал как мессианскую и апокалиптическую позицию, может спровоцировать дальнейшую эскалацию вооруженных конфликтов и мировую нестабильность⁶²⁹.

Обращает на себя внимание, что знаменитый американский теоретик международных отношений Ф. Фукуяма, которого британский философ Дж. Грей охарактеризовал «придворным философом глобального капитализма», в постбиполярный период скептически оценивал

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Там же. Р. 98.

⁶²⁸ Там же. Р. 193.

⁶²⁹ Там же. Р. 114.

перспективы американской гегемонии и активно критиковал неоконсерватизм. Следует отметить, что в 1980-е одним из наставников исследователя был американский философ А. Блум, тесно связанный с Л. Штрауссом и неоконсерваторами первой волны. В связи с этим ранний Фукуяма может быть отнесен к уверенным сторонникам ТГС. Так, в своей знаменитой работе «Конец истории и последний человек» отмечал стабилизирующий и универсальный характер американской либеральной гегемонии: «Невероятно продуктивный и динамический экономический мир, созданный передовыми технологиями и рациональной организацией труда, оказался мощной гомогенизирующей силой. Он в состоянии объединить различные общества из разных уголков Земли физически, посредством образования глобальных рынков и создавая параллельные экономические стремления и способы действий в самых разных обществах. Привлекательная сила этого мира создает весьма сильное предрасположение для всех человеческих обществ в нем участвовать, а успех такого участия зависит от усвоения принципов экономического либерализма. Это и есть окончательная победа видеомэгнофона»⁶³⁰.

Однако в 2006 г., после интервенций администрации Дж. Буша-младшего в Ираке и Афганистане, Фукуяма отверг неоконсерватизм в своей работе под названием «Америка на распутье» (2007). Чтобы сохранить свой тезис о конце истории в неприкосновенности, Фукуяма утверждал, что неоконсерваторы пошли по «ленинскому» пути исторического детерминизма и искусственного национального строительства и отошли от правильного понимания исторической эволюции как органического

⁶³⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ, 2015. С. 93.

побочного продукта материального развития. комфорт и доступ к потребительским товарам⁶³¹.

Относительно перспектив гегемонии США Фукуяма был не столь оптимистичен, как в своих ранних работах. Он считал, что война в Ираке выявила ограниченность как гегемонии Вашингтона, так и влияния международных институтов. Исследователь отмечал: «...тот факт, что ошибки совершены единственной мировой сверхдержавой, выявляет жизненно важные пробелы в самой основе мирового порядка, основанного на “благодетельной гегемонии” Америки. Для гегемона мало руководствоваться благими намерениями; решая применить силу, он обязан проявить благоразумие и тонкий расчет. Отнюдь не Кондолиза Райс, а Мадлен Олбрайт, государственный секретарь США в администрации Билла Клинтона, как-то заметила, что Америка заслуживает лидерства, поскольку она “видит дальше”, чем другие нации. Если бы это было верно всегда и справедливость этого утверждения широко признавалась, миру оставалось бы только одно: стиснув зубы, согласиться с приоритетностью оценок и пожеланий Америки. Если же США окажутся более близорукими, чем другие государства, тогда мир окажется в плачевном положении»⁶³².

Еще одним известным теоретиком международных отношений, выступившим с критикой перспектив американской гегемонии, стал С. Хантингтон. В начале постбиполярной эпохи он выделил три основных стратегических интереса, на которых Соединенным Штатам необходимо сконцентрироваться с учетом «новых геополитических реалий». Хантингтон назвал в их числе поддержание своей роли «главной мировой державы», предотвращение появления гегемона в Евразии и защита интересов США в развивающемся мире, главным образом на Ближнем

⁶³¹ Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М: АСТ, 2007. С. 77-82.

⁶³² Там же. С. 254.

Востоке и в Латинской Америке. Тем не менее Хантингтон частично сохранял оптимизм по поводу того, что эти события послужили подтверждением существования «третьей волны демократизации»⁶³³.

Однако позднее Хантингтон указывал на опасность космополитического характера американских элит, а также на имперскую стратегию, которая ставит под удар культурную идентичность Соединенных Штатов. Он видел три направления культурной политики Вашингтона. В рамках первого направления, коррелировавшего с либеральными идеями Э. Лейка о продвижении демократии, США должны были стать открытым космополитическим обществом с космополитической идентичностью. При реализации имперской альтернативы Вашингтон должен был превратить весь мир в одну большую Америку путем гуманитарных интервенций и навязывания своих представлений о демократии. Исследователь ярко сформулировал неоимперское понимание гегемонистской стабильности: «Поскольку мощь Америки намного превосходит мощь других наций, Америка несет ответственность за наведение порядка и противостояние злу во всем мире»⁶³⁴. При этом сам Хантингтон не разделял эту позицию и сомневался в возможности стабилизации мировой системы путем односторонних действий гегемона. Он видел причину подобной политики в религиозности американского общества и полагал, что она будет создавать барьеры при интеграции с другими странами. Хантингтон призывал делегировать ряд полномочий гегемона ведущим мировым державам — Великобритании, Германии, Франции, России, Китаю, Индии и Японии⁶³⁵. Здесь его инициативы совпадают с идеями Ч. Купчана, однако, в отличие от последнего,

⁶³³ Huntington S. America's changing strategic interests // *Survival*. 1991. № 33. P. 3, 8.

⁶³⁴ Huntington S. Dead Souls: The Denationalization of the American Elite // *The National Interest*. Spring 2004. № 75. P. 16.

⁶³⁵ Там же.

Хантингтон видел делегирование полномочий не как логичное продолжение успешной гегемонии, а как выход из тяжелого положения в условиях растущей нестабильности. Лучшим выходом для США, по Хантингтону, было сохранение своей национальной и религиозной идентичности. Для этого, как считал эксперт, целесообразно было отказаться от ряда внешнеполитических обязательств «космополитической Америки»⁶³⁶.

Американский дипломат Ч. В. Мейнс, также, как и позднее Хантингтон, разделял Америку на космополитическую и национальную. Он отмечал, что космополитическая элита, стремясь предотвращать хаос во всем мире и выполнять роль «незаменимой нации», затрачивала значительные ресурсы национального ядра США. Это, по мнению Мейнса, было чревато чрезмерными затратами, а также утратой морального лидерства и постепенным формированием контргегемонистской коалиции. В русле либерального подхода, подобно Фукуяме, эксперт предполагал, что уникальный исторический шанс, полученный Вашингтоном после окончания холодной войны, мог быть использован для радикального пересмотра межгосударственных отношений и проблем международной безопасности. Однако Мейнс прогнозировал, что политика мировой гегемонии гарантирует то, что Америка в конечном итоге окажется в меньшинстве и будет подавлена⁶³⁷.

Часть либералов-скептиков, в соответствии с традиционным для этого подхода вниманием к международным институтам, указывала на то, что политика США привела к разрушению системы международного права, созданного усилиями мирового сообщества после Второй мировой войны. В частности, политолог М. Говард подобно Т. Смитсу отмечал

⁶³⁶ Там же. Р. 18.

⁶³⁷ *Maynes C.W. The Perils of (and for) an Imperial America // Foreign Policy. 1998. № 111. Pp. 36-48*

империалистический характер американской гегемонии. Он считал опасной тенденцию к девальвации институтов старого мирового порядка (включая НАТО), которые мешали руководству США построить новый мировой порядок, где государства будут жить по установленным Вашингтоном общим законам и нормам. Война с терроризмом, начатая администрацией Дж. Буша-младшего, по мнению М. Говарда, могла закончиться только тогда, когда был бы создан новый порядок, который позволил эффективно решать глобальные проблемы и обеспечивать стабильность и безопасность мирового развития. Такая задача, как считал М. Говард, не под силу одной державе, даже такой, как США. При этом эксперт отсылал к концепции коллективной поддержки гегемона, отмечая, что в отличие от Соединенных Штатов, которые увидели единственным способом преодоления нестабильности войну без временных и географических границ, другие члены мирового сообщества высказывались за более тесную кооперацию в решении мировых проблем в рамках широкого сотрудничества⁶³⁸.

К либералам-скептикам также может быть отнесен профессор Оклендского университета М. Ригстад. В своей работе «Доктрина Буша как стратегия гегемонистского дискурса» он отметил этическую непоследовательность теории гегемонистской стабильности, недальновидность с точки зрения теории игр и ошибочное рассмотрение Вашингтоном проблемы международного терроризма в рамках Вестфальской системы, где террористические организации не воспринимались отдельно от национальных государств. По его мнению, моральная непоследовательность политики администрации Дж. Буша-младшего заключалась в обвинении государств-изгоев в агрессивном поведении при одновременном праве США на использование силы без значимых нормативных ограничений. При этом сама доктрина, согласно

⁶³⁸ *Howard M. What Friends Are For? // The National Interest. 2002. №69. Pp. 8-10.*

позиции автора, во многом опиралась на ТГС, сторонниками которой были многие неоконсерваторы в администрации 43-го президента США⁶³⁹.

Ригстад критиковал указанные выше работы Дж. Йу, Э. Познера, А. Сайкса и Дж. Голдсмита и утверждал, что их ссылки на англосаксонскую философию утилитаризма при оправдании действий гегемона не имеют под собой оснований, а сами положения сторонников доктрины Буша скорее основаны на философии Т. Гоббса и прикрывают эгоистичные стремления США к доминированию, а не к обеспечению мировой стабильности. Он также подвергал критике концепцию гегемонистского союза, предложенную Дж. Йу, и описывал подобные объединения с помощью формулы «не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию»⁶⁴⁰. С его точки зрения, подобные союзы носили инструментальный характер и были призваны служить не общим интересам, а временным целям гегемона, которые он прикрывал ценностной риторикой⁶⁴¹.

Ригстад указывал на противодействие американской гегемонии зарождающемуся «глобальному гражданскому обществу». С точки зрения теории гегемонистской стабильности, как отмечал автор, положения доктрины Буша свидетельствуют о так называемой «гегемонистской самоуверенности» (*hegemony self-confidence*). Это понятие трактовалось в его работе как недальновидность доминирующей державы, выраженная в нарушении негласных правил, недооценке ею роли своих союзников и, в конечном итоге, снижении своего стабилизирующего потенциала. Он пришел к выводу что доктрина Буша-младшего — это политика, в рамках

⁶³⁹ *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2009. № 12(3). P 385.

⁶⁴⁰ Там же. P. 396.

⁶⁴¹ Там же. P 395.

которой США исключают себя из устанавливаемых ими правил, требуя их соблюдения всеми остальными государствами⁶⁴².

Концепция гегемонистской самоуверенности представляется наиболее ценной среди идей группы либералов-скептиков. Она позволяет четко охарактеризовать поведение государства-гегемона, своими чрезмерными усилиями по формированию иерархического миропорядка, дестабилизирующего систему международных отношений. Хотя Т. Смит, М. Говард и М. Ригстад признавали наличие американской гегемонии, они подчеркивали ее деструктивный характер, тем самым выступая против ТГС. В качестве ее опоры либералы-скептики видели государство, однако, в отличие от реалистов, уделяли значительное внимание ценностному компоненту, указывая на его значение в гегемонистской системе. Эксперты этого направления также были уверены в том, что гегемония США будет ослабляться, при этом вина будет лежать на самом американском государстве, а не на системных ограничениях или усилиях балансирующей коалиции.

Отдельно также следует рассмотреть экспертов, рассматривавших ТГС с точки зрения мир-системного подхода в постбиполярную эпоху. Представители этого направления опирались на классические работы И. Валлерстайна, Ф. Броделя, Дж. Арриги, Дж. Модельски и У. Томпсона. В частности американский социолог и один из ведущих представителей мир-системного подхода К. Чейз Дан уже в 1990 г. связывал предстоящий период с теорией гегемонистской стабильности. Он полагал, что определенный период после окончания холодной войны гегемония США будет сохраняться, однако в результате глобальных циклических процессов в мировой экономике начнется ее ослабление, которое вновь приведет к соперничеству великих держав. Исследователь прогнозировал, что

⁶⁴² Там же. Р. 381.

наступление гораздо более мультицентрического распределения экономической и военно-политической мощи ближе к концу подъема в 2010-х гг. станет самым критическим периодом уязвимости мировой системы. Социолог использовал теорию мирового государства (world polity theory) Дж. В. Мейера и полагал, что создание мирового государства может оказать благоприятное воздействие на мир-систему и предотвратить часть вооруженных конфликтов, однако инерционное сопротивление государственных институтов, вероятно, не позволит сделать этого⁶⁴³.

Еще один представитель мир-системного подхода Д. Уилкинсон основывал свою аргументацию на противопоставлении однополярности и гегемонии. В его понимании, положение мировой системы после окончания холодной войны можно было охарактеризовать как однополярность, вследствие материального превосходства США над остальными странами. Однако гегемония, которая могла стать целью для мирового лидера, не была достигнута американской стороной.

Уилкинсон, как и Уолфорт, допускал наличие т. н. «однополярной стабильности». Он полагал, что однополярность без гегемонии по своей сути не является нестабильным состоянием и может сохраняться десятилетиями. «Негегемонистская однополярность», как считал Уилкинсон, имела ряд механизмов для предотвращения глобальных войн, недоступных в менее централизованных системных структурах. Он предлагал сценарии, по которым могло бы развиваться такое состояние международной системы. По мнению Уилкинсона, были возможны такие варианты как «новая биполярность» через подъем Европейского Союза и /

⁶⁴³ Chase-Dunn C. World-state formation: historical processes and emergent necessity // Political Geography Quarterly. 1990. № 9 (2). Pp. 108–130.

или Китая, развитие многополярности посредством самоизоляции США, а также достижение Соединенными Штатами подлинной гегемонии⁶⁴⁴.

Свое видение роли американской гегемонии в мире, затрагивающей некоторые положения ТГС, предложил уже в постбиполярную эпоху основатель мир-системного подхода И. Валлерстайн. По мнению исследователя, Соединенные Штаты в период, называемый «однополярным моментом», на самом деле уже находились в упадке. Он относил начало этой тенденции к 1970-м гг., когда создатели теории гегемонистской стабильности и заявляли о нем. Он называл внешнеполитическую стратегию от Р. Никсона до У. Клинтона «мягкой многосторонностью» (*soft multilateralism*), в рамках которой американские элиты стремились заручиться поддержкой союзников для реализации своих замыслов. Валлерстайн отмечал, что «США являются многосторонним игроком в той степени, в которой другие принимают одностороннюю позицию США»⁶⁴⁵. Такая стратегия позволяла Вашингтону на протяжении десятилетий сохранять выстроенную им после Второй мировой войны мировую систему. Однако, по мнению Валлерстайна, администрация Дж. Буша-младшего начала применять «грубый» односторонний подход, который невольно ускорил процесс упадка могущества Соединенных Штатов.

Валлерстайн считал, что вторжение Буша в Ирак было направлено не столько на смену режима, сколько на запугивание союзников США. По его мнению: «Буш старался продемонстрировать, что Соединенные Штаты могут и будут утверждать свою власть в мире в одностороннем порядке, преуспеть в этом в военном отношении и тем самым укрепить свое политическое и экономическое положение в мире»⁶⁴⁶. Стремясь проанализировать структурные проблемы, вызвавшие имперскую

⁶⁴⁴ *Wilkinson D.* Unipolarity without Hegemony // *International Studies Review*. 1999. № 2. Pp. 141–72.

⁶⁴⁵ *Wallerstein I.* The decline of American power: the U.S. in a chaotic world. NY: New Press. 2003. P. 90.

⁶⁴⁶ Там же. P. 135.

политику, исследователь указывал на то, что окончания холодной войны «уничтожило главное оправдание лидерства США»⁶⁴⁷. Это, как считал Валлерстайн, частично объясняло, почему консерваторы прибегали к риторике времен холодной войны в рамках проблемы глобального терроризма, а также стремлением американской элиты продвинуть тезис о конструктивности гегемонии Вашингтона.

Однако, по мнению автора, мир после интервенции США в Ирак не был выстроен на основе американского имперского порядка. «Мир в политическом хаосе — это не имперский мир» — писал Валлерстайн⁶⁴⁸. В качестве аргументов в пользу хаотизации мировой системы исследователь приводил эрозию международного права, а также девальвацию механизмов обеспечения глобальной безопасности, заложенных после Второй мировой войны. Он полагал, что в результате американских интервенций возникнет коалиция держав-конкурентов, что может привести к войне за гегемонию, а также к распространению оружия массового поражения в среде стран-изгоев, опасаящихся вторжения США.

Автор утверждал, что внешняя политика Дж. Буша-младшего привела к тому, что США не смогут вернуться к «мягкой многосторонности», поскольку мировое сообщество существенно изменилось. Альтернативой американской гегемонии, по мнению эксперта, являлась многополярность. Он также полагал, что мировая система находится на развилке пути, на котором она может либо сохранить «модель иерархических, неравных и поляризующих структур нынешней системы», либо сделать выбор в пользу

⁶⁴⁷ Там же. Р. 104.

⁶⁴⁸ Там же. Р. 81.

«фундаментально более демократической и более эгалитарной» экономической системы⁶⁴⁹.

Важным экспертом, которого нельзя однозначно отнести к представителям мир-системного подхода, но который был близок им по взглядам, являлся социолог и лингвист Н. Хомский. В своей работе «Гегемония или борьба за выживание» он указывал на то, что американская элита после окончания Второй мировой войны придерживалась «Великой имперской стратегии», которая означала превентивную войну против государств, угрожавших американской глобальной гегемонии. В результате лоббистских усилий со стороны бизнес-элит эта стратегия также направлена на получение и поддержание неограниченного доступа к рынкам, поставкам энергоносителей и стратегическим ресурсам по всему миру. Хомский определяет основные цели имперской стратегии следующим образом: «включение других центров мировой власти в "общие рамки порядка", управляемые Соединенными Штатами; сохранение контроля над мировыми поставками энергоносителей; недопущение неприемлемых форм независимого национализма; и преодоление "кризиса демократии" на территории внутреннего врага»⁶⁵⁰.

В этом контексте Хомский называл 1990-е гг. «десятилетием гуманитарных интервенций»⁶⁵¹. Интервенции в Косово и Восточном Тиморе, по его мнению, стали причиной роста антиамериканизма во всем мире. Несмотря на успешность и гуманитарные цели интервенции, она была проведена без санкции Совета безопасности ООН и стала причиной многочисленных гражданских жертв, что позволило говорить об агрессивности американской гегемонии. Исследователь отмечал, что вторжение в Ирак в 2003 г. особенно важно, поскольку оно сигнализировало

⁶⁴⁹ Там же. Р. 160.

⁶⁵⁰ Хомский Н. Гегемония, или Борьба за выживание. Москва. Столица, Принт. 2007. С 14.

⁶⁵¹ Там же. С. 36.

о «новой норме» в международных отношениях и о том, что в будущем США, возможно, захотят вести превентивную войну против Ирана, Сирии и других «государств-изгоев».

Основными рисками американской гегемонии Хомский, как и Валлерстайн, называл действия, косвенно способствующие распространению оружия массового поражения (ОМП). По его мнению, это была американская военная поддержка Израиля, вынуждающая Иран и Ирак создавать ОМП, а также подрыв Вашингтоном международных усилий по предотвращению милитаризации космоса и запрету биологического оружия)⁶⁵². В его понимании глобальная гегемония (или даже само стремление к ней) было антитезой выживанию человечества⁶⁵³.

Хотя взгляды представителей мир-системного подхода на существующий миропорядок существенно различаются, в целом все эксперты данного направления однозначно негативно оценивали роль Соединенных Штатов, указывая на структурные риски, создаваемые ими для мировой системы. При этом, в отличие от либералов, они указывали на деструктивный характер не только политики администрации Дж. Буша-младшего, но и в целом на сомнительный характер продвигаемых Вашингтоном ценностей и институтов. От реалистов-скептиков их отличало стремление к упорядоченной международной системе, а также существенное внимание к идеологическим аспектам мировой политике. Представители мир-системного подхода также единодушны по вопросу сохранения американского первенства. Они полагали, что объективные

⁶⁵² Там же. С 109-143.

⁶⁵³ Там же. С. 231.

структурные причины с высокой долей вероятности приведут к формированию многополярной системы.

Изучение подходов экспертного сообщества США позволяет выделить некоторые тенденции, касающиеся осмысления гегемонии в американской политической мысли в рассматриваемый период. Значительная часть аргументов сторонников ТГС основывалась на том, что за десять лет с момента окончания холодной войны государства-конкуренты не создали балансирующую коалицию против Вашингтона. Так, К. Лейн писал: «Один из железных уроков истории заключается в том, что великие державы, стремящиеся к гегемонии, всегда сталкиваются с сопротивлением (и терпят поражение) от уравнивающих усилий других государств. Однако среди американского внешнеполитического сообщества преобладает убеждение, что Соединенные Штаты освобождены от участи гегемонов»⁶⁵⁴.

С точки зрения многих реалистов-оптимистов, в частности У. Уолфорта, отсутствие балансирующей коалиции свидетельствовало о долгосрочной устойчивости американской гегемонии. Ряд экспертов этого направления ввели термин «однополярная стабильность», указывая на беспрецедентный уровень доминирования Соединенных Штатов, несравнимый с гегемонами прошлого, за исключением, разве что, Римской империи. В соответствии с реалистической традицией, исследователи указывали на экономический, политический и военный потенциал американского государства как на основу гегемонии и причину относительной стабильности мира в постбиполярную эпоху. При этом для экспертов этого направления был характерен оптимистический настрой в отношении длительности существования подобной системы,

⁶⁵⁴ *Layne K.* The Unipolar Illusion Revisited: The Coming End of the United States' Unipolar Moment // *International Security*. №. 31 (2). 2006. P. 7.

обусловленный слабостью контргегемонии. Обращает на себя внимание, что даже после войны в Ираке, экономического кризиса 2008 г. и других исторических событий, выходящих за исторические рамки данной работы, ряд исследователей, в частности С. Брукс и У. Уолфорт, продолжали отстаивать тезис о конструктивной роли Вашингтона в качестве гегемона⁶⁵⁵.

В свою очередь представители неоимперского подхода, которых зачастую обвиняли в жестком гегемонизме, редко напрямую ссылались на теорию гегемонистской стабильности в качестве идейного базиса своих рассуждений. Отчасти это обусловлено тем, что большинство их текстов носило в основном публицистический характер, либо касалось юридической проблематики, в связи с чем ссылки на малоизвестную за пределами экспертных кругов концепцию, вероятно, казались неуместными. Тем не менее в идеях представителей неоимперского подхода к ТГС рассматриваемая теория проявлялась в наиболее яркой и жесткой форме. Эксперты, разделяющие неоимперские идеи, однозначно признавали существование американской гегемонии в постбиполярный период, а также наличие однополярной системы международных отношений. Более того, некоторые из них характеризовали сложившееся положение как империю, намекая на иерархическую систему, которую выстраивает доминирующее государство. При этом первостепенной опорой складывающейся системы являлось американское государство, а международные институты играют второстепенную или вовсе деструктивную роль.

Также большинство экспертов этого направления однозначно считали конструктивной и стабилизирующей роль Соединенных Штатов. Следует

⁶⁵⁵ *Brooks S. J. Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. New Jersey: Princeton University Press, 2008, 226 p.*

отметить, что большинство исследователей при этом полагали, что американская гегемония в ближайшем будущем ослабнет, что, по их мнению, будет носить однозначно негативный характер для мировой системы. В качестве причин ослабления выделялось в основном не имперское перенапряжение или балансирующая коалиция, а внутривнутриполитические противоречия, усилия международных террористов, а также излишние обязательства перед союзниками и международными институтами, мешающие гегемону выполнять свою роль.

Эксперты из числа либеральных сторонников ТГС однозначно признавали наличие американской гегемонии в постбиполярном мире. При этом большинство из них противопоставляло гегемонию (понимаемую как жесткое доминирование) термину лидерство. Также представители этого подхода в основном не поддерживали концепцию однополярности, указывая в качестве источника гегемонии международные режимы, глобальные институты и, что представляется особенно важным, согласие сильнейших государств мира. Американская либеральная гегемония, с точки зрения этой группы исследователей, однозначно выполняла свою стабилизирующую функцию. При этом некоторые из мыслителей полагали, что гегемония могла бы сохраниться даже в случае ослабления Соединенных Штатов, опираясь на либеральные институты при консенсусе ведущих демократических государств. Несмотря на критику политики Дж. Буша-младшего, большинство исследователей полагали, что США удастся преодолеть «искушение силой» и перейти к «образцовому лидерству» (По Дж. Монтену), вернув привлекательность американским ценностям⁶⁵⁶.

Как показывает предшествующий анализ, теория гегемонистской стабильности являлась важной частью мировоззрения значительного числа

⁶⁵⁶ *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U.s. Strategy // *International Security*. 2005. № 29. P. 123.

американских внешнеполитических экспертов, а также оказала значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Вашингтона в постбиполярную эпоху. Однако многие исследователи международных отношений, разделяющие реалистический и либеральный подходы, сохраняли скептическое отношение к тезису о стабильности системы, в которой доминирует одно государство, даже если этим государством будут являться родные для них Соединенные Штаты (См. Приложение 1).

В частности, эксперты из числа либералов-скептиков выдвинули концепцию гегемонистской самоуверенности. Она позволяет четко охарактеризовать поведение государства-гегемона, своими чрезмерными усилиями по формированию иерархического миропорядка, дестабилизирующего систему международных отношений⁶⁵⁷. Хотя Т. Смит, М. Говард и М. Ригстад признавали наличие американской гегемонии, они подчеркивали ее деструктивный характер, тем самым выступая против ТГС⁶⁵⁸. В качестве ее опоры либералы-скептики видели государство, однако, в отличие от реалистов, уделяли значительное внимание ценностному компоненту, указывая на его значение в гегемонистской системе. Эксперты этого направления также были уверены в том, что гегемония США будет ослабляться, при этом вина будет лежать на самом американском государстве, а не на системных ограничениях или усилиях балансирующей коалиции.

Представители мир-системного подхода также однозначно негативно оценивали роль Соединенных Штатов, указывая на структурные риски, создаваемые ими для мировой системы. При этом, в отличие от либералов,

⁶⁵⁷ *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2009. № 12(3). P 381.

⁶⁵⁸ *Howard M.* What Friends Are For? // *The National Interest*. 2002. №69. P. 8-10.

Smith T. A Pact with The Devil: Washington's Bid for World Supremacy and the Betrayal of the American Promise. NY: Routledge, 2007. Pp. 78–82.

они указывали на деструктивный характер не только политики администрации Дж. Буша-младшего, но и в целом на манипулятивный характер продвигаемых Вашингтоном ценностей и институтов. От реалистов-скептиков их отличало стремление к упорядоченной международной системе, а также существенное внимание к идеологическим аспектам мировой политике. Представители мир-системного подхода также единодушны по вопросу сохранения американского первенства. Они полагали, что объективные структурные причины с высокой долей вероятности приведут к формированию многополярной системы.

Взгляды реалистов-скептиков представляются наиболее последовательным вариантом критического анализа теории гегемонистской стабильности. В частности, Дж. Миршаймер признает, что глобальная гегемония может возникнуть на краткий период времени, но быстро перестанет быть стабилизирующим фактором в мировой политике и экономике, а наоборот, вследствие геостратегических причин («останавливающая сила воды») и культурных барьеров начнет дестабилизацию своей же системы. В качестве альтернативы Миршаймер предлагает концепцию внешних стабилизаторов — региональных гегемонов, которые способны выполнять стабилизирующую функцию в отдельно взятых областях планеты⁶⁵⁹.

⁶⁵⁹ *Mearsheimer J. J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press. 2018. 320 p.*

Заключение

Подводя итоги следует отметить, что теория гегемонистской стабильности представляет собой многоплановую концепцию, позволяющую проследить взаимосвязь между политическими и экономическими процессами в сфере международных отношений. ТГС возникла в период ослабления гегемонии Вашингтона на фоне кризиса Бреттон-Вудской системы и поражения во Вьетнамской войне. Ее задачей было обосновать необходимость возвращения доминирования США через якобы конструктивную роль американского господства для мировой политики и экономики. Восстановление влияния США и победа над их главным геополитическим противником в лице Советского Союза должна была, согласно их нарративам, обеспечить стабильность всему миру.

Уже в период холодной войны ТГС подвергалась активной критике исследователями, указавшими на ее значительные недостатки и неточности. Во-первых, сами эксперты, стоявшие у истоков теории, указывали на ее ограниченную объяснительную ценность, а также на недолговечность глобальной гегемонии. Во-вторых, она столкнулась с существенной критикой со стороны аналитиков, стремящихся отвергнуть ее как упрощенную картину мира и идеологический инструмент американской экспансии.

Тем не менее, как показывают результаты исследования, ключевой период для апробации теории гегемонистской стабильности только наступал. После распада Советского Союза США получили возможность осуществлять глобальную гегемонию и продемонстрировать, насколько

доминирующее государство действительно способно стабилизировать международную систему в политической и экономической сфере.

Именно в этот период, когда Вашингтон мог практически единолично менять конфигурацию мировой системы, а ТГС стала одной из основ мировоззрения американского истеблишмента. Ее положения нашли отражение в риторике американских политиков. Так, Дж. Буш-старший в 1991 г. заявлял о том, что США могут наконец воспользоваться новыми возможностями и достичь мирового порядка, где «не будет жестокости, а любая агрессия будет сталкиваться с коллективным отпором»⁶⁶⁰. В 1992 г. он утверждал, что «жизненно важным интересом для Вашингтона является поддержание мира и стабильности в Косово», продемонстрировав, что Соединенные Штаты воспринимали любой конфликт как вызов своей гегемонии⁶⁶¹.

Советник по национальной безопасности в администрации У. Клинтона Э. Лейк, хорошо знакомый с теоретическими основаниями ТГС в работах Р. Кеохейна и Дж. Ная, полагал, что США «должны использовать свою моральную, военную, экономическую и политическую силу для создания и продвижения более справедливого и стабильного мира»⁶⁶², а также, что «американское лидерство в мире – это не роскошь, а необходимость»⁶⁶³. Кроме того, он заявлял, что Вашингтон применит силу, когда «будет брошен вызов совести международного сообщества...и, если в какой-то стране будет происходить внезапное или неожиданное нарушение установленной демократии или грубое нарушение прав

⁶⁶⁰ *H. W. Bush*. Address Before a Joint Session of Congress // *Public Papers*. 1990. September 11. P. 199.

⁶⁶¹ Calling for an end to the violent repression of the people of Kosovo [Электронный ресурс] // U.S. Senate concurrent resolution. № 85. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://house.gov/> (дата обращения: 13.04.2024).

⁶⁶² *Soderberg N.* The Superpower Myth: The Use and Misuse of American Might. NJ: John Wiley & Sons, 2005. P. 14.

⁶⁶³ *Johns F. G.* Engaging the World: Anthony Lake and American Grand Strategy, 1993–1997 // *The Historical Journal*. 2016. № 59. P. 857.

человека»⁶⁶⁴. В конце первого срока У. Клинтона, в 1996 г., Лейк предположил, что двадцать первый век будет «новым американским веком», а политика текущей администрации «закладывает основы будущего лидерства Соединенных Штатов»⁶⁶⁵. Государственный секретарь на первом сроке Клинтона – У. Кристофер, рассуждая в том же ключе, утверждал, что «появившаяся после окончания холодной войны возможность движения к большей свободе, открытости и толерантности не должна быть утрачена в силу недалекости, пренебрежения или безразличия. Только Соединенные Штаты имеют способность и видение, как собрать эти достижения воедино»⁶⁶⁶.

Государственный секретарь на втором сроке Клинтона — М. Олбрайт, ставшая рупором теории гегемонистской стабильности, стремясь оправдать интервенцию США в бывшей Югославии заявляла, что «когда ведущая роль США ставится под сомнение в одном из регионов, это ставит под сомнение наши позиции в других регионах»⁶⁶⁷. Наиболее известная фраза Олбрайт в этом контексте ярко отражала положения ТГС: «Если нам приходится применять силу, то это потому, что мы Америка; мы незаменимая нация. Мы стоим твердо и видим будущее дальше, чем другие страны»⁶⁶⁸.

К. Райс, занимавшая в 2003 г. пост советника по национальной безопасности в администрации Дж. Буша-младшего, расценивала американскую интервенцию в Ирак как выполнение стабилизирующей миссии гегемона: «Стратегия национальной безопасности призывает

⁶⁶⁴ Киссинджер Г. Рецепт Хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1. Р. 77.

⁶⁶⁵ Lake A. Laying the Foundations for a New American Century [Электронный ресурс] // clintonwhitehouse.gov. 1995. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://clintonwhitehouse6.archives.gov/1996/04/1996-04-25-anthony-lake-address-to-the-fletcher-school.html> (Дата обращения: 15.03.2024)

⁶⁶⁶ Christopher W. America's Leadership, America's Opportunity // Foreign Policy. 1995. № 98. Р. 7.

⁶⁶⁷ Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. М. Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 242, 252.

⁶⁶⁸ Albright M. K. Interview on NBC's Today Show [Электронный ресурс] // state.gov. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219a.html>. (Дата обращения: 15.03.2024)

Америку использовать нашу позицию непревзойденной силы и влияния для создания баланса сил, благоприятствующего свободе, — чтобы создать, по словам президента, “условия, в которых все нации и все общества могут выбирать для себя награды и вызовы политической и экономической свободы”». Райс указывала, что нестабильность на Ближнем Востоке якобы представляла прямую угрозу для безопасности Америки. В духе теории демократического мира она утверждала: «Мир явно заинтересован в распространении демократических ценностей, потому что стабильные и свободные страны не порождают идеологии убийства. Они поощряют мирное стремление к лучшей жизни. И есть обнадеживающие признаки стремления к свободе на Ближнем Востоке». По ее мнению, от американской интервенции в конце концов «выигрывало все международное сообщество»⁶⁶⁹.

Ряд тезисов ТГС отражены в стратегических документах США. В «Национальной военной стратегии» 1992 г. было указано: «Соединенные Штаты должны поддерживать силу, необходимую для влияния на мировые события, сдерживать агрессоров, гарантировать свободный доступ к глобальному рынку, поощрять дальнейший демократический и экономический прогресс, способствовать атмосфере повышенной стабильности»⁶⁷⁰.

В Стратегии национальной безопасности 1994 г. были отмечены задачи Вашингтона в постбиполярном мире, экономическая составляющая которых прямо отражала влияние ТГС. Эти задачи включали в себя: «укрепление безопасности США путем поддержания оборонительного

⁶⁶⁹Dr. Condoleezza Rice Discusses Foreign Policy [Электронный ресурс] // [Georgewbush-whitehouse.archives.gov](https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030807-1.html) РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030807-1.html> (дата обращения: 28.04.2024).

⁶⁷⁰ National military strategy of The United States 1992 [Электронный ресурс] // Historical Office of the Secretary of Defense. 1992. P. 2. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=AsfWYUHa-HtcvnGGAuWXA%3d%3d> (дата обращения: 26.04.2024)

потенциала и содействия безопасности на основе сотрудничества; открытие иностранных рынков и стимулирование экономического роста; продвижение демократии»⁶⁷¹.

В Стратегии национальной безопасности 1998 г. также продвигалась идея стабилизирующей роли государства-гегемона в вопросах предотвращения конфликтов и стимулирования мировой торговли: «Играя лидирующую роль в мире, мы сдерживали агрессивные действия, способствовали разрешению конфликтов, укрепляли демократические режимы, делали иностранные рынки открытыми и брались за глобальные проблемы... Лидерство США было решающим фактором в заключении целого ряда договоров, которые сделали мир более устойчивым и безопасным путем ограничения, сокращения и предотвращения распространения оружия массового поражения... Без нашего лидерства и участия угрозы будут множиться, а наши возможности сужаться»⁶⁷².

К жизненно важным интересам США в этом документе было отнесено, в частности, создание стабильной международной обстановки и предотвращение господства враждебно настроенных стран в каком-либо регионе, имеющем особое важное значение для американских интересов. Подчеркивалось, что американское «участие в международных делах создает условия для того, чтобы мировое сообщество оставалось стабильным, а глобальная экономическая система могла процветать»⁶⁷³.

В Стратегии национальной безопасности 2002 г. было указано, что США участвуют в «борьбе идей», цель которой помочь иностранцам, особенно в мусульманском мире, узнать и понять Америку. Стратегия, в духе ТГС, обязывала Соединенные Штаты «активно работать над тем,

⁶⁷¹ A national security strategy of engagement and enlargement [Электронный ресурс] // History.defence.gov. 1994. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf> (Дата обращения: 15.03.2024)

⁶⁷² Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // НГ – Сценарий. 1999. № 2. С. 10.

⁶⁷³ Там же.

чтобы принести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и свободную торговлю во все уголки мира»⁶⁷⁴.

Таким образом в период с 1991 по 2009 гг., обозначенный Ч. Краутхаммером как «однополярный момент», теория гегемонистской стабильности становится элементом не только риторики, но и стратегических документов Вашингтона. Ее влияние можно обнаружить и в реальной политике. После окончания холодной войны США стремились активно навязать миру принципы «Вашингтонского консенсуса», заключавшиеся, в частности, в либерализации международной торговли, что является одной из задач гегемона по ТГС. Соединенные Штаты принимали активное участие в создании таких институтов как ВТО и НАФТА, служащих этой цели. В некоторых ситуациях они действительно помогали предотвращать значительные последствия экономических кризисов, как это было с «Кризисом песо» в 1994 г. Кроме того Вашингтон активно стремился интегрировать Пекин в создаваемые им международные институты и экономическую систему. Эти действия свидетельствуют о рассмотрении теории гегемонистской стабильности в качестве релевантной стратегической концепции на самом высоком уровне.

Однако отказ от полноценной помощи России во время экономических реформ и дефолта 1998 г., а также недостаточное участие в ликвидации последствий Азиатского финансового кризиса продемонстрировали неготовность Вашингтона быть полноценным стабилизатором мировой экономики.

Одновременно с этим Соединенные Штаты стремились реализовать стратегию по сдерживанию потенциальных региональных держав и вмешательству в конфликты с целью продвижения своей демократической

⁶⁷⁴ National Security Strategy 2002 [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 27.09.2023).

повестки. Эта политика, с точки зрения теории гегемонистской стабильности, полностью провалилась. Интервенции на территории бывшей Югославии, на Гаити, в Афганистане и в Ираке не привели к решению конфликтов. В лучшем случае конфликты были заморожены посредством присутствия иностранных вооруженных сил и элементов внешнего управления, в худшем конфликт выливался в продолжительную кровопролитную войну.

Обращает на себя внимание, что количественное исследование Дж. Хаббарда продемонстрировало способность гегемона выполнять стабилизирующую функцию лишь до тех пор, пока он сам не начинает активно применять силу. Хаббард, как в свое время Р. Гилпин, объяснял это тем, что гегемон теряет свое влияние и прилагает усилия для его сохранения⁶⁷⁵. Однако для данной тенденции представляется более подходящим объяснение Миршаймера, который полагал, что государство, получившее на короткий период глобальную власть, будет стремиться максимизировать ее и навязать всему миру свою волю, применяя силу именно в момент наивысшего могущества, не опасаясь симметричного ответа. Это приведет как к «имперскому перенапряжению», так и к росту сопротивления со стороны региональных держав, что будет способствовать постепенному ослаблению гегемона⁶⁷⁶. Подобный процесс мы можем наблюдать в отношении внешней политики США с начала 2000-х гг.

Период «однополярного момента» — абсолютной американской гегемонии, обозначенный Ч.Краутхаммером, и начавшийся в 1990 г. с момента «Войны в Заливе», закончился в 2008-2009 гг. Это было обусловлено потрясениями «Великой рецессии» в экономической сфере, а

⁶⁷⁵ *Hubbard J.* Hegemonic Stability Theory: An Empirical Analysis [Электронный ресурс] // ISRJ. 2010. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://isrj.wordpress.com/2010/05/28/hegemonic-stability-theory/> дата обращения: 30.04.2024).

⁶⁷⁶ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. P. 146.

также, одновременно с этим, неспособностью Вашингтона оказать помощь своему союзнику — Грузии, во время конфликта с Россией. Эти два события, по оценкам ряда американских экспертов поставили под сомнение экономическое и политическое всемогущество Соединенных Штатов и завершили период «однополярного момента».

Путь развития, который Вашингтон предлагал и навязывал остальному миру, перестал быть безальтернативным. Гегемон лишь усилил конфликтность в мире, а также сам стал источником экономической нестабильности. Дальнейшие тенденции в виде Ливийского, Украинского и Сирийского конфликтов⁶⁷⁷, усиления влияния КНР и стран Глобального Юга, а также кризиса либеральной идеологии, по мнению значительного числа исследователей ослабили американскую гегемонию.

Однако она не перестала существовать. Основной опорой гегемонии Вашингтона до сих пор остаются военная мощь США и международные институты, завязанные на американский доллар⁶⁷⁸. Более того, гегемон активно стремится демонстрировать свое превосходство и препятствовать созданию балансирующей коалиции. Тем не менее, как показывал в своих работах Р. Гилпин, баланс выгод и издержек от гегемонии вынуждает его экономить ресурсы, сокращать свои обязательства перед союзниками и даже ограничивать собственную сферу влияния. В конечном счете гегемон будет стремиться свести бремя лидерства к минимуму, взимая «дань» с зависимых государств⁶⁷⁹.

По итогам рассмотрения роли теории гегемонистской стабильности во внешней политике США с 1991 по 2009 гг. можно заключить, что указанная теория является важным элементом стратегической культуры

⁶⁷⁷ *Mearsheimer J. J.* Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press, 2018. P. 209, 219.

⁶⁷⁸ *Norloff C.* Dollar Hegemony: A Power Analysis // Review of International Political Economy. 2014. № 21 (5). Pp. 1042–1070.

⁶⁷⁹ *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge University Press, 2010. P. 139, 169, 188, 233.

Соединенных Штатов, рационализирующей мессианские и квазирелигиозные концепции по глобальному переустройству мира под руководством Вашингтона. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии ТГС воспринималась как незначительный эпизод в дебатах о теории международных отношений, либо как актуальная, но малоизвестная историческая концепция. Однако, как представляется, высокая степень взаимопроникновения экспертных кругов и истеблишмента США обеспечила знакомство американской политической элиты с ключевыми положениями данной теории, которая стала важным аргументом в их стремлении к единоличной власти над миром.

Анализ позиций американского экспертного сообщества также подтвердил, что теория гегемонистской стабильности не потеряла свою актуальность после окончания холодной войны. Значительная часть экспертов рассматривала постбиполярную эпоху как время глобальной гегемонии США. Концентрация ресурсов в Соединенных Штатах виделась некоторым из них в этот период гораздо меньшей, чем в послевоенные 1950-е и 1960-е гг., однако отсутствие соперника в лице Советского Союза, глобализация мировой экономики и доминирование американской культуры позволяли Вашингтону практически единолично формировать миропорядок.

Сравнивая прогнозы американских экспертов, можно прийти к парадоксальному выводу, что в дальнейшем почти каждый из них оказался правдивым. США, как считали реалисты-оптимисты, сохранили свое первенство в военной и экономической сфере, однако они значительно ослабили относительно держав-конкурентов, как предсказывали реалисты-скептики. Глобальная экономическая система международных институтов, основанная на долларе, которая по мнению либералов-оптимистов являлась основой американской гегемонии, продолжила существование, но

авторитет американской экономики и американской валюты постепенно снижается. Американская массовая культура и демократические ценности, особое значение которых продвигали Дж. Най и З. Бжезинский, еще популярны по всему миру, но также постепенно утрачивают свое значение. Балансирующая коалиция против Соединенных Штатов так и не сформирована, однако процесс ее формирования, как представляется автору, идет.

При этом, американская элита с 1990-х гг. до недавнего времени с наибольшим интересом воспринимала идеи экспертов из группы либералов-оптимистов. Они повлияли на активное участие США в работе международных институтов, стремление Вашингтона сохранять такие альянсы как НАТО, значительные вложения в инструменты «мягкой силы», а также использование ценностной риторики при администрациях У. Клинтона, Б. Обамы, Дж. Байдена.

При этом позиции либералов-оптимистов во-многом были сходны с позициями сторонников неоимперской теории. Несмотря на лозунги о приоритете внутренних проблем, США, как гегемон, не могли оставить свои внешнеполитические амбиции, которые, во многом, обеспечили им необходимый экономический излишек. Однако сторонники неоимперской теории предлагали прямое военное участие США в продвижении демократии, как во времена Дж. Буша-мл. Когда эти методы стали чрезмерно затратными, позиции либералов-оптимистов вновь начали определять американский мейнстрим, а Соединенные Штаты стали более опосредованно участвовать в мировых конфликтах. Это означало, что гегемон начал учитывать значительные издержки, возникающие от его

господствующего положения. Согласно Р. Гилпину, в дальнейшем эти издержки будут увеличиваться.

В этом контексте следует отметить, что подход Д. Трампа в большей степени схож с позициями реалистов-оптимистов. В русле этого подхода гегемония США должна опираться на военную и экономическую мощь американского государства, а отношения с союзниками должны быть более иерархичными. Гегемон еще больше сокращает издержки и уже не стремится предоставлять «общественные блага» мировой системе за свой счет, что наиболее ярко выражено в подходе Трампа к обеспечению европейской безопасности.

При этом доказывая актуальность позиций экспертов-реалистов, таких как У. Уолфорт, администрация Трампа прилагает усилия для раскола потенциальной балансирующей коалиции Москва-Пекин-Тегеран, описанной еще в работах З. Бжезинского⁶⁸⁰. Однако неизбежность формирования такой коалиции и утраты Вашингтоном своей гегемонии признавали даже сами реалисты-оптимисты. Они понимали, что рано или поздно реальные издержки от американской гегемонии превысят потенциальный ущерб от перемен для ключевых игроков на международной арене⁶⁸¹. Усилия Трампа могут лишь отсрочить, но не предотвратить данный исход.

С точки зрения теории гегемонистской стабильности Вашингтон провалил свою миссию в качестве гегемона, став причиной углубления региональных конфликтов и экономических кризисов. При этом Соединенные Штаты во многом сохраняют свои материальные возможности в военной и экономической сфере, американский доллар

⁶⁸⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М: Междунар. отношения, 1998. С. 243.

⁶⁸¹ Brooks S. J. Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. New Jersey: Princeton University Press, 2008. P. 63.

остаётся главной резервной валютой, действуют глобальные институты, сохраняются и расширяются альянсы, созданные Вашингтоном ещё в период холодной войны⁶⁸². США по-прежнему проводят одностороннюю и агрессивную политику, которая, однако встречает все большее сопротивление со стороны других государств. Следовательно гегемония сохраняется, однако стабилизирующую роль не играет.

Теория гегемонистской стабильности, как представляется автору, действительно существенно влияла на внешнюю политику США, но как вторичный фактор в сравнении с внешнеполитической и экономической конъюнктурой. Она служила идеологическим инструментом для повышения шансов в борьбе за власть в анархическом мире. Стремление Соединённых Штатов к гегемонии, по всей видимости, было естественным мотивом в любого сильного государства, так как позволяло ему на время обеспечить для себя максимальную безопасность⁶⁸³. Однако, видится вероятным, что ТГС стала одним из факторов, искаживших восприятие американским истеблишментом системы международных отношений. В Вашингтоне начали отождествлять национальную безопасность США с американской гегемонией и воспринимать любое противоречие своей линии или отход от либеральных экономических принципов почти как экзистенциальную угрозу. Наложившись на реальные вызовы в виде террористических актов, ТГС стала играть негативную роль в американской стратегической культуре, усиливая её агрессивность и претензии на исключительность.

Кроме того, теория гегемонистской стабильности выступала в качестве идеологического инструмента для продвижения идеи нового мирового порядка под руководством Вашингтона в сознании мировых элит.

⁶⁸² *Ostrovsky M.* Military Globalization: Geography, Strategy, Weaponry. Leviston: Edwin Mellen Press, 2018. P. 281.

⁶⁸³ *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. P. 2, 41.

Даже те лидеры, которые отвергали либеральные ценности, под воздействием аргументов ТГС могли принять тезис о том, что американский миропорядок стабильнее и выгоднее беспорядка, якобы грядущего за возможной потерей Соединенными Штатами статуса гегемона. Указанный тезис особенно активно использовался (и используется) в отношении гегемонии американского доллара. Его ценность для американских элит частично объясняет, почему ТГС сохраняла свою востребованность, несмотря на значительную критику в научных и экспертных кругах самих США.

В настоящий момент теория гегемонистской стабильности продолжает оказывать значительное влияние на американскую стратегическую культуру. В частности, используемая Д. Трампом концепция «мира через силу», имеет сходные с ТГС тезисы о том, что наращивание военно-экономического потенциала Соединенных Штатов якобы будет способно подавить стремление конкурентов Америки к независимой политике⁶⁸⁴. Кроме того, США все еще активно вмешиваются в региональные конфликты вдалеке от своих границ, стремясь под видом идеологически-окрашенных лозунгов продвинуть свои политико-экономические интересы. Однако, в аспекте глобальной экономики, Вашингтон уже отошел от предписываемой ТГС миссии гегемона по либерализации международной торговли. Тарифы и санкции, вводимые Соединенными Штатами, отражают тот факт, что американскому государству уже не выгодно конкурировать с растущими державами на рыночных принципах. Вероятно, несмотря на частичное сохранение мессианского мировоззрения, американский истеблишмент постепенно будет готов признать роль США как сильного, но регионального игрока,

⁶⁸⁴ Stokes D. Trump, American hegemony and the future of the liberal international order // International Affairs. 2018. № 94 (1). P. 133–150.

оставив претензии на глобальную гегемонию. В противном случае продолжение агрессивной и интервенционистской политики Вашингтона может существенно усугубить процесс дестабилизации системы международных отношений и привести к очередному витку роста конфликтности в мире.

Результаты данного исследования позволяют выделить теорию гегемонистской стабильности как важный элемент историко-политической мысли Соединенных Штатов в новейшее время, особенно в постбиполярный период. Кроме того, изучение ТГС позволит углубить понимание истории и теории международных отношений. Дальнейшая разработка проблематики настоящей диссертации может развиваться через расширение хронологических рамок и подключение более поздних работ, а также через сравнительный анализ теории гегемонистской стабильности с другими концепциями в американском экспертном сообществе.

Список источников и литературы

Официальные публикации и документы США

1. A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm [Электронный ресурс] // The Institute for Advanced Strategic and Political Studies. 1996. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://dougfeith.com/docs/Clean_Break.pdf (дата обращения: 12.02.2024).
2. A national security strategy of engagement and enlargement [Электронный ресурс] // History.defence.gov. 1994. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf> (Дата обращения: 15.03.2024)
3. Authorization to U.S. Military Force [Электронный ресурс] // U.S. Congress. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ40/PLAW-107publ40.pdf> (Дата обращения 13.11.2023)
4. Defense Planning: Guidance FY 1994–1999 April 16, 1992 [Электронный ресурс] // archives.gov. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (Дата обращения 28.10.2023)
5. H.R.1838 - Taiwan Security Enhancement Act [Электронный ресурс] // Congress.gov. 1999. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1838> (дата обращения: 06.02.2022).
6. H.R.4 - National Missile Defense Act of 1999 [Электронный ресурс] // Congress.gov. 1999. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/4> (дата обращения: 06.02.2022).
7. National Intelligence Council (NIC) Global Trends 2025: A Transformed World. Washington: Government Printing Office. 2008. 120 p.

8. National military strategy of The United States 1992 [Электронный ресурс] // Historical Office Office of The Secretary of Defense. 1992. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/nms1992.pdf?ver=AsfWYUHa-HtcvnGGAuWXA%3d%3d> (дата обращения: 26.04.2024)
9. National Security Strategy 2002 [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 27.09.2023).
10. Prevent the Emergence of a New Rival’: The Making of the Cheney Regional Defense Strategy. 1991–1992 // National Security Archive. 2008. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm>. (дата обращения: 01.03.2022).
11. Rights In the 21st Century // U.S. Department of State Dispatch. 1999. P. 3.
12. Strategic energy policy: challenges for the 21st century: report of an independent task force cosponsored by the James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University and the Council on Foreign Relations [Электронный ресурс] // NY: Council on Foreign Relations. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.cfr.org/report/strategic-energy-policy-challenges-21st-century>
13. The Rumsfeld commission report // Congressional record. 1998. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: https://irp.fas.org/congress/1998_cr/s980731-rumsfeld.htm (дата обращения: 05.02.2022).

14.«Playing Chicken» with Supercomputers & the Defense Authorization Act // Library of Congress Web Archives. 1997. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА:

<https://web.archive.org/web/20030707155911/http://newamericancentury.org/defoct2897.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

15.Clinton, China and Taiwan/Library of Congress Web Archives - 1998 [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА:

<https://web.archive.org/web/20030701195453/http://newamericancentury.org/chinamar3000.htm> (дата обращения: 06.02.2022).

16.Commit for the Long Run // Library of Congress Web Archives. 2001. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА:

<https://web.archive.org/web/20030402040504/http://www.newamericancentury.org/kagan-012902.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

17.East Asia 1998–1997 // Library of Congress Web Archives. 1998. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА:

<https://web.archive.org/web/20030629144254/http://newamericancentury.org/eastasia1998-1997.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

18.East Asia 1999 // Library of Congress Web Archives. 1999. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА:

<https://web.archive.org/web/20030629144512/http://newamericancentury.org/eastasia1999.htm> (дата обращения: 04.02.2022).

19.Letter to Gingrich and Lott on Iraq // Library of Congress Web Archives. 1998. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА:

<https://web.archive.org/web/20030212225110/http://www.newamericancentury.org/iraqjan0799.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

20. Mr. President Milosevic is the problem // Library of Congress Web Archives. 1997. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: https://webarchive.loc.gov/all/20050713182045/http://www.newamericancentury.org/balkans_pdf_04.pdf (дата обращения: 04.02.2022).
21. NATO Enlargement: What is “the Threat?” // Library of Congress Web Archives. 1997. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222053757/http://www.newamericancentury.org/natooct1397.htm> (дата обращения: 03.02.2022).
22. Open letter to the President Clinton // Library of Congress Web Archives. 1998. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://webarchive.loc.gov/all/20050713182305/http://www.newamericancentury.org/iraqclintonletter.htm> (дата обращения: 03.02.2022).
23. PНАС memorandum // Library of Congress Web Archives. 1999. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030707150600/http://newamericancentury.org/deffeb0299.htm> (дата обращения: 04.02.2022).
24. PНАС memorandum // Library of Congress Web Archives. 2000. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222052152/http://www.newamericancentury.org/natonov0100.htm> (дата обращения: 07.02.2022).
25. PНАС memorandum // Library of Congress Web Archives. 2001. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030620155545/http://www.newamericancentury.org/defense-iraq-070601.htm> (дата обращения: 07.02.2022).
26. Reaction to 'Bush's Real Goal in Iraq // Library of Congress Web Archives. 2003. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030618063816/http://newamericancentury.org/defense-100602.htm> (дата обращения: 09.02.2022).

27. *Rebuilding Americas Defenses* // Library of Congress Web Archives. 1998. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030625224429/http://newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).
28. *Russia and NATO Enlargement* // Library of Congress Web Archives. 1997. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222052718/http://www.newamericancentury.org/natonov1397.htm> (дата обращения: 03.02.2022).
29. *Statement of principles* // Library of Congress Web Archives. 1997. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://webarchive.loc.gov/all/20050713181416/http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> (дата обращения: 03.02.2022).
30. *The Bush Doctrine* // Library of Congress Web Archives. 2002. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030618015854/http://newamericancentury.org/bushdoctrine-013002.htm> (дата обращения: 08.02.2022).
31. *The National Security Strategy 2006. Section 5* // georgewbush-whitehouse.archives.gov [Электронный ресурс]. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/print/sectionV.html> (дата обращения: 28.04.2024).
32. *The Rumsfeld Commission and Ballistic Missile Defense* // Library of Congress Web Archives. 1998. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030707152315/http://newamericancentury.org/defjul1698.htm> (дата обращения: 05.02.2022).

33. Why NATO's Enlargement is in America's Strategic Interest // Library of Congress Web Archives. 1997. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20030222053012/http://www.newamericancentury.org/natooct0897.htm> (дата обращения: 03.02.2022).

Переведенные документы США

34. Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11, С. 153–159, № 12, С. 116–123, 1995, № 1, С. 122–125, № 2, С. 112–126.

35. Клинтон У. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Предисловие. // НГ – Сценарий. 1999. № 2. С. 9–16.

Выступления политиков

36. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 [Электронный ресурс] // Public Papers. 2002. P. 131. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2002-book1/pdf/PPP-2002-book1-doc-pg129-3.pdf> (Дата обращения 17.11.2023)

37. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 [Электронный ресурс] // Public Papers. 2002. P. 131. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2002-book1/pdf/PPP-2002-book1-doc-pg129-3.pdf> (Дата обращения 17.11.2023)

38. Albright M. K. Interview on NBC's Today Show [Электронный ресурс] // State.gov. 1998. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219a.html>. (Дата обращения: 15.03.2024)

39. Dr. Condoleezza Rice Discusses Foreign Policy [Электронный ресурс] // georgewbush-whitehouse.archives.gov. 2001. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030807-1.html> (дата обращения: 28.04.2024).
40. George W. Bush in American Enterprise Institute (The Future of Iraq) [Электронный ресурс] // Presidential Rhetoric. РЕЖИМ ДОСТУПА: 2003. РЕЖИМ ДОСТУПА: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/02.26.03.html> (Дата обращения: 25.10.2023)
41. H. W. Bush. Address Before a Joint Session of Congress // Public Papers. 1990. September 11. P. 199.
42. President Bush Delivers Graduation Speech at West Point [Электронный ресурс] // The White House President George W. Bush. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html> (Дата обращения 24.10.2023)
43. President Delivers State of the Union Address // The White House. President George W. Bush. 2001. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 08.02.2022).
44. The President's News Conference with Prime Minister Tony Blair of the United Kingdom July 17, 2003 // Public Papers. 2003. с. 884. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2003-book2/pdf/PPP-2003-book2-doc-pg883.pdf> (Дата обращения 13.11.2023)

45. Transcript: Senate Minority Leader Mitch McConnell on «Face the Nation» Oct. 22, 2023 // CBS News. 2023. [Электронный ресурс] РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.cbsnews.com/amp/news/mitch-mcconnell-senate-minority-leader-face-the-nation-transcript-10-22-2023/> (Дата обращения 24.10.2023)

Периодическая печать

46. *Albright M. K.* The Test of American Foreign Policy // Foreign Affairs. 1998. № 77. P. 50–64.

47. *Altman R.* The Great Crash, 2008: A Geopolitical Setback for the West // Foreign Affairs. 2009. № 88 (1) P. 2–14.

48. *Berger. S. R.* A Foreign Policy for the Global Age // Foreign Affairs. 2000. № 79. P. 22–39.

49. *Blustein P.* The Untold Story of How George W. Bush Lost China [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2019. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://foreignpolicy.com/2019/10/04/the-untold-story-of-how-george-w-bush-lost-china/> (дата обращения: 07.03.2024).

50. *Bookman J.* The president's real goal in Iraq [Электронный ресурс] // The Atlanta Journal-Constitution. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://ratical.org/ratville/САН/RRinIraq.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

51. *Brinkley D.* Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1997. № 106. P. 111–127.

52. *Dettmer J.* Hostile World Waits to Test Clinton's Foreign Policy Team // The Times. 1992. December. P. 8.

53. *Carter A., Deutch J., Zelikow Ph.* Catastrophic Terrorism // Foreign Affairs. 1998. № 6. P. 80.

54. *Christopher W.* America's Leadership, America's Opportunity // Foreign Policy. 1995. № 98. С. 7.

55. *Drezner D.W.* The United States flunks hegemonic stability theory [Электронный ресурс] // *Foreign Policy*. 2009. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://foreignpolicy.com/2009/03/09/the-united-states-flunks-hegemonic-stability-theory/> (дата обращения: 30.04.2024).
56. *Elliot L.* Crash course: what the Great Depression reveals about our future [Электронный ресурс] // *The Guardian*. 2017. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.theguardian.com/society/2017/mar/04/crash-1929-wall-street-what-the-great-depression-reveals-about-our-future?CMP=fb_gu (дата обращения: 30.04.2024).
57. *Fukuyama F.* Francis Fukuyama on the end of American hegemony [Электронный ресурс] // *The Economist*. 2021. August. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony> (дата обращения: 30.04.2024).
58. *Kagan R.* The Benevolent Empire // *Foreign Policy*. 1998. № 111. Pp. 24–35.
59. *Kautsky K.* der Imperialismus // *Die Neue Zeit*. 1914. № 32 (2). Pp. 908–922.
60. *Krauthammer C.* The Real New World Order. The American empire and the Islamic challenge // *The Weekly Standard*. 2001. November 12. P. 26.
61. *Krauthammer C.* The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. № 70(1). P. 23–33.
62. *Krauthammer C.* Charlie Gibson's Gaffe [Электронный ресурс] // *The Washington Post*. 2008. № 12. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.washingtonpost.com/wpyn/content/article/2008/09/12/AR2008091202457.html> (дата обращения: 07.02.2022).
63. *Krauthammer C.* The Real New World Order. The American empire and the Islamic challenge // *The Weekly Standard*. 2001. November 12. P. 26.

64. *Kristol W.* The Defense Secretary We Have [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2004 РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2004/12/15/the-defense-secretary-we-have/72a04e19-2343-44e5-96a7-af1413e102f4/> (дата обращения: 27.02.2024).
65. *Kupchan C.* Misreading September 11th // The National Interest. Fall 2002. P. 29–30.
66. *Layne C. Schwarz B.* America Hegemony-Without an Enemy // Foreign Policy. 1993. № 92 Pp. 5–23.
67. *Leonhardt D.* Washington’s Invisible Hand [Электронный ресурс] // The New York Times. 2008. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.nytimes.com/2008/09/28/magazine/28wwln-reconsider.html> (Дата обращения: 15.03.2024)
68. *Lieber K., Lieber R.* The Bush National Security Strategy [Электронный ресурс] // USinfo. 2002. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://web.archive.org/web/20081113134434/http://usinfo.state.gov/journals/itps/1202/ijpe/pj7-4lieber.htm> (Дата обращения 28.10.2023)
69. *Mandelbaum M.* Foreign Policy as Social Work // Foreign Affairs. 1996. January/February. P. 16–32.
70. *Maynes C.W.* The Perils of (and for) an Imperial America // Foreign Policy. 1998. № 111. С. 36–48.
71. *Parry N.* NEO CULPA [Электронный ресурс] // Vanity Fair. 2007. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://archive.vanityfair.com/article/2007/1/neo-culpa> (дата обращения: 11.03.2022).
72. *Rosen S.* An Empire, If You Can Keep It // The National Interest. 2003. P. 51–61.

73. *Sänger D. E., Landler M.* In Europe, Obama Faces Calls for Rules on Finances [Электронный ресурс] // *New York Times*. 2009. April 1. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2009/04/02/world/europe/02prexy.html> (дата обращения: 30.04.2024).

Переведенная и русскоязычная историография

74. *Арон Р.* Имперская республика США в мире 1945–1972. М.: Прогресс. 1973. Пер. с англ. 341 с.

75. *Арон Р.* Мир и война между народами. М.: Nota Bene. 2000. Пер. с англ. 879 с.

76. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 2006. Пер. с англ. 307 с.

77. Бабурина О.Н. Переход от теории гегемонистской стабильности к концепции коллективного управления мировым экономическим порядком как фактор отражения национальных приоритетов // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2011. № 9. С. 25–32.

78. *Бартенев В.И.* Влияние событий 11 сентября 2001 года на политику США в сфере содействия международному развитию // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3 С. 84–218.

79. *Баталов Э.Я.* О философии международных отношений. М. 2005. 132 с.

80. *Безруков А. Э.* Особенности неоконсервативной внешней политики (на примере США) // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. № 9 (46). С. 50–66.

81. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. Пер. с англ. 112 с.
82. *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2005. Пер. с англ. 288 с.
83. *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар. отношения, 2010. Пер. с англ. 192 с.
84. *Блохин К. В.* Американский неоконсерватизм и крах РАХ AMERICANA. Роль политической элиты в упадке американского могущества. М.: Весь Мир. 2021. 224 с.
85. *Богатуров А. Д.* Истоки американского поведения [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://globalaffairs.ru/articles/istoki-amerikanskogo-povedeniya/> (Дата обращения: 27.03.2025)
86. *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Мысль. 2002. 380 с.
87. *Богатуров А. Д.* Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М.: Едиториал Урсс. 2004. 48 с.
88. *Богданов А. Н.* Эволюция гегемонии: власть США в современном мире // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 9 (1). С. 190–197.
89. *Братерский М. В.* Россия, США и концепция гегемонии: дискурсивный анализ // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 38–57.

90. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XVI–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М: Весь мир. 2006. Пер. с англ. 592 с.
91. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М: Территория будущего. 2006. Пер. с англ. 248 с.
92. *Гейдаров Н.* Идеология глобальной гегемонии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 1. С. 5–14.
93. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма // № 257; № 98. М. Стереотип. 2022. Пер. с нем. 480 с.
94. *Гобсон Дж. А.* Империализм. М: Либроком. 2024. Пер. с англ. 288 с.
95. *Городняя Н. Д.* Политика США в Восточной Азии в условиях Азиатского кризиса // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 8–26.
96. *Дробот Г. А.* Критический анализ концепции глобального управления // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2012. № 272 (9). С. 86–98.
97. *Дробот Г. А.* Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.
98. *Журбей Е. В.* Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 75–108.
99. *Закария Ф.* Постамериканский мир будущего. М: Европа. 2009. Пер. с англ. 456 с.
100. *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты. М: Гонзо. 2020. Пер. с англ. 848 с.
101. *Кислицын С. В.* Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. М: Весь мир. 2020. 216 с.

102. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцевой. 286 с.
103. *Киссинджер Г.* Рецепт Хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1. С. 77–79.
104. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М: Издательство Экономика. 2002. 767 с.
105. *Коскова А. С.* Тюремные тетради» Антонио Грамши: генезис, понятия историзма и истории // Общество: философия, история, культура. 2020. №3 (71). С. 54–56.
106. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. М: Директ-медиа. 2014. 117 с.
107. *Митрофанова А. В.* Холодная война и международные отношения в постбиполярном мире в свете теории гегемонистской стабильности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 22–36.
108. *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. М: Альпина Бизнес Букс, 2004. Пер. с англ. А. Лисовского, А. Лисициной, Е. Китаевой. 688 с.
109. *Осокина Н.* Мексиканский экономический кризис 1994 года // Обозреватель-Observer. 1998. № 10 (105). С. 60–65.
110. *Пери А.* Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Института Гайдара. 2018. Пер. с англ. 296 с.
111. *Пинчук И.И.* Балканский кризис и Становление концепции «Гуманитарных интервенций» // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 4 (24) С. 24–54.

112. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. М: Алетейя. 2002. Пер. с англ. 320 с.
113. *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября. М: Мысль. 2002. 192 с.
114. *Сидоров А. А., Третьяков А.Д.* Взгляды американских реалистов на теорию гегемонистской стабильности в постбиполярный период (1991–2009 гг.) // Клио. 2025. № 6. С. 115–123.
115. *Солянова М. В.* Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
116. *Степанова Е.А.* Политика администрации Клинтона в области регулирования региональных конфликтов: от ООН к НАТО // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 117–133.
117. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М: Гардарики. 2002. С. 53–68.
118. *Третьяков А. Д.* Реабилитация идеи региональной гегемонии Германии в немецкой политической мысли (1989–2013) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 3. С. 52–63
119. *Третьяков А. Д.* Деятельность аналитического центра «Проект за новый американский век» в контексте внешней политики США (1997–2006) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 37–49.
120. *Третьяков А. Д.* Анализ доктрины Буша-младшего с точки зрения теории гегемонистской стабильности в американском экспертном сообществе // Клио. 2024. № 2 (206). С. 61–71.

121. *Третьяков А. Д.* Теория гегемонистской стабильности как элемент внешнеполитической стратегии администрации У. Клинтона // Клио. 2024. № 04 (208). С 49–57.
122. *Уткин А.И.* Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://globalaffairs.ru/articles/doktrina-busha-konczepczija-razdelivshaya-ameriku/>
123. *Фукуяма Ф.* Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. АСТ. 2007. Пер. с англ. А. Георгиева. 288 с.
124. *Хомский Н.* Гегемония, или Борьба за выживание. М. Столица. Принт. 2007. Пер. с англ. 460 с.
125. *Шаклеина Т. А.* Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 35–58.
126. *Шаклеина Т.А.* Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. № 13 (4). С. 6–19.
127. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН. 2002. 445 с.
128. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика. 1995. Пер. с нем. 540 с.

Диссертации

129. *Блохин К. В.* Внешнеполитическая концепция американского неоконсерватизма и ее реализация в отношении СССР и России: 1945–2012 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.15 / Блохин Константин Владимирович; [Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2013. 26 с.

Англоязычная историография

130. *Art R.* A grand strategy for America // Cornell Studies in Security Affairs. 2003. P. 45–79.
131. *Art R. J.* Geopolitics Updated: The Strategy of Selective Engagement // International Security. 1998. № 23 (3) С. 79–113
132. *Bateman B., Hirai T., Marcuzzo M. C.* The Return to Keynes. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press. 2010. 320 p.
133. *Beeson M., Broome A.* Hegemonic instability and East Asia: Contradictions, crises, and US power // Globalizations. 2010. № 7(4). P. 507–523.
134. *Bodenheimer, T. S. Gould R.* US Military Doctrines and Their Relation to Foreign Policy / *Varas A.* Hemispheric security and US policy in Latin America. NY: Routledge. 1989. P. 7–32.
135. *Brands H.* From Berlin to Baghdad: America’s search for purpose in the post-cold war world. Lexington: University Press of Kentucky, 2008. 424 p.
136. *Brooks S. J., Wohlforth W.* World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. New Jersey: Princeton University Press, 2008, 226 p.
137. *Brumberg D.* Hegemony or Leadership? // Harvard International Review. 2003. № 25 (1). Pp. 5–6.
138. *Brzezinski Z.* Out of control: global turmoil on the eve of the twenty-first century. NY: Touchstone Books, 1995. 240 p.
139. *Burns B.* At war in Nicaragua: the Reagan doctrine and the politics of nostalgia. NY: Harper & Row. 1987. 211 p.
140. *Calleo D. P.* Beyond American hegemony: the future of the Western Alliance. NY: Basic Books, 1987. 288 p.

141. *Chollet D. H., Goldgeier J. M.* America Between the Wars. NY: Public Affairs Books, 2008. 432 p.
142. *Cohen B.* International Political Economy: An Intellectual History. New Jersey: Princeton University Press, 2008. 224 p.
143. *Colodny L., Shechtman T.* The forty years war. The Rise and Fall of neocons, from Nixon to Obama. NY: Harper, 2010. 512 p.
144. *Cox R.* Gramsci, Hegemony and International Relations // Journal of International Studies. 1982. № 12 (2). P. 162–184.
145. *De Castro Santos M. H., Texeira U. T.* The essential role of democracy in the Bush Doctrine: the invasions of Iraq and Afghanistan // Rev. Bras. Polít. 2013. №56.
146. *Dehio L.* The Precarious Balance. NY: Alfred A. Knopf, 1962. 245 p.
147. *Dermer R., Sharansky N.* The Case for Democracy. The Power of Freedom to Overcome Tyranny and Terror. NY: Public Affairs, 2004. 352 p.
148. *Doyle M. W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy & Public Affairs. 1983. № 12. Pp. 205–235
149. *Drew E.* On The Edge: The Clinton Presidency. NY: Simon& Schuster, 1994. 494 p.
150. *Dumbrell J.* Was There a Clinton Doctrine? President Clinton's Foreign Policy Reconsidered // Diplomacy and Statecraft. 2002. № 13 (2). P. 43–56.
151. *Elden S.* Terror and Territory: The Spatial Extent of Sovereignty. University of Minnesota Press. 2010. 304 p.
152. *Ferguson N.* Colossus: the rise and fall of the American empire. NY: Penguin Books, 2005. 386 p.
153. *Freedman L.* The Gulf War and the New World Order // Survival. 1991. № 33 (3). P. 195–196.

154. *Friedman T. L.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. NY: Anchor. Anchor. 490 p.
155. *Frum D.* The Right Man: The Surprise Presidency of George W. Bush. London: Random House, 2003. 307 p.
156. *Fukuyama F.* Francis Fukuyama on the end of American hegemony [Электронный ресурс] // The Economist. 2021. August. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony> (дата обращения: 30.04.2024).
157. *Gavris M.* Revisiting the fallacies in Hegemonic Stability Theory in light of the 2007–2008 crisis: the theory’s hollow conceptualization of hegemony // Review of International Political Economy. 2019. № 28 (3). P. 739–760.
158. *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic Wars // The Journal of Interdisciplinary History. 1988. №18 (4). P. 591–613.
159. *Gilpin R.* The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the Twenty-First Century. New Jersey: Princeton University Press, 2002. 373 p.
160. *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. New Jersey: Princeton University Press, 1987. 472 p.
161. *Gilpin R.* U.S. Power and the Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment. NY: Basic Books, 1975. 291 p.
162. *Gilpin R.* War and Change in World Politics // Cambridge University Press, 1981. 272 p.
163. *Glaser C.* Realists as Optimists: Cooperation as Self-Help // Security Studies. 1996. № 5 (3). P. 122–163.

164. *Gowa J.* Rational Hegemons, Excludable Goods, and Small Groups: An Epitaph for Hegemonic Stability Theory? // *World Politics*. 1989. № 41 (3). P. 307–324.
165. *Gramsci A.* Selections from the prison notebooks of Antonio Gramsci / edited and translated from the Italian by Hoare Q. and Nowell Smith G. Lawrence and Wishart, 1971. 483 p.
166. *Heather B.* Hegemonic instability: complex interdependence and the dynamics of financial crisis in the contemporary international system // *European Journal of International Relations*. 2017. № 27 (2). Pp. 369–402.
167. *Huntington S.* America's changing strategic interests // *Survival*. 1991. № 33. P. 3–17.
168. *Huntington S.* Dead Souls: The Denationalization of the American Elite // *The National Interest*. Spring 2004. № 75. Pp. 5–18.
169. *Hyland W. G.* Clinton's World: Remaking American Foreign Policy. Westport: Praeger. 1999. 232 p.
170. *Ikenberry G.J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. New Jersey: Princeton University Press, 2000. 320 p.
171. *Ikenberry G.J., Myers J.J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. New Jersey: Princeton University Press, 2012. 392 p.
172. *Ikenberry J.* American Grand Strategy in the Age of Terror // *Survival*. 2001. № 43 (4) Pp. 19–34.
173. *Ikenberry J.* Democracy, Institutions, and American Restraint / Ikenberry J. *America Unrivaled*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 2002. Pp. 213–238.

174. *Ikenberry J.* Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // *International Security*. 1999. № 23 (3). Pp. 43–78.
175. *Ikenberry J.* Kupchan C. Liberal Realism // *The National Interest*. 2004. Fall. Pp. 38–49.
176. *Ikenberry J.* Unilateralism in US Foreign Policy: What Role does America See for Europe? / Just Another Major Crisis?: The United States and Europe since 2000. Oxford University Press. 2008. P. 77–93.
177. *Ikenberry J.G., Nye J.S.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press. 2003. 240 p.
178. *Imwalle L. E., Volgy T.J.* Two faces of hegemonic strength: Structural versus relational capabilities // *International Interactions*. 2000. № 26. P. 229–251.
179. *Jeffrey A., Ikenberry J., Risse T.* The End of the West? Crisis and Change in the Atlantic Order. NY: Cornell University Press. 2008. 312 p.
180. *Jervis R.* Understanding the Bush Doctrine // *Political Science Quarterly*, № 118 (3). 2003. Pp. 365–388.
181. *Jervis R.* Why the Bush Doctrine Cannot Be Sustained // *Political Science Quarterly*. 2005. № 120. Pp. 351–377.
182. *Johns F. G.* Engaging The World: Anthony Lake And American Grand Strategy, 1993–1997 // *The Historical Journal*. 2016. № 59. P. 869–901.
183. *Kagan R.* Power and Weakness [Электронный ресурс] // *Policy Review*. 2003. № 113. Режим доступа: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2014/10/power-and-weakness.pdf> (Дата обращения: 20.04.2024)
184. *Kagan R.* The World America Made. NY: Knopf. 2012. 160 p.

185. *Kegley C. W.* The Neoidealist Moment in International Studies? Realist Myths and the New International Realities: ISA Presidential Address March 27, 1993 Acapulco, Mexico // *International Studies Quarterly*. 1993. № 37 (2) Pp. 131–146.
186. *Kelly M. J.* The Bush Foreign Policy 2001–2003: Unilateralist Theory in a Multilateral World and the Opportunity for Change Offered by Iraq // *Washington University Global Studies Law Review*. 2003. № 2. Pp. 221–229
187. *Kennedy P.* The Greatest Superpower Ever // *New Perspectives Quarterly*. 2002. № 19 (2). P. 8–18.
188. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. London: Unwin Human, 1987. 680 p.
189. *Keohane R., Nye, J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company. 1989. 326 p.
190. *Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. New Jersey: Princeton University Press, 1984. 320 p.
191. *Keohane R.O.* The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1967–1977 / Goddard C. R., Passé-Smith J. T., Conklin J. G. 1996-International Political Economy: State-Market Relations in the Changing Global Order. Boulder: Lynne Rienner Pub, 1996. Pp. 64–84.
192. *Khalilzad Z.* Losing the moment? The United States and the world after the Cold War // *The Washington Quarterly*. 1995. № 18 (2). P. 85–107.
193. *Kindlberger C.* The world in depression, 1929–1939. 40th Anniversary Edition. Chapel Hill: University of Carolina Press, 2013. 344 p.
194. *Korolev A.* Balancing in a Unipolar World: The Case of the 2008 Russian-Georgian Conflict // *Civilitas*. 2011. № 3. P. 58–88.

195. *Krasner S.* State Power and the Structure of International Trade // *World Politics*. 1976. Vol. 28, No. 3, P. 317–347.
196. *Krasner S., Webb M.* Hegemonic stability theory: an empirical assessment // *Review of International Studies*. 1989. № 75 P.183–198.
197. *Krasner S.D.* Structural conflict: the Third World against global liberalism. Berkeley: University of California Press, 1985. 376 p.
198. *Kupchan C.* The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century NY: Knopf. 2002. Pp. 28, 119–159.
199. *Kupchan, C.* The End of the American Era: US Foreign Policy and Geopolitics in the Twenty-First Century. NY: Vintage Books. 2003. 416 p.
200. *Lake A.* Confronting Backlash States [Электронный ресурс] // *Foreign Affairs*. March/April 1994. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states> (Дата обращения: 15.03.2024)
201. *Lake A.* From Containment to Enlargement. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University [Электронный ресурс] // *Baltimore: Dispatch Magazine*. 1993 № 39 (4). Режим доступа: <https://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/usa/1993/usa-930921.htm> (Дата обращения: 26.04.2025).
202. *Lake A.* Laying the Foundations for a New American Century [Электронный ресурс] // clintonwhitehouse.gov. 1995. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://clintonwhitehouse6.archives.gov/1996/04/1996-04-25-anthony-lake-address-to-the-fletcher-school.html> (Дата обращения: 15.03.2024)
203. *Lake A.* Pragmatism and principle in US foreign policy // *Department of State, Bureau of Public Affairs*, 1997. Pp. 2–6.

204. *Lake A.* The 'tar baby' option: American policy toward southern Rhodesia. NY: Columbia University Press, 1976. 316 p.
205. *Lake A.* Third world radical regimes: US policy under Carter and Reagan // *Headline series*, Foreign Policy Association. 1985. № 272. P. 1, 4, 5, 9.
206. *Lake D.A.* Beneath the Commerce of Nations: A Theory of International Economic Structures // *International Studies Quarterly*. 2007. № 28 (2). Pp. 143–170.
207. *Layne C.* The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise // *International Security*. 1993. № 17 (4). P. 5–51.
208. *Layne K.* The Waning of U.S. Hegemony—Myth or Reality? A Review Essay // *International Security*. 2009. № 34 (1). Pp. 147–172.
209. *Layne C.* Offshore Balancing Revisited // *Washington Quarterly*. 2002. № 25 (2). Pp. 233–248.
210. *Levy J. Thompson W.* Balances and balancing: concepts, proposition and research design / *Realism and the Balancing of Power: A New Debate*. New Jersey: Prentice Hall, 2003. Pp. 128–53.
211. *Levy J. Thompson W.* Balancing on land and at sea: do states ally against the leading global power // *International Security*. 2010. № 35 (1). Pp. 7–43
212. *Lewis A.* The Theory of Economic Growth. NY: Harper & Row. 1970. 453 p.
213. *Loffman G.* The Bush Doctrine redux: changes and continuities in American grand strategy since 9/11 // *International Politics*. 2023. № 3. P. 1–22.

214. *Lom S. G.* Hegemony, Democracy, and the Legacy of the Iraq War [Электронный ресурс] // Foreign Policy Research Institute. 2023. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2003-book2/pdf/PPP-2003-book2-doc-pg883.pdf> (Дата обращения 13.12.2023)
215. *Luttwak E.* The grand strategy of the Roman Empire from the first century A.D. to the third. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1976. 192 p.
216. *Maier C.* In Search of Stability: Explorations in Historical Political Economy. Cambridge University Press. 1987. 291 p.
217. *Mandelbaum M.* The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century. NY: Public Affairs. 2005. 230 p.
218. *Mann J.* Rise of the Vulcans: the history of Bush's war cabinet. New York, N.Y: Penguin Books. 2004. 448 p.
219. *Mastanduno M.* Sheetz M. Correspondence: debating the unipolar moment // International Security. 1997. № 22/3. Pp. 168–169.
220. *McFaul M.* The Liberty Doctrine // Policy Review. 2002. №. 112. С. 1–24.
221. *McKeown T. J.* Hegemonic Stability Theory and Nineteenth-Century Tariff Levels in Europe // International Organization. 1983. № 37 (1). P. 73–91.
222. *Mearsheimer J.* Hans Morgenthau and the Iraq war: realism versus neo-conservatism [Электронный ресурс] // Open Democracy – 2005 – РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/07/A0037.pdf> (Дата обращения: 20.08.2024).
223. *Mearsheimer J. J.* Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press. 2018. 320 p.

224. *Mearsheimer J. J.* The future of America's Continental Commitments / No End to Alliance. London: Palgrave MacMillan. 1998. Pp. 221–242.
225. *Mearsheimer J. J.* The tragedy of Great Power politics. NY: W. W. Norton & Company, 2014. 592 p.
226. *Modelski J.* Long cycles in world politics. University of Washington Press 1987. 244 p.
227. *Modelski J., Thompson W.* Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Chicago: University of South Carolina Press, 1996. 282p.
228. *Monteiro N.* Unrest Assured: Why Unipolarity Is Not Peaceful // International Security. 2012. № 36 (3). Pp. 9–40.
229. *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine: Power, Nationalism, and Democracy Promotion in U.s. Strategy // International Security. 2005. № 29. Pp. 112–156.
230. *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations the Struggle for Power and Peace. NY: McGraw-Hill, 1993. 688 p.
231. *Morgenthau H.J.* Truth and power, essays of a decade, 1960-70. Westport: Praeger, 1970. 462 p.
232. *Nau H.* At Home Abroad: Identity and Power in American Foreign Policy. NY: Cornell University Press, 2002. 336 p.
233. *Nau H. R.* The Myth of America's Decline: Leading the World Economy into the 1990s. Oxford University Press, 1990. 448 p.
234. *Nixon R.* Seize the moment: America's challenge in a one-superpower world. NY: Simon & Schuster, 1992. 352 p.
235. *Norrloff C.* America's Global Advantage: US Hegemony and International Cooperation. Cambridge University Press, 2010. 302 p.

236. Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. NY: Basic Books, 1990. 336 p.
237. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs. 2004. 208 p.
238. *Oliver J.* Pragmatic Fathers and Ideological Suns: Foreign Policy in the Administrations of George H.W. Bush and George W Bush // White House Studies. 2007. № 7. Pp. 199–213.
239. *Organski A.F. K.* World Politics. NY: Knopf. 1958. 461 p.
240. *Ostrovsky M.* Military Globalization: Geography, Strategy, Weaponry. Leviston: Edwin Mellen Press, 2018. 363 p.
241. *Owen J. M.* Transnational Liberalism and U.S. Primacy // International Security. № 26 (3) 2001. Pp. 117–152.
242. *Pach C.* The Reagan Doctrine: Principle, Pragmatism, and Policy // Presidential Studies Quarterly. March 2006. Pp. 75–88.
243. *Pitt W. R.* Blood Money: Project for the New American Century [Электронный ресурс] // Truthout. 2003. РЕЖИМ ДОСТУПА: www.thirdworldtraveler.com/zew_World_Order/BloodMoney_PNAC_WRPitt.html. (дата обращения: 02.03.2022).
244. *Posen B. R.* Command of the Commons: The Military Foundation of the U.S. Hegemony // International Security. 2003. № 28 (1) Pp. 5–46.
245. *Posen B. R.* Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. NY: Cornell University Press. 2014. 256 p.
246. *Posner E.* Sykes A. Optimal War and Jus Ad Bellum // The Georgetown Law Review. 2004. № 93. Pp. 993–1022.
247. *Reynolds P.* End of the Neo-Con Dream [Электронный ресурс] // BBC News. 2006. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/6189793.stm (дата обращения: 07.03.2022).

248. *Rigstad M.* The 'Bush Doctrine' as a Hegemonic Discourse Strategy // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2009. № 12(3). Pp. 377–398.
249. *Rosen S.* An Empire, If You Can Keep It // *The National Interest*. 2003. P. 51–61.
250. *Rudolf P.* Liberal Hegemony and US Foreign Policy under Barack Obama [Электронный ресурс] // swp-berlin. 2008. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C40_rdf.pdf (дата обращения: 26.04.2021).
251. *Søndergaard R.* Bill Clinton's 'Democratic Enlargement' and the Securitisation of Democracy Promotion // *Diplomacy & Statecraft*. 2015. № 26 (3). Pp. 534–551.
252. Ryan M. *Neoconservatism and the New American Century*. London: Palgrave Macmillan, 2010. 283 p.
253. Saull R. *Hegemony and the Global Political Economy / Denmark R., Marlin-Bennet R. The International Studies Encyclopedia*. London: Wiley-Blackwell, 2010. Vol 5. 8320 p.
254. Schroeder P.W. *The Mirage of Empire Versus the Promise of Hegemony / Systems, Stability, and Statecraft Essays on the International History of Modern Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2004. Pp. 297–305.
255. Schulze-Gaevernitz G. *Britischer Imperialismus und englischer Freihandel: zu Beginn des 20 Jahrhunderts*. Berlin: Duncker & Humblot. 1915. 477 p.
256. *Skidelsky R.* *Keynes: the return of the master*. London: Allen Lane, 2009. 228 p.

257. *Smidt B.* Hegemony: A conceptual and theoretical analysis [Электронный ресурс] // DOC Research Institute. 2018. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://doc-research.org/2018/08/hegemony-conceptual-theoretical-analysis/> (дата обращения: 30.04.2021).
258. *Smith T.* A Pact with The Devil: Washington's Bid for World Supremacy and the Betrayal of the American Promise. NY: Routledge, 2007. 255 p.
259. *Smith T.* America's Mission: The United States and The Worldwide Struggle for Democracy in The Twentieth Century. New Jersey: Princeton University Press, 1994. 416 p.
260. Snidal D. The limits of hegemonic stability theory // International Organization. 1985. № 39 (4). Pp. 579–614.
261. Snyder J. Imperial Temptations // The National Interest. Spring 2003. Pp. 29–40.
262. Soderberg N. The Superpower Myth: The Use and Misuse of American Might. NJ: John Wiley & Sons, 2005. 416 p.
263. *Sørensen G.* A Liberal World Order in Crisis. Choosing Between Imposition and Restraint. NY: Ithaca, 2011. 218 p.
264. *Spiezio K.E.* British Hegemony and Major Power War, 1815–1939: An Empirical Test of Gilpin's Model of Hegemonic Governance // International Studies Quarterly. 1990. № 34 (2) Pp. 165–181.
265. *Stadelmann R.* Hegemonie und Gleichgewicht. Berlin: Laupheim. 1950. 158 p.
266. *Stokes D.* Trump, American hegemony and the future of the liberal international order // International Affairs. 2018. № 94 (1). Pp. 133–150.
267. *Strange S.* Cave! Hic Dragones: A Critique of Regime Analysis // International Organization. 1982. № 36(2).1982. Pp. 479–496

268. *Strange S.* Mad money: from the author of Casino capitalism. Manchester University Press, 1982. 224 p.
269. *Strange S.* The Persistent myth of lost hegemony // International Organization. 1987. № 41 (4). Pp. 551–574.
270. *Strange S.* Casino capitalism. London: Blackwell Pub, 1986. 307 p.
271. *Strange S.* The Retreat of the state: the diffusion of power in the world economy. NY: Cambridge University Press, 1996. 218 p.
272. *Talbott S.* Promoting Democracy and Prosperity in Central Asia // US Department of State Dispatch. 1994. № 5 (19). Pp. 280–282.
273. *Thayer B.* In defense of primacy // National Interest. 2006. № 86. P. 34.
274. *Triepel H.* Die Hegemonie. Berlin: Stuttgart press, 1938. 368 p.
275. *Vaa S.* Project for the New American Century: How One Think Tank May Influence American Foreign Policy [Электронный ресурс] // The University of Oslo, 2005. РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/25398/Ferdigxmasteroppga ve.pdf> (дата обращения: 04.02.2022).
276. *Vaisse J.* Neoconservatism. The Biography of movement. Belknap Press of Harvard University Press, 2008. 376 p.
277. *Van der Putten F., Rood J., Meijnders M.* Great powers and global stability. Hague: Clingendael Monitor. 2016. 48 p.
278. *Wallerstein I.* The decline of American power: the U.S. in a chaotic world. NY: New Press, 2003. 324 p.
279. *Walt S.* Alliances in a unipolar world // World Politics. 2009. № 61(1). Pp. 86–97.
280. *Walt S.* Beyond bin Laden // International Security. 2002. № 26. (3) Pp. 56–78.

281. *Walt S.* Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. NY: W. W. Norton & Company, 2005. 322 c.
282. *Waltz K.* Structural Realism After the Cold War // *International Security*. 2002. № 25 (1). Pp. 5–41.
283. *Waltz K.* The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. 1993. № 18 (2). Pp. 44–79.
284. *Waltz K.* The United States: Alone in the World / *Zartman W.* Imbalance of Power: US Hegemony and International Order. Boulder: Lynne Rienner. 2009. Pp. 27–36.
285. *Wilkinson D.* Unipolarity without Hegemony // *International Studies Review*. 1999. № 2. P. 72–141.
286. *Wohlfort W.* The Stability of a Unipolar World // *International Security*. 1999. № 24 (1). P. 5–41.
287. *Wohlforth W.* How not to evaluate theories // *International Studies Quarterly*. 2012. № 56 (1). P. 219–222.
288. *Worth O.* Rethinking Hegemony. London: Palgrave Macmillan, 2017. 232 p.
289. *Yetiv S.* Explaining foreign policy: U.S. decision-making and the Persian Gulf War. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 304 p.
290. *Yoo J.* Using Force // *University of Chicago Law Review*. 2004. № 7. 62 p.

Приложение 1. Рассматриваемые в работе подходы американских экспертов в отношении теории гегемонистской стабильности

Теория гегемонистской стабильности в биполярный период						
Отношение к ТГС	Сторонники			Противники		
Подходы	Реалистический подход		Либеральный подход	Мир-системный подход		Критики из числа иных школ
Эксперты	Ч. Киндлбергер, Р. Гилпин, А. Органски, С. Стрендж, С. Краснер, М. Узб		Р. Кеохейн, Дж. Най, С. Хоффман	И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Дж. Арриги, Р. Кокс, Дж. Модельски, У. Томпсон		Т. Макьюэн, Э. Шпизио, Т. Волги, Л. Имоул, Д. С니다л, Д. Каллео, Д. Лейк
Основной тезис	Государство-гегемон стабилизирует мир посредством своего военно-экономического доминирования		Гегемон создает международные институты, которые в дальнейшем могут стабилизировать систему без него	Гегемоны – это последовательно сменяющиеся государства-лидеры, не меняющие характер международной системы		ТГС обладает ограниченными объяснительными свойствами
Теория гегемонистской стабильности в постбиполярный период в экспертном сообществе США						
Отношение к ТГС	Сторонники			Противники		
Подходы	Реалисты-оптимисты	Неоимперский подход	Либералы-оптимисты	Реалисты-скептики	Либералы-скептики	Мир-системный подход
Эксперты	М. Мастандуно, М. Шитц, У. Уолфорт, С. Брукс, Р. Джервис, П. Шредер, Б. Тайер, Дж. Леви	З. Хализад, Р. Кейган, У. Кристол, Ч. Краутхаммер С. Роузен, Н. Фергюсон, Дж. Йу, Э. Познер, А. Сайкс, З. Бжезинский, М. Макфол, Д. Брамберг	Ч. Кегли, Дж. Снайдер, Дж. Най, Дж. Айкенберри, Г. Нау, Ч. Купчан, Дж. Майерс, Дж. Оуэн, М. Мандельбаум, А. Ливен, Дж. Монтен, Ф. Закария	К. Уолтц, Дж. Миршаймер, К. Лейн, П. Кеннеди, Р. Арт, С. Уолт, Б. Позен	М. Рингстад, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Ч. Мейнс, М. Говард	И. Валлерстайн, Д. Вилкинсон, Н. Хомский, К. Чейз-Дан
Основной тезис	Гегемония США является конструктивной, вследствие своего экономического и военного превосходства	Гегемония США является конструктивной из-за готовности Вашингтона брать на себя ответственность за распространение демократии	Гегемония США является конструктивной из-за созданных ею устойчивых международных институтов и «мягкой силы»	Гегемония США не является конструктивной вследствие ее противоречия объективному характеру международных отношений	Гегемония США не является конструктивной из-за чрезмерно агрессивной политики Вашингтона	Гегемония США не является конструктивной вследствие того, что закрепляет международное неравенство

